

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2009

Содержание

1. ПОГРЕБЕНИЕ КАПИТАНА МАЙЗНЕРА
2. АНГЕЛЛИ /ГЛАВА IV/
3. РЕЧЬ ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО
4. ПОХОРОНЫ СЛОВАЦКОГО
5. «ЛУКОВИЦЫ» СЛОВАЦКОГО
6. БАРБАРА СКАРГА
7. СКОНЧАЕМОСТЬ
8. ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ...
9. РЕДАКТОР ОТВЕЧАЕТ ПРЕМЬЕРУ
10. МЫ ВЫИГРАЛИ ПО ОЧКАМ
11. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
12. ПРОБЛЕМЫ С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ
13. НАУЧИТЬ ВОСПРИИМЧИВОСТИ
14. СИМВОЛ ВСЕГО САМОГО ПРЕКРАСНОГО, ЧТО ЕСТЬ В
ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
15. LAUDATIO КРИСТИНЕ СТАРЧЕВСКОЙ
16. О ПОЛЬСКИХ ВЛИЯНИЯХ
17. ТРУДНО ПРОСТИТЬ ТОМУ, ПЕРЕД КЕМ ВИНОВАТ
18. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
19. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ПОГРЕБЕНИЕ КАПИТАНА МАЙЗНЕРА

Мы гроб убогий из больницы взяли,
Чтоб в нищенской зарыть сейчас же яме;
Ни вздоха сожаленья, ни печали,
Ни капли слёз над бедными костями, —
Вчера — был полон юности и силы,
А завтра — не отыщешь и могилы!
Хотя бы хор на тризне офицерской
Иль в изголовье — карабин солдата,
Тот карабин, чей выстрел бельведерский
Ещё не смолк в ушах у супостата, —
Иль пуля в сердце, что не знало страха, —
Нет, лишь в больнице — койка да рубаха!
Он думал ли — под синей ночи сенью,
Когда лежал в гробу у Кармелитов,
И гроб разверзла весть о воскресенье,
И Польша встала из могил открытых, —
Он думал ли, прижав винтовку к груди,
Что смерть его такой убогой будет?..
Тут сторож к нам приблизился больничный
И ведьмы те, что охраняют мёртвых, —
В «дом милосердия» дверь рукой привычной
Открыв, сказали: «Здесь, средь тел простёртых,

Ищите брата, что вчера по свету
Шатался с вами — только тот ли это?»
Из-под повязки, что в крови намокла
От ревностной работы живодёров,
Его глаза светлели, точно стёкла,
И словно избегали наших взоров, —
И гроб закрыть мы ведьмам приказали,
Сказав, что брата тотчас же узнали...
Сражённый этой нищетой убогой,
Один из нас спросил: «А где ж могила?» —
«В черте погоста, милосердьем Бога, —
Больничная карга нам пробасила, —
По спискам ставим мы в земной утробе,
В огромной яме, прямо гроб на гробе».
Тут юноша с горячим состраданием
Дал золотой — яге из богадельни:
«Пусть „miserere” прозвучит рыданьем,
Крест и ограду сделайте отдельно...»
Он смолк, а мы, склонившись онемело,
На блюдо слёзы сыпали — и мелочь...
Так пусть же он и Господу ответит
Так, как гласит дощечка у ограды:
Он капитаном был на этом свете
Девятого полка, вёл в бой отряды,
И, всё отдав отчизне — жизнь и силу, —
Как милостыню, получил — могилу!

Но Ты, незримый в средоточье света,
Следящий гибель ратников отчизны, —
Тебя мы молим: ради жертвы этой
Зажги хоть солнца блеск в день нашей тризны!
Пусть день взойдёт над нашим скорбным краем!
Пусть видят нас, когда мы умираем
(1845)

К 200-летию Юлиуша Словацкого

АНГЕЛЛИ /ГЛАВА IV/

И проходили Шаман с Ангелли по пустым дорогам Сибири, где стояли тюрьмы.

И видели они лица узников, сквозь решётку смотревших в печальное бледное небо.

И возле одной из тех тюрем встретили они людей, несущих гробы, и остановил их Шаман, велев отворить гробы.

И вот, когда сняли крышки гробов, вздрогнул Ангелли, увидев, что мёртвые были ещё в цепях, и сказал: «Вот, Шаман, они боятся, как бы не воскресли эти замученные.

Разбуди же кого-нибудь из них, ибо ты владеешь силой чуда; разбуди этого старца с седой бородой и белыми волосами: мне кажется, я знал его живым».

А Шаман, сурово глянув, рек: «И что же? Вот, я воскрешу его, а ты опять его убьешь. Поистине, дважды я его воскрешу, и дважды примет он смерть от тебя.

Но пусть будет, как ты хочешь, дабы понял ты: смерть хранит нас от печалей, что уже собрались было в путь, но застали нас мёртвыми».

Так говоря, взглянул Шаман на старца во гробе и рек: «Восстань!» И тело в цепях поднялось и село, глядя на людей как бы сквозь сон.

И тогда, узнав его, сказал Ангелли: «Привет тебе, человек, некогда могущественный и один из мудрейших в совете.

Что привело тебя в тюрьме к тому, что стал ты пресмыкаться перед властью и запятнал себя признанием вины, о коем мы слышали?

Зачем отрекся ты от души своей и прошлого своего? Или страданиями отняты у тебя разум и память? Что ты наделал!

Ты причинил нам вред; ибо теперь чужие люди говорят нам: вот, предводители ваши отрекаются и отворачиваются душой от народа, только малые упорствуют в постоянстве.

Значит, упорство есть постоянство малых, тогда как люди, первые в народе, признают свою ошибку, даже не ожидая прощенья».

Когда Ангелли говорил это, случилось по слову Шамана: воскресенный тот, застонав, умер вновь.

И тогда сказал Шаман: «Ты убил его, Ангелли, повторив людские наветы и клевету, о которых он перед смертью не ведал.

Но я воскрешу его снова, а ты остерегайся, как бы и во второй раз не предать его смерти».

Сказав это, он разбудил умершего, и поднялся тот человек во гробе, проливая слезы из открытых век.

И сказал ему Ангелли: «Прости, ибо я не знал, что повторяю наветы и клевету.

Вот, я видел тебя в совете народа с братом твоим и всегда видел рядом головы ваши, белизною подобные двум голубям, что вместе слетают на просо.

Ибо поистине, словно два голубя, слетали вы на урну, полную проектов, и вылущивали зерна законов; а на плевелы слетались мелкие воробьи, чирикавая о вещах менее важных.

Прости, что сравнил вас с птицами Божьими и ничтожными предметами; но так повелевает белизна и простота ваша.

О, несчастные! один из вас ищет упокоения на сибирском погосте, а другой лежит под розами и кипарисами над Сеной. Бедные голуби, разлученные и умершие!»

Услышав эти слова, воскресенный воскликнул: «Мой брат!» И повалился во гроб, и умер.

А Шаман рек Ангелли: «Зачем ты сказал ему о смерти брата? Еще мгновение, и он узнал бы от Бога и встретился с братом своим во царствии небесном.

Свершилось! Пусть закроют гробы и несут их на кладбище. А ты не проси меня больше, чтоб я воскресил тех, кто спит и вкушает покой».

К 200-летию Юлиуша Словацкого

РЕЧЬ ЮЗЕФА ПИЛСУДСКОГО

Когда стоишь перед гробом, приходится говорить о смерти, всемогущей владычице всего живого. Всё, что живет, умирает, а всё, что умирает, прежде было живо. Законы смерти жестоки. Они словно стремятся подтвердить истину: то, что из праха создано, вновь обратится в прах. Когда мы бросаем камень в гладь спокойной воды, возникают круги, которые постепенно расходятся и замирают. Так живут люди, когда входят в зияющие врата смерти: круги постепенно замирают и исчезают, оставляя после себя пустоту и забвение. Законы смерти и законы жизни взаимосвязаны, жестоки и безжалостны. Жило множество людей, и все умерли. Поколения за поколениями, живущие обыденной жизнью — обычной или необычной, — уходят в вечность, оставляя по себе лишь смутную память. Память, где нет ни имен, ни фамилий. И все-таки правда человеческой жизни дает и другие примеры. Есть люди и труды человеческие столь могучие, что они побеждают смерть, продолжают жить среди нас и общаться с нами. Перед нами гроб с останками человека, которые свидетельствуют об истине: ты прах и в прах обратишься. А Словацкий среди нас — как живая правда жизни. Всё шире круг тех, кто знает его. Мы знаем о нем столько, сколько ни о ком из своих знакомых. Даже то, чего и о братьях не знаем. Поэтому он — наш живой знакомец. Мы знаем подробности его жизни, истории о нем, да что там — как пишет сам поэт, и письмо к эконому, и вечный союз с Хандей или Марылькой известны нам и знакомы^[1]. Откуда-то извлеченные, они явлены нашим глазам. Так преодолены законы смерти. Словацкий — наш живой знакомец, и знакомство с ним — широчайшее, всеобщее, у него теперь знакомых больше, чем было при жизни. И наоборот: те полтора десятка миллионов поляков, среди которых жил Словацкий, — что от них осталось? У них нет ни имен, ни фамилий, ибо лишь несколько личностей из того поколения предстают перед нами как живые существа, как те, кто не умирает и не исчезает. Он жил всего сто лет назад, с тех пор только три поколения ушли или уходят, но если пересчитать людей, о которых мы хоть что-то знаем, окажется, что их совсем мало. Что же касается Словацкого, то мы встречаемся и общаемся с ним ежедневно. Повторяем его слова, как если бы он был жив, чувствуем то же, что переживал он, скитаясь по свету. Знаем, что ему нравилось, а что не произвело на него никакого впечатления. Поэтому он жив, живет среди нас, и жестокой, всемогущей правды смерти для него не существует.

Возможно, вы скажете: это метафора, это неверно, — и все-таки живая правда существования этого человека истинна и реальна — вне зависимости от того, кто и что о ней говорит. Словацкий жив, ибо умереть не может. Кажется, что зияющие врата смерти закрылись за ним неплотно. Для некоторых людей эти врата остаются открытыми, их жизнь и смерть нераздельны. Кажется, есть люди, которым суждено жить дольше, чья жизнь длится не годы, а века, вопреки правде человеческого естества. И теперь, когда мы вносим останки Словацкого в усыпальницу королей, мы знаем, что вновь продлеваем его жизнь: он будет жить, пока время не разрушит стены Вавеля и сама скала, стоящая одиноко над Вислой, не уступит натиску смерти. Мы продлеваем его жизнь и правду его бытия, он остается среди людей.

Когда сочту слои земли отверстой и остоны узрю — свидетельства Творца, я так скажу: есть среди усопших те, кто жив, прозрачен, свеж и юн настолько, что искренне никто о них скорбеть не мог бы^[2]. Не скорбим мы и о Словацком! Когда его гроб везут через всю Польшу, люди не прощаются с ним, а приветствуют его, как если б он был живым человеком, и погребальные колокола бьют не скорбно, а радостно и ликующе. Никто из нас не мог бы рыдать над мертвым Словацким. Вновь утверждаю: для некоторых людей зияющих врат смерти не существует. Это свидетельство истины величия — ведь законы великого иные, чем законы малого. Когда сочту слои земли отверстой и прошлого пути узрю, пути, по которым шагает человечество и ступает история, это будут прочные мощеные дороги. Поколения людей, входя в жизнь и умирая, вымостили их жизнью своей и смертью. Поколения, оставив след своими костями, повседневным трудом и обыденным отдыхом, вымостили прочные и вечные тракты. Но всюду, где на тракте поворот, где изгиб дороги, где появляются сомнения и тревоги маленьких людей, всюду на распутьях, подобно дорожным указателям, стоят гигантские камни, свидетели великой правды бытия. Гигантские камни — одинокие, но с именами, тогда как остальные люди гибнут безымянно. На нашем историческом пути, где поколение за поколением мостило тракт жизнью и смертью своей, времена Словацкого были эпохой крушения, исторической правдой тьмы, неволи, бессилия. Словацкий обрел величие сто лет назад, когда предпоследнее восстание — восстание 1830 года, уничтожив армию, упразднило на польских землях полноту правды исторической жизни. Армия, эта правда силы рук, что защищают и хранят, что, спасая жизнь, открывают жизнь другим и кровью, как цементом, скрепляют правду истории и бытия народа, — армия перестала существовать в 1830 году.

Тогда воцарилось смятение на повороте пути, данного нам судьбой. Правда силы рук, правда надежды, что рука окрепнет, исчезла в будничных заботах, пришла в упадок. И сразу начались попытки иной силой, силой духа, восполнить силу тех мечей, что уснули в подземельях и откликаются только эхом. Когда скрешиваются мечи, сыплются искры. То поколение старалось высечь искры душевной правды столь сильно и мощно, что труды его сияли снопами искр. Простые истины, силу меча оно стремилось возместить истиной силы духа — дабы, укрепив дух, выжить в неволе и обрести силы, когда они потребуются. Поразителен труд того поколения: когда руки у большинства людей опустились, а страх перед правдой подавлял и доводил до отчаяния, оно пыталось заменить простую правду меча силой духа, который терзался тревогой, что с силой меча не сравнится. Мечи скрылись под землей, разрушаясь и ржавея, но в небо воспарили арфы. Когда я стою перед Словацким — а это одна из арф чистого золота, — постигая величие его страданий и трудов, я нахожу в этой арфе особую, немолкнущую струну гордости и упоения страданием ради достоинства человека. Разрываемый немощью тела и немощью истин, исповедовать которые ему повелевал разум, он в отчаянии гордости искал силу, которая укрепила бы его душу и душу его отчизны. Повсюду у него вы найдете звучные струны гордости и человеческого достоинства. Он шел, трудясь, шел, веря, что истерзанная и поруганная гордость не издаст стон отчаяния, а придаст человеку силу исполина. Он работал, как другие, думая о том, возможно ли силу плоти заменить духом человеческим. И порой, жестоко мучаясь, сомневался, как другие. «Достоинства нет, я бежал от страданий». Так говорил он о себе, несказанно мучаясь, и не мог найти в себе сил, чтобы прервать муки смертью. Истерзанная и поруганная гордость человека, втопанного в грязь, дерзко преображала законы человеческого достоинства, претворяя их не в мощь меча, но в силу духа. Родом он был из страны илотов, не обуянных гордыней, и жаждал лишь одного: чтобы гордость стала силой, породила силу, обрела качество силы, могущества Польши. Когда я спрашивал одного из великих предводителей последних наших бунтов и восстаний, кто из поэтов-пророков влиял, воздействовал больше всего, когда на нашей земле звенели мечи, он всегда подтверждал, что этот поэт — Словацкий.

Любовь к отчизне — о! солнце чудесное

Для сиротских сердец, гордых и честных,

Тех, что чистой любви себя отдают,

Как журавли, что стаю ведут,
Лучших сердца впереди — и за гробом
В духе летят они перед народом. [3]

Теперь, глядя на этот гроб, я так же, как все собравшиеся, знаю: Словацкий идет, он идет туда, где гигантские камни высятся на нашем пути, почти хронологически свидетельствуя о прошлом. Он идет, чтобы занять свое место среди Владиславов и Сигизмундов, Янов и Болеславов. Идет не с именем, а с фамилией, свидетельствуя о величии труда и величии духа Польши. Идет, дабы продлить свою жизнь и пребывать не только с нашим поколением, но и с теми, кто придет потом. Идет как Король-Дух.

(По окончании речи маршал Пилсудский обратился к офицерам, окружавшим носилки с гробом, со словами):

Именем правительства Речи Посполитой поручаю вам внести его гроб в королевскую крипту, ибо он был равен королям.

«Священным станет каждый лоскуток,
Вся Польша будет чтить твои посланья:
Записку к эконому в десять строк
Или к Марыльке пылкое признание;
Слезами дева оросит листок,
В альбомы вклеят все твои писанья...»

(Песнь I). Перевод С. Свяцкого.

«Умею в землю взглядом я пробиться.
Скелеты чудищ там лежат, как рать,
Погибшая под горными хребтами.
Кость каждая белеет, точно знамя»;
«Но из событий, некогда кровавых,
Я всё-таки сюжеты почерпну
И позвончей заставлю петь струну...

*И все виденья свежи так и юны,
Что я по мёртвым вовсе не скорблю.
Их увлекаю танцем в мир подлунный
И каждого, чем просит, наделю...»*

(Песнь V). Перевод С. Свяцкого.

К 200-летию Юлиуша Словацкого

28 июня 1927 года

1. Имеются в виду строки из поэмы «Бенёвский»:
2. Реминисценция строк из «Бенёвского»:
3. Поэма «Вацлав» (Фрагм. XXIX). Перевод А.Базилевского.

Юлиан Тувим

ПОХОРОНЫ СЛОВАЦКОГО

Яну Лехоню

Привет тебе, гробик узкий,
Прибывший домой, а не в гости.
Что в нём грохочет? Кости?
Немного земли французской?
Не знаю что, но немного...
День добрый, ангел убогий!
Колокола и трубы
Возносят оду о трупе.
Войско, курками закаркав,
Само напряжение слуха!
Рыцари и персоны
Отвешивают поклоны.
Везут, везут к тебе, Краков,
Везут Короля Духа.
Президент говорит сквозь марши.
Говорит сквозь салюты маршал.
Стяг, снеговой и кровавый,
Покрыл его гроб, точно славой.
Везут, везут — о Варшава!
Везут Короля Духа.
А кости в гробу громыхают
Жестокой бессмертной славой.

Толпы и слева и справа.
Растёт тишина глухая
Над жалким великим прахом.
Прощайся с гробом, Варшава!
Прощайся с гробом, Краков!
Но что же с ним было? Что было?
Щуплый брюнетик, сын Салли...
И вдруг вырастает Идея:
Польша — Он — Саломея!
Как пороха бочки в запале,
Страны вокруг запылали —
И сам он сгорел, сын Салли,
Брюнетик щуплый и милый,
Погашенный чёрной могилой.
Так это было.
А здесь эпохи сражались.
А здесь сердца разрывались.
Шли по горло в измене,
Разбивая оковы,
В смерть летя,
«Как каменья,
Богом
Брошаемые
В окопы».
Но снова, пламенем рдея,
Восходит Польши Идея.

И голос певца всё ярче!
И толпы стоят, немея...
Президент говорит сквозь марши,
Говорит сквозь салюты маршал,
Но всем нам неведомо снова,
Где плоть его и где слово.
Слово? Звенит и сверкает.
Слово огонь извергает
И мчится на вольной воле.
А плоть?
Стучит о пределы
Дощатой трехметровой доли
Истёртое в пепел тело.
Немного его, немного...
А матери нет в костёле —
Не плачут родимые очи.
Прощай, мой ангел убогий
узенький гроб. Доброй ночи!

К 200-летию Юлиуша Словацкого

«ЛУКОВИЦЫ» СЛОВАЦКОГО

История литературы — одна из самых романтических, точнее — «романных» наук. Каждый преподаватель учит детей, в кого был влюблен Словацкий, а в кого Мицкевич. Было между ними что-то или не было — неважно! При Адаме состоит Марыля, рядом с Юлиушем всегда обретается Людка Снядецкая, а с Зигмунтом Красинским на сцену вылетает целый рой женщин. Наши историки литературы считают, что поэт либо пишет, либо любит; а на что он живет и откуда у него деньги, об этом они даже не заикаются. Видно, редко наши ученые читают письма писателей; о любви там немного, зато о деньгах — каждое второе предложение.

«Если кто будет отдавать деньги, берите, — пишет Словацкий своей матери в первом письме из Парижа, — через несколько месяцев я буду Вам благодарен. Сами видите, для меня нет других горизонтов, кроме этой несчастной поэзии, так неужели единственная в моей жизни надежда меня подведет...» За границу уехать легко, вот только на что потом жить?

Как всегда, остается единственное спасение — мать. Холодно и голодно в маленькой парижской каморке, когда из Кременца долго нет оказии. Зато когда приходят деньги: «В тот же день сижу я утром у себя, вдруг входит какой-то человек с мешком денег на плечах и сообщает, что должен мне выплатить три тысячи франков, после чего немедленно выкладывает на стол всю сумму в банкнотах вместе с письмом от Мамы. С той минуты у меня началась другая жизнь...» Другая жизнь — это фрак, новое жабо и обед поприличней. На покупку новых туфель денег уже не хватило. «Сперва я должен рассчитаться с кассой — пишу, потому что деньги тут летят и летят. Ваше молчание о делах меня ужасает».

И так почти в каждом письме — Юлиуш просит у мамы денег, обещает быть бережливым, жалуется, что мир перед ним закрыт.

«Если хочешь заинтриговать даму, надлежит болтать по-английски, притворяться англичанином, ибо дамы знают, что у поляков денег нет; а притворяться англичанином — значит делать вид, что ты чужак и оригинал, ибо таковы англичане. В одном лишь отношении Париж показался мне лучше, чем я о

нем мечтал; ведь кто к нам из Парижа приедет, уж на том непременно какая-нибудь диковинная островерхая шляпа, какой-нибудь вывернутый фрак и так далее; а в Париже напротив: я не видел здесь щеголей, как у нас — из тех, что будто аршин проглотили да в накрахмаленном галстук; все одеты скромно и изящно. Одеваться же можно, как кому вздумается, я смело бы вышел здесь на улицу в убогой лисьей шапке, которую когда-то, как блудный сын, сорвал с дедушки...»

Так проходят годы. Юлиуш по-прежнему не зарабатывает ни гроша. А книги поэзии? Они-то и обходятся дороже всего. Словацкий вынужден платить издателям за печатание своих стихов. На это идет большая часть денег из Кременца. Нет речи о том, чтобы жить за счет поэзии, напротив — приходится доплачивать ей немало маменькиных дукатов. Так что письма Юлиуша всё печальней: «Дражайшая моя, мне только что передали твое письмо с пособием, письмо для меня ужасное! Если б я мог заживо в землю зарыться и есть землю, я бы тотчас это сделал. Любимейшая моя, посоветуй, что мне делать, чтобы не быть обузой на этой земле! Ты ходишь в рваном халате, но и у меня четыре года один фрак, и только каждое лето я заказываю по тужурке, чтоб перед людьми дырами не светить...»

И вдруг — перемена. С 1837 г. ни в одном из писем Словацкого мы не найдем ни слова о деньгах. Что случилось? Я долго не понимал. Много раз листал письма, и вот наконец читаю: «Что касается меня, я получил для своего садика все прошлогодние луковицы тюльпанов, а из луковиц этого года еще двадцати четырех не хватает». Читаю и ничего не понимаю: «Стараюсь, чтобы цветочки у меня не высохли и разрослись. Садик мой тесный, но от ветров укрыт, хотя земля не очень хорошая и родит не обильно...» Что это еще за луковицы, что за садик? Словацкий живет тогда не то на четвертом, не то на пятом этаже в парижской гостинице, не устроил же он себе садик на окне. И зачем луковицы присылать из Кременца? Однако речь о них теперь почти в каждом письме.

И через пять лет разговор о луковицах. «Луковицы тюльпанов получил. Мои немного подросли — хотя я постоянно ем то, что дает мой сад, он, тем не менее, сохраняется почти неприкосновенным и тем дает мне спокойствие на будущее». Неужели Словацкий стал садовником, причем удивительным садовником, который постоянно ест то, что дает его сад, а волшебный сад не оскудевает? А может, это шифр? Просматриваю все комментарии и биографии. Но куда уж

ученым профессорам заниматься такими глупостями. О луковицах нигде ни слова.

Вернемся в 1837 год. В те дни, когда в письмах впервые заходит речь о «луковицах». Решение загадки следует искать там. Точнее, отступив еще на пару месяцев: «Дражайшая, — пишет Словацкий 3 октября 1837 года, — ты знаешь о записке ко мне Фила (речь о Теофиле Янушевском, брате госпожи Саломеи и дяде поэта): он хочет допустить меня к равной доле в дедушкином наследстве». Словацкий получил наследство. Не означают ли луковицы... Во времена немецкой оккупации торговцы валютой имели свой собственный, хорошо известный всем клиентам шифр. «Хабербуш. Светлое! И темное!» Или: «первый, второй и третий сорт». Это означало в Варшаве золотые рубли, бумажные и золотые доллары.

Всё стало ясно. Луковицы — это просто-напросто дукаты, контрабандой ввозимые из-за границы. Но почему они растут, и что значит садик? Неужели Словацкий торговал валютой? Словацкий, самый мистический, одухотворенный и ангельский из всех поэтов мира... Нет, валютой Словацкий не торговал. Зато... но послушаем лучше его самого... Вот письмо, написанное через несколько недель после получения первого известия о наследстве: «В городе, куда я еду (письмо написано по дороге из Флоренции в Париж), совершилось теперь множество прибыльных спекуляций на акциях, что навело меня на мысль: если бы у меня в руках было немного денег, я мог бы осторожно их приумножить и положить в карман про запас...»

Словацкий играл на бирже. Причем играл, да устыдятся преподаватели истории литературы, чрезвычайно удачно и профессионально. Он скупал акции и бумаги, когда они падали, и продавал, когда курс несколько поднимался. Иногда ему удавались и крупные сделки, особенно в пору мистицизма. «Я, дорогая моя, — пишет он в письме от 24 августа 1848 года, — здоров, а дела мои поправились на две тысячи франков, неплохо и это вернуть за месяц».

А если кто-то мне еще не верит, пожалуйста — вот последнее доказательство. Мы знаем даже, какие акции и бумаги покупал поэт. Знаем благодаря случайности. В 1848 г. Словацкий, уезжая во Вроцлав, все свое имущество оставил у знакомого француза. Француз тот умер. Искренне обеспокоенный этим поэт немедленно пишет мсье Шарлю Петиньо-Дюбо, чтоб тот «бежал, пока не поздно, на квартиру покойного» и спасал ценные бумаги. Вот самый важный фрагмент письма (разумеется, в переводе):

*«Уезжая из Парижа, я оставил в виде депозита господину Соману...
все мое невеликое достояние, состоящее из:*

- 1) билета «Кассы Лафитт»,*
- 2) еще одного билета,*
- 3) тридцати акций железной дороги на предъявителя».*

Не надо так легко верить в непрактичность поэтов.

1949

К 200-летию Юлиуша Словацкого

БАРБАРА СКАРГА

Она была выдающимся философом и авторитетной фигурой публичной жизни в Польше. Во время войны руководила в Вильнюсе связными местного командования Армии Крайовой. В 1944 г. вступила в подпольную антикоммунистическую организацию «Нет». Арестованная органами НКВД, была приговорена к десяти годам лагерей. В 1955 г. вернулась на родину и продолжила прерванные войной занятия на философском факультете. Писала об Огюсте Конте, Бергсоне и польском позитивизме.

Во второй половине 1970-х была соучредителем оппозиционного Товарищества научных курсов («летучего университета»). В период военного положения поддерживала — в том числе и собственными средствами — независимые научные исследования. В 1995 г. получила высшую польскую награду: орден Белого Орла. Была известна резкими и принципиальными высказываниями по актуальным политическим вопросам.

Отец Адам Бонецкий,

главный редактор «Тыgodника повшехного»:

Профессор Барбара Скарга была оплотом противостояния ханжескому лицемерию, поверхностности, инструментальному использованию науки во внешнефилософских, идеологических целях. При этом она не была морализатором, который непременно хочет всех менять. Она верила, что истина обладает притягательной силой.

Она была личностью, в которой мудрость философа сочеталась с опытом человека, прошедшего через страшные вещи, знавшего цену словам, жизни и человеку. Опыт ГУЛАГа и философская сила интеллекта давали ей ту исключительную мудрость, которая не всегда сопутствует профессии философа. Поэтому какую бы тему она ни затрагивала, это всегда было очень глубоким, вдумчивым, прямым и до конца честным.

СКОНЧАЕМОСТЬ

Смерть есть абсолютная тайна — об этом писали многократно. Факт таков, что, когда она придет ко мне, я ничего не смогу рассказать о ней другим. Видимо, это момент глубочайшего одиночества, разрыв всяческих контактов, разрыв внезапный, неотвратимый и необратимый, смысл которого невозможно выразить.

В своих рассуждениях о смерти Эмманюэль Левинас, цитирующий Гегеля (...) пытается доискаться, в чем заключается наше отношение к смерти. Оно не кажется ему простым. Прежде всего, оно не носит интеллектуального характера, не расширяет нашего знания.

Напротив, мы сталкиваемся со смертью как с чем-то необъяснимым, не поддающимся ясному пониманию, а значит, едва ли не абсурдным, скандальным, обнажающим бессмысленность бытия.

Ибо какой же смысл может иметь бытие, данное нам и забираемое без нашей воли? Зачем оно пришло, зачем ушло? Чем оно было — случайностью или следствием самых разнообразных биологических процессов, на которые мы не имеем влияния?

Вопрос правильный. Ибо смерть, которая вступает в наши миры каждодневно, остается непостижимой. Чем больше мы думаем о ней, тем сильнее укрепляется ощущение бессмысленности, бессмысленности бытия, которое было дано, но всегда заканчивается. Это она обрывает течение действий и дней, не позволяет осуществить те или иные намерения и еще существующие — так, во всяком случае, кажется — возможности. (...)

Я говорю, что обладаю бытием, что оно мое. Между тем оно — отнюдь не моя собственность, над которой я имею власть. Ибо я не выбрала себе ни места рождения, ни обстоятельств, ни семьи, а также никаких своих качеств.

Как говорит Хайдеггер, меня бросили в некоторой форме в какой-то мир. А когда я начинаю строить этот мир заново, в соответствии с собственными желаниями и проектами, смерть в какой-то момент лишает меня выбора, так как она

располагает некой независимой от меня и моего мира силой, которая кладет всему внезапный конец.

Этот конец таится глубоко в самом моем существовании, и никто не знает часа, когда он придет. Его приход разрушает смысл, не допускает возможного довершения моего бытия, обнаруживает, что никакой рациональности в нем нет.

(...) Умерший чаще всего оставляет после себя толику воспоминаний у самых близких — воспоминаний, быстро стирающихся, хотя в человеке, вообще говоря, прочно заложена жажда передать после себя что-то такое, что имело бы не только индивидуальное, но и универсальное значение, а стало быть, могло по-прежнему сохраняться в этом социальном мире. Ему хотелось бы таким образом продолжить свое существование и — что важнее — наделить его смыслом.

И в этой жажде выражается несогласие на смерть, несогласие, ради которого даже тот, кто неприязненно относится к окружающему его миру, готов превозмочь эту неприязнь, раскрыть все самое близкое и личное, что у него есть, переступить границы своего мира, расширить их, лишь бы только внести в мир других что-то свое.

Получается, что единственное спасение от уничтожения — это отказ от своей замкнутой инаковости и передача другим того, что в ней ценного. Это вовсе не этически обоснованное желание. Оно естественно, так как выражает эгоистическую привязанность к своему «я» и созданному им миру. Но неужели лишь мысль о конце делает нас жертвователями? И неужели лишь она позволяет нам уяснить свою нераздельность с другими?

Странная вещь смерть, а скорее — мысль о ней. С одной стороны, она усиливает мою инаковость и ощущение полного одиночества, по-настоящему глубокого и неотвратимого, а с другой — заставляет признать факт того «мы», той силы связи, которой мы до сих пор готовы были пренебрегать и даже отвергать ее. Ибо без этого «мы» ничего остаться после нас не может. От него зависит наше выживание в памяти.

Быть может, это тщетная надежда. Никто не знает, чьи надежды и желания оправданы, и станет ли какое-либо достижение наследием для других. Да и узнать, осуществились ли эти желания, человек уже не сможет. Что же остается от надежды, если неизвестно, сбудется ли она?

Смерть пресекает всё, даже эту надежду на мое выживание в памяти нашего социального мира, то есть на единственный, помимо бытия, конкретный способ сохранить мое, хотя бы частичное, нефизическое бессмертие. Другие мечтания о ней, мифические, религиозные, хотя нередко и полны веры, не подчиняются никаким логическим суждениям.

Так что же будет со мной после смерти? На этот вопрос ответа нет.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ...

Психологи утверждают, что достаточно посидеть в тюрьме три года, чтобы в человеческой психике произошли изменения. У нас говорилось, что пять лет можно простоять на одной ноге. Пять лет — это еще ничего, остаешься точно таким же человеком. Чем дальше, тем хуже. Перспектива десяти лет — это перспектива без границ. Тут целиком вся гимназия, два факультета, дочка, которая успела перейти в четвертый класс. Никто из нас в нормальной жизни не мыслит такими категориями времени, не составляет таких планов. Откуда можно знать, что будет через год, через два? А через десять? Можно ли вообще думать о конце срока? А можно ли строить в голове какие-то мечты или планы? Будущее становится пустым. Воспоминания стираются. Голова не работает, как раньше, факты ускользают, ускользают знания, фамилии, сведения. Перед нами всё время только день, начинающийся побудкой в пять утра, только эта миска супа и ложка каши, а еще кусок *горбушки*^[1], потом *развод*, иногда с шести утра, ожидание вывода за ворота, невзирая на то, дует ли ветер, мороз ли стоит или страшная жара, а потом дорога пешком или на грузовике, которой предшествует «молитва» конвоя. И — рабочая зона. Длинные часы дня, потяжелее, полегче, как Бог даст, жалкая обеденная баланда, и снова нескончаемые часы, пока наконец не подходит съём и обратная дорога после долгих одиннадцати часов. Еще ожидание *шмона* на вахте — и зона. Ужин, баня, несколько свободных минут, за которые, если не слишком устал, можно прочитать несколько страниц какой-нибудь книги, поговорить с друзьями, — и вот уже подходит вечерняя *проверка*. Весь лагерь строится пятерками, не в силах дожидаться конца подсчета. Хотелось бы помочь неграмотным надзирателям, которые непрестанно ошибаются. Колокол возвещает окончание *проверки*, теперь остался только барак, ночная тишина, запирание дверей за зэками на висячий замок, духота битком набитого помещения с двухэтажными нарами, запах сырых телогреек. Еще нужно почистить зубы, обязательно, пусть бы даже только холодная вода была, малость ополоснуться под умывальником, если не побывал в бане, — и на нары. Последняя перед сном большая *банкрутка* [самокрутка], вторая приготовлена на утро, на *подъем*. И сон. Во сне лучше всего видеть кирпич — по крайней мере, голова наутро не будет трещать как с похмелья.

-
1. Из воспоминаний, опубликованных под псевдонимом Виктория Красневская (Париж: Институт литературы, 1985). Глава, из которой взят этот отрывок, рассказывает о работе на лагерном кирпичном заводе.
 2. Выделенное курсивом — по-русски в оригинале. — Пер.

РЕДАКТОР ОТВЕЧАЕТ ПРЕМЬЕРУ

Публикуя статью Владимира Путина, «Газета выборча» руководствовалась убеждением, что польский читатель имеет право познакомиться со взглядами премьер-министра России в первоисточнике. Польско-российский диалог, хотя и насыщенный препятствиями, — большое достижение последних 20 лет. Россия — одно из важнейших государств в мире. Для поляков эта страна представляет особое значение. Именно поэтому на наших страницах публикуются мнения российских писателей, политиков и ученых. Мы помним, что, как и многие другие, мы весьма обязаны демократическим переменам в России, начало которым положили Михаил Горбачев и Борис Ельцин. И, как и многие другие, мы благодарны людям российской демократической оппозиции, которая показывала миру, как можно жить не по лжи.

Голос Владимира Путина, главного политика России сегодняшнего дня, — событие важное. Голос этот заметно выделяется на фоне агрессивной риторики великорусских националистов, которые повторяют ложь сталинской пропаганды о том, что «Польша была союзником Гитлера», а катынское преступление — дело рук немцев.

Владимир Путин ясно пишет, что поляки первыми преградили путь гитлеровскому агрессору. Поэтому я бы хотел, чтобы эту статью внимательно прочитали великорусские шовинисты.

В статье премьера России звучит и тон заботы о будущем — мирном, основанном на сотрудничестве и диалоге. Мы разделяем эту заботу. Поэтому пользуемся случаем для диалога.

Заслуживает уважения язык, которым премьер Путин пишет о немецких противниках нацистов и о российско-немецком примирении. Именно немецкие антифашисты сыграли в этом примирении ключевую роль. Это они отвергли мрачную традицию, которую символизировала телеграмма Сталина Гитлеру о «дружбе, скрепленной кровью».

Мы в Польше должны с таким же уважением помнить о российских противниках сталинской и брежневской диктатуры: Андрее Сахарове, Александре Солженицыне, Сергее

Ковалеве, Иосифе Бродском, Василии Гроссмане и о людях из «Мемориала».

Мы бы хотели, чтобы такое же сочувствие, как к немецким антифашистам, глава российского правительства испытывал к жертвам сталинского террора — литовским и украинским, эстонским и латышским. Этого требует от нас, людей XX века, уважение к памяти тех, кто боролся за свободу.

У каждого народа своя собственная историческая память — поляк и украинец, русский и немец по-разному будут оценивать исторические события. Однако мы, поляки, не хотим строить свою память на исторической лжи. И верим, что этого не хочет и глава правительства Российской Федерации.

Для нас пакт Риббентропа—Молотова был событием, которое предредило четвертый раздел Польши, стерший польское государство с карты Европы. Прямым последствием этого пакта стала вооруженная агрессия гитлеровского государства против Польши 1 сентября 1939 года, а 17 сентября — вооруженная агрессия государства сталинского. Затем пришло время жестокого преследования граждан нашего государства, преступления в Пальмирском и Катынском лесу. Польша стала жертвой двух тоталитарных империализмов.

Владимир Путин правильно вспоминает об «этическом аспекте политики» и о том, что «аморальный характер пакта Риббентропа—Молотова был однозначно оценен парламентом» СССР. И повторяет: «...без всяких сомнений можно с полной определенностью осудить пакт Молотова—Риббентропа, заключенный в августе 1939 года».

Затем премьер-министр России вспоминает контекст: аншлюс (Австрии), мюнхенский сговор. Это точные замечания: демократическая Европа допустила фатальные ошибки. Однако трудно поставить знак равенства между трусливым, оппортунистическим, аморальным согласием на гитлеровскую экспансию и совместной гитлеровско-сталинской агрессией на Польшу. Английские и французские армии не вошли в Чехословакию, чтобы вместе с Гитлером оккупировать эту страну.

Премьер Путин упоминает вхождение польских войск в Заолзье (Тешинская область). Мы считаем эти действия исторической ошибкой польской политики, чем бы они не оправдывались. Ошибкой постыдной и заслуживающей осуждения. Но и тут мы не можем прийти ни к какой симметрии. Хватит сравнивать безусловно неверное поведение

польской администрации в Тешинской области с поведением сталинской администрации на территориях, занятых 17 сентября. Поляки не осуществляли депортаций, не говоря уже о преступлениях наподобие катынского.

Премьер Путин вспоминает также о «трагических судьбах российских солдат, которые попали в плен во время войны 1920 года». Если бы я был злопамятным, то возразил бы, что в 1941 г. в поисках симметрии польско-российских обид Иосиф Виссарионович Сталин напомнил генералу Владиславу Сикорскому о поляках в Кремле и польской оккупации Москвы в первые годы XVII века.

Для сохранения равновесия скажем: вся правда о судьбах этих советских военнопленных должна быть предана гласности. Однако — я никогда не перестану упоминать об этом — ни один из них не был убит выстрелом в затылок.

И никогда ни один из польских политиков не произносил никчемной фразы о том, что наконец-то исчезла с карты Чехословакия, «уродливое детище Версальского договора». Но именно так высказался о Польше в октябре 1939 г. Вячеслав Молотов, советский нарком иностранных дел. Эти слова никогда не станут для поляков чем-то само собой разумеющимся, и мы их никогда не забудем. Это составная часть нашей национальной памяти. Для нас, как и для большинства российских демократов, Сталин был преступником и агрессором. Этот создатель ГУЛАГа вполне сравним с Гитлером.

Конечно, это ни в чем не преуменьшает нашей благодарности и восхищения героизмом сотен тысяч солдат Красной Армии, которые погибли на польской земле в войне с гитлеровскими оккупантами.

Забота об их могилах — это наша польская обязанность. Премьер Путин пишет, что мы были вместе в антигитлеровской коалиции в День Победы. Но не совсем все мы были вместе, господин премьер-министр. Александр Солженицын и Леопольд Окулицкий — если вспомнить только два этих символических имени — сидели в этот день в сталинских тюрьмах в ожидании своих судебных процессов. В этих судьбах — символ, который мы не должны забывать.

Споры об истории могут быть рискованными и привести к «спекуляциям на памяти». Мы хотим этого избежать, хотим оставить историю историкам. Поэтому мы призываем к возможности доступа историков к архивам обеих стран.

Особенно мы заинтересованы в открытии всех материалов, касающихся катынского преступления. Для поляков это станет очень хорошим сигналом.

Премьер Путин пишет, что в польско-российских отношениях появились признаки новой логики диалога и сотрудничества. Поляки тоже хотят диалога, примирения и сотрудничества, основанного на правде, свободе и равенстве.

Следует преодолеть мышление времен «холодной войны» в категориях политики «сфер влияния» или «ближнего зарубежья». Такая политика всегда порождает конфликты, когда ее проводят великие державы — в Европе, Азии или Латинской Америке.

Мы понимаем жесткие реалии мира политики, поэтому смотрим на Россию с надеждой и тревогой. Нас радуют достижения российской культуры и науки. Нас беспокоят трагические события на Кавказе, убийства независимых журналистов и общественных деятелей, очередной процесс Михаила Ходорковского.

Мы прочитали статью премьера России с надеждой и верой, надеждой на лучшее будущее в польско-российских отношениях и верой в будущее российской демократии. Эту веру и надежду мы хотим пестовать.

МЫ ВЫИГРАЛИ ПО ОЧКАМ

— Глядя на свободную Польшу с перспективы последних двадцати лет, чувствуете ли вы, что ваши надежды сбылись? Такая ли Польша вам виделась? Такой ли вы хотели?

— Не совсем такой. Мы могли совершить большой цивилизационный скачок. Две реформы, которыми мы живем и по сей день: реформа Лешека Бальцеровича, скачкообразный переход к рыночной экономике, к здоровым деньгам, и муниципальная реформа Ежи Регульского, — давали основания для больших притязаний. Бальцеровичу следовало бы дать Нобелевскую премию по экономике.

— Некоторые считают, что его следовало бы отдать под трибунал.

— Это те, кто сам не ходит за покупками. Я делаю покупки для дома и каждое утро, видя полные полки, вспоминаю реформу Бальцеровича. Осенью 1989 г. покупать продукты я отправлялся с сотнями тысяч злотых! Те, кто жаловался на Бальцеровича, вели себя как те, кто в 1924 г. жаловался на Владислава Грабского^[1]. Хотели поставить ему памятник и, словно Мицкевичу, написать на пьедестале: «Творцу „Дзядов” [т.е. нищих] — благодарные соотечественники». Это были те, у кого обесценились валютные сбережения. К весне 1990 г. доллар во много раз уменьшил свою покупательную способность. Оппозиция не была готова к взятию власти. Две группы, которые планировали две главные реформы, работали вне кругов «Солидарности». Хорошо еще, что Вальдемар Кучинский знал о Бальцеровиче, а профессор Бексяк подтвердил Тадеушу Мазовецкому, что это шанс обзавестись польским Эрхардом. Регульского Мазовецкий знал сам. К сожалению, то, что в 1989 г. было вынужденным, повторялось на протяжении всех последующих двадцати лет: ни одна из групп, поочередно приходивших к власти, не была хорошо подготовлена. Добавим к этому пятьдесят лет цивилизационной брешы в мозгах...

— ...которую вы столько лет пытались заполнить. Не удалось?

— Еще сегодня, когда я рассказываю о долгосрочном ипотечном кредите и его организации для жилищного строительства, мой собственный воспитанник способен спросить: «Так ты хочешь, чтобы мы возвращались к временам Царства Польского?» В ту пору создали сначала Кредитное

земское товарищество, потом городские кредитные товарищества, которые в счет будущих доходов с обустраиваемых земельных участков выпускали на биржу закладные листы, и это была основа долгосрочного ипотечного кредита. Что поразительно, во время оккупации немцы платили проценты по этим закладным листам, и это был единственный польский институт, который они не разрушили. Всё прочее — уничтожили.

— Наши соседи: чехи, венгры, словаки — сегодня на несколько шагов впереди нас.

— У них после войны осталась почти не разрушенная инфраструктура: свет, газ, дороги. Но, к примеру, чехов отучили от местной демократии. Тех самых чехов, которые перед войной создали самую совершенную в нашей части Европы демократию. Наша революция в сфере местного самоуправления еще долго не находила подражателей по другую сторону Судет. Точно так же и литовцам, литовской интеллигенции я в Вильнюсе рассказывал, как их замечательные кооперативные сельскохозяйственные центры, наполовину снизив экспортные цены во время кризиса 1929 г., вытолкнули нас с рынка бекона и яиц, отправляемых в Англию. У дам из первого ряда на этой встрече слезы лились. Я думал, что чем-то тронул слушателей, — оказалось, они в первый раз об этом слышат. Другими словами, возвращение в цивилизацию — это довольно длинный путь.

— Как выглядит сравнение межвоенного двадцатилетия с последними двадцатью годами?

— Наша революция 1989 г. не требовала кровопролития, как это произошло в I Мировую, из которой Польша вышла страшно разрушенной. Но она располагала превосходными инженерами — выходцами из трех аннексированных частей страны. Многие возвращались из-за границы, как, скажем, Нарutowич^[2], у нас были юристы европейского класса, которые сумели объединить четыре правовых системы, доставшихся нам от трех держав-захватчиц, плюс систему законодательства Царства Польского. Мы располагали людьми с превосходными административными способностями вроде хотя бы забытого ныне Юзефа Бузека^[3]. И можно просто поражаться тому, что сумели сделать такие люди на протяжении тех двадцати лет: за восемь лет возник самый большой порт на Балтике, в Центральном промышленном округе были построены крупные военные заводы, а Мостицкий с Квятковским^[4] за месяц запустили Хожувскую азотную фабрику. Наконец,

аристократия дарила Речи Посполитой свои западные резиденции, а в дипломатические и консульские службы хлынули подготовленные к внешнеполитической деятельности «зетовцы» — люди из борющейся за независимость студенческой организации, которые готовили себя, в частности, и к работе для страны.

— II Мировая война и всё, что творилось в Польше сразу после нее, уничтожили нашу элиту. Ее нехватка ощущалась во время перелома 1989-1990 гг.

— После 1918-го элита действительно сохранилась. Во время II Мировой войны ее представителей убивали — вплоть до рядовых учителей. После 1945 г. возрождалась только техническая интеллигенция: самая способная молодежь шла в технические институты, так как сопротивление материалов не поддавалось идеологическому давлению. Но в любом случае люди с выдающимися способностями эмигрировали. Высокоталантливые специалисты редко возвращались на родину. То, что по счастью вернулся Яцек Ростовский^[5] и что Дональд Туск открыл его, — это довольно-таки исключительное явление. То же самое относилось и к Адаму Ротфельду, который в Швеции занимал самое высокое положение, какого только можно было достичь вне политики. Он состоял директором Королевского института стратегических исследований — и бросил эту должность ради возвращения в Польшу.

— Было ли 4 июня 1989 г. результатом соглашения партийных верхов с узкой верхушкой советников «Солидарности»?

— Гражданский комитет, в отличие от лидеров политических группировок, не был самозваной группой. Он состоял из лидеров «Солидарности» и их советников, а также из руководства распущенных и действовавших нелегально объединений. Там не было никаких «розовых». В подготовке переговоров огромную роль сыграли ныне позабытые представители Церкви: Бронислав Домбровский, Бронислав Дембовский и Алоизий Оршулик. Они не играли роли политбюро оппозиции, ничего не навязывали, посредничали и учили противоположную сторону, что оппозиция — это не волки с разинутой пастью и оскаленными зубами. Если воспользоваться боксерским языком, то 4 июня было тяжелым нокаутом, но в ситуации, когда тот, кто получил нокаут, мог объявить противника дисквалифицированным. Хотя даже на голосовании в посольствах ПНР победила «Солидарность», у нас не было ощущения развязки, решающей победы. Мы понимали, что противная сторона попытается перевести дух и спустить всё

на тормозах так же, как она это проделывала до сих пор. У нас уже не было ограничений на разговоры по телефону, например, с радиостанцией «Свободная Европа», уже существовал закон Вильчека^[6] об экономической свободе, была собственная свободная «Газета выборча» — словом, всё складывалось хорошо, но исход матча еще не был окончательно решен, да и вообще весь матч за демократию мы выигрывали только по очкам.

— Удовлетворение было бы, возможно, более полным, если бы за победу заплатили кровью.

— Однако тогда успех и так давал всему обществу огромное удовлетворение. Герои, опоздавшие на баррикады, которые сегодня воображают, будто у нас имелись силы, чтобы расправиться с противником, не ориентируются, что по другую сторону стоял целый общественный класс, насчитывавший 20–22% общества и располагавший всем: армией, госбезопасностью, милицией, администрацией, судебным аппаратом, банками, деньгами. Двадцать лет — это достаточно долгое время, чтобы мы почувствовали себя увереннее.

— А мы, с нашим багажом исторического опыта, уже в состоянии поспеть за Европой?

— У молодежи нет никакого исторического багажа. Не скажу, чтобы я восхищался этим, но для меня будущее рисуют такие события, не замечаемые средствами массовой информации, как случай с тем пареньком из Дывит под Ольштыном, который выиграл всемирный конкурс на право управления экипажем, передвигающимся по Марсу. Или студенты из Варшавского политехнического института, чей проект транспортного средства для перемещения на Марсе оказался единственным из Европы, который допустили к финалу конкурса в Америке.

— Лешек Колаковский говорил не так давно, что каждый народ имеет свою разновидность глупости, а польскую глупость составляют «хвастливость и привычка упрекать мир, что у нас нет того, что нам причитается».

— Все народы страдают одной и той же болезнью. Более того, у всех наблюдаются одни и те же грехи — зависть и стремление мешать друг другу. У чехов в ходу такая шутка: когда Господь Бог пообещал крестьянину из каждой страны выполнить одно его пожелание, то чешский мужик ничего не просил для себя, а только хотел, чтобы у соседа сгорел домишко. Зато черта, которая выделяла нас, поляков, особенно после 1945 го, — это все-таки здравый смысл. Наш народ — а может, лучше сказать,

наше общество — блеснул в нескольких решающих моментах истории 1945–1989 гг. как раз тем самым здравым смыслом, в котором польских романтиков и не подозревали. Я всегда придерживался мнения, что польский романтизм не конфликтует с позитивизмом. Адам Мицкевич был важным советником филوماتов в организационных делах, и его по сей день стоит цитировать. Это кое-что говорит о нашей национальной специфике. От Европы поляки отличаются тем, что мы еще только претендуем на главные роли, тогда как западным нациям надо заботиться лишь о сохранении статус-кво.

— А вы не боитесь, что в Европе мы растраним нашу суверенность, иными словами, как раз то, за что сражались веками?

— Думаю, что именно молодые народы Европы будут навязывать старой Европе дух энергии и прогресса. Им надлежит многое сделать, чтобы построить нормальную цивилизацию и вновь обрести потерянные знания, а об их потенциале свидетельствуют хотя бы эти молодые парни, занимающиеся управлением марсианским транспортным средством.

— Некоторые европейские мыслители считают, что объединяющаяся Европа представляет собой несколько запоздалое образование. Эдгар Морен, а в Польше Рышард Капустинский уже несколько лет назад писали, что мы вступаем в планетарную эру и только у планетарной солидарности есть будущее.

— Европе предстоит довольно долгий путь к единому пониманию будущего. Те идиоты, которые вставили в программу немецких христианских демократов глупые замечания об «изгнанных», свидетельствуют об окаменелостях, еще сохранившихся в мозгах. Эти недоразумения не грозят, разумеется, международным конфликтом, но портят атмосферу. Надо помнить мысль, которую полстолетия назад популяризировал Аденауэр: единая Европа — лекарство от опасности быть немцем.

— Поляки не нуждаются в лекарстве?

— В Польше 60–70% национального дохода производят мелкие и средние предприятия. СМИ их не показывают, но им — наряду с проницательной политикой Ростовского — мы обязаны сопротивляемостью перед лицом кризиса. После 1989 г. поляков в нашей части Европы называли «евреями»

Восточной Европы», что означало признание польских торговых талантов. Лекарства требуются бюрократии и организованности нашей администрации: когда Тадеуш Мазовецкий вступал на свой высокий пост, в центральной администрации работала 41 тыс. человек, теперь их насчитывается свыше 125 тысяч. И у нас много таких недомоганий. Порожденных, в общем-то, трудностями в контактах со специалистами. Может быть, мои высказывания определяются избытком практичности, но я не искал бы в данную минуту ответа на вопрос о чувстве национальной специфики у поляков. Наверняка это не специфика сумасшедших, хотя среди нас хватает наивных людей, готовых верить демагогам и лжецам. Но и от этого тоже можно вылечиться.

Беседу вел Дариуш Вильчак

1

Владислав Грабский (1874—1938) — политик, экономист, историк. В 1923–1925 министр казначейства и премьер-министр, в 1924 организовал Польский банк и провел валютную реформу, заменив польскую марку злотым. С 1925 занимался научной работой. — Здесь и далее примечания переводчика.

2 Габриэль Нарutowич (1865–1922) — первый президент Второй Речи Посполитой, инженер-конструктор; с 1908 профессор Цюрихского политехнического института; строитель гидростанций в Западной Европе. В 1920–1921 министр общественных работ, затем министр иностранных дел. В декабре 1922 избран президентом и через неделю застрелен националистом.

3 Юзеф Бузек (1873–1936) — общественный деятель, юрист, статистик. С 1904 профессор Львовского университета; один из создателей и в 1918–1929 директор Главного статистического управления.

4 Игнаций Мостицкий (1867–1946) — президент Польши в 1926–1939, химик-технолог; в 1912–1922 профессор Львовского политехнического института. Разработал промышленный метод получения азотной кислоты из воздуха. Эугениуш Фелициан Квятковский (1888–1974) — политик, хозяйственник, инженер-химик. В 1923–1926 технический

директор Хожувской азотной фабрики; в 1926–1930 министр промышленности и торговли, в 1935–1939 вице-премьер и министр казначейства.

5 Яцек Ростовский (1951, Лондон) — польско-британский экономист. В 1989–1991, работая в Лондоне, был экономическим советником Л.Бальцеровича, в 1997–2001 возглавлял Совет макроэкономической политики в министерстве финансов. В 2002–2004 — советник председателя Национального банка Польши. Консультировал в вопросах макроэкономической политики и правительство РФ. С 2007 министр финансов в правительстве Дональда Туска.

6 Закон Вильчека — либеральный закон от 23.12.1988 о хозяйственной деятельности, разработанный по проекту коммунистического министра промышленности М.Вильчека и премьер-министра М.Раковского. Действовал с 1.01.1989 по 31.12.2000.

1. Владислав Грабский (1874—1938) — политик, экономист, историк. В 1923–1925 министр казначейства и премьер-министр, в 1924 организовал Польский банк и провел валютную реформу, заменив польскую марку злотым. С 1925 занимался научной работой. — Здесь и далее примечания переводчика.
2. Габриэль Нарutowич (1865–1922) — первый президент Второй Речи Посполитой, инженер-конструктор; с 1908 профессор Цюрихского политехнического института; строитель гидростанций в Западной Европе. В 1920–1921 министр общественных работ, затем министр иностранных дел. В декабре 1922 избран президентом и через неделю застрелен националистом.
3. Юзеф Бузек (1873–1936) — общественный деятель, юрист, статистик. С 1904 профессор Львовского университета; один из создателей и в 1918–1929 директор Главного статистического управления.
4. Игнаций Мостицкий (1867–1946) — президент Польши в 1926–1939, химик-технолог; в 1912–1922 профессор Львовского политехнического института. Разработал промышленный метод получения азотной кислоты из воздуха. Эугениуш Фелициан Квятковский (1888–1974) — политик, хозяйственник, инженер-химик. В 1923–1926 технический директор Хожувской азотной фабрики; в 1926–1930 министр промышленности и торговли, в 1935–1939 вице-премьер и министр казначейства.
5. Яцек Ростовский (1951, Лондон) — польско-британский

экономист. В 1989-1991, работая в Лондоне, был экономическим советником Л.Бальцеровича, в 1997-2001 возглавлял Совет макроэкономической политики в министерстве финансов. В 2002-2004 — советник председателя Национального банка Польши. Консультировал в вопросах макроэкономической политики и правительство РФ. С 2007 министр финансов в правительстве Дональда Туска.

6. Закон Вильчека — либеральный закон от 23.12.1988 о хозяйственной деятельности, разработанный по проекту коммунистического министра промышленности М.Вильчека и премьер-министра М.Раковского. Действовал с 1.01.1989 по 31.12.2000.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• 20 лет назад Тадеуш Мазовецкий стал премьер-министром — первым некоммунистическим премьер-министром Польши после войны. «Польша всё еще находилась в самом сердце Варшавского блока и была окружена коммунистическими государствами (...) Берлинская стена стояла нерушимо, а в Польше были дислоцированы советские дивизии. Мы шли первыми, как по тонкому льду (...) Над польской “бархатной революцией” висела тень Будапешта, Праги и недавних событий на площади Тяньаньмэнь. 24 августа Сейм избрал Мазовецкого премьером, причем почти единогласно — против было четверо депутатов, а 41 воздержался (...) Правительство Мазовецкого оказалось правительством радикального демократического перелома, рыночной революции, свободного самоуправления, самостоятельной внешней политики. А сам Тадеуш Мазовецкий установил высочайший нравственный и политический стандарт премьер-министра новой Польши. Он был лидером твердым, упрямым и реалистичным. Не случайно его считают лучшим премьером за последние 20 лет”. (Ярослав Курский, «Газета выборча», 24 авг.)

• “Тогда никто не знал, как осуществить переход от коммунизма к либеральной демократии и свободному рынку (...) В конце концов Польша выбрала смешанную модель: умеренные экономические реформы и более плавную политическую эволюцию, чем, скажем, в Чехии. Это, конечно, далось не так просто. Значительная часть бывших номенклатурщиков стала влиятельными бизнесменами. Коммунисты перекрасились в социал-демократов, хотя часть поляков наверняка была бы не прочь отодвинуть их на периферию политической жизни (...) Поэтому об этической стороне польского успеха можно спорить. Но одно несомненно: удалось вывести страну из социализма в демократию мирным путем. Это дало возможность строить новый порядок при относительно небольшом уровне мстительности и ненависти”. (Ги Сорман, «Ньюсуик-Польша», 13 сент.)

• Доктор Барбара Федышак-Радзеёвская, социолог и этнограф: “Члены «Солидарности» считали себя не просто профсоюзниками. Это было нечто большее —

многомиллионная община, которую объединяла нравственная норма солидарности (с малой буквы) и, как тогда казалось, малореальная цель: поменять опостылевшую действительность на нормальную. Метод оказался гениально эффективным — благодаря многим конкретным известным и неизвестным людям. (...) «Солидарность» с большой буквы была независимым профсоюзом, т.е. первой за всю историю ПНР, начиная с 1948 г., независимой от партии организационной структурой. Солидарность с малой буквы была источником этого возродившегося единства граждан”. («Польска», 1 сент.)

- “Согласно опросу ЦИОМа, 63% поляков считают, что забастовки 1980 г. и создание «Солидарности» пошли Польше на пользу, 11% придерживаются противоположного мнения, а еще 15% утверждают, что они принесли столько же пользы, сколько и вреда. 56% опрошенных считают, что без «Солидарности» демократии в Польше было бы меньше, 18% утверждают, что ее было бы столько же, а 7% — что больше. 46% опрошенных придерживаются мнения, что «Солидарность» внесла свою лепту в улучшение материального положения поляков, 16% считают, что без забастовок и «Солидарности» поляки жили бы так же, а 18% — что даже лучше”. («Газета wyborcza», 28 авг.)

- Александр Дугин, бывший советник председателя Государственной Думы РФ по вопросам национальной безопасности: “Если у нас есть возможность продвигаться в сторону Запада, мы это делаем. Когда такой возможности нет, наши границы опять сжимаются. То, что произошло 17 сентября 1939 г., вытекает из логики российской истории. Но в 90-е годы прошлого века наша сфера влияния стала уменьшаться. Сегодня мы пытаемся остановить этот процесс. Мы пытаемся вернуть себе большую часть территории Белоруссии и восточную часть Украины. Польши в нынешних условиях мы пока [курсив мой. — В.К.] не вернем, поэтому поляком бояться нечего”. («Ньюсуик-Польша», 13 сент.)

- “По некоторым подсчетам, до 1947 г. в Балтийском море оказалось от 6,5 до 15 тыс. тонн боевых отравляющих веществ. Они содержатся в минах, снарядах, бомбах, а также в контейнерах и бочках. В общей сложности это от 42 до 87 тыс. тонн металлолома, содержащего ядовитые вещества, который, пролежав на дне 60 лет, уже сильно изъеден коррозией (...) Рыбаки неохотно говорят о вылове химического оружия (...) Никому не хочется сеять панику. Меня отсылают к пану Рышарду, пенсионеру, который по Балтийскому морю плавал

несколько десятков лет. «Сам-то я камбалу не ем, — признается пан Рышард (...) — Не ем, потому что за эти годы в море видел сотни камбал, покрытых язвами. Они кормятся у самого дна, где лежит этот иприт (...) Официально считается, что последний иприт был выловлен в 1997 году. Это чушь. Я сам после этого несколько раз его вылавливал (...) Шкипер в таких случаях всегда командовал резать сети, чтобы эта гадость не попала на борт. Потом говорил: в порту ни слова, это остается между нами»». (Тадеуш Сломчинский, «Тыгодник повшехный», 23 авг.)

• “В исследовании, посвященном отношению поляков ко II Мировой войне, 26% опрошенных заявляют, что кто-то из членов их семей служил в Народном Войске Польском (...) Я не припомню, чтобы за последние 20 лет во время официальных празднований военных годовщин кто-нибудь упоминал о тех солдатах, которые возвращались в Польшу из Советского Союза в армии генерала Зигмунта Берлинга. Их было полтора десятка тысяч человек, они воевали и погибали точно так же, как их товарищи из Польских вооруженных сил на Западе [ПВС] (...) В ПНР партизаны из Армии Крайовой и солдаты ПВС не могли заявить о себе в полный голос (...) После 1989 г. судьба аковцев и солдат ПВС перестала быть темой табу (...) Но остается один пробел — судьба солдат Берлинга. Как будто (...) вместе с Красной армией в Польшу шли не поляки, а какие-то полусовки (...) Пока что мы пишем эту часть истории как неблагодарные дураки”. (Марек Бейлин, «Газета wyborcza», 29–30 авг.)

• “26 августа с ул. Краковское Предместье на Военное кладбище торжественно, с воинскими почестями и в присутствии мазовецкого воеводы был перенесен прах шестерых офицеров штаба Армии Людовой, которые 26 августа 1944 г. (во время Варшавского восстания) погибли под развалинами дома 16 по ул. Фрета в варшавском Старом Городе. Офицеров похоронили на участке Армии Людовой возле других людовцев и недалеко от товарищей по оружию из Армии Крайовой. То, как много жителей Варшавы и ветеранов не только АЛ, но и АК присутствовало на церемонии, свидетельствует о живой и теплой памяти о повстанцах из АЛ. Общество не поддержало попыток некоторых правых деятелей и Института национальной памяти замолчать, затереть патриотизм и героизм солдат левых убеждений”. (Анджей Кавалец, «Пшеглэнд», 13 сент.)

• “Уже десятый поляк убит талибами. Капитан Даниэль Амброзинский погиб в понедельник в ходе 6 часового боя с

талибами в провинции Газни”. («Польска», 12 авг.)»

- “Вчера в афганской провинции Газни погиб от взрыва мины сержант Мартин Поремба, сапер 5 го инженерного полка из Щецина. Еще пятеро солдат были ранены (...) Это уже одиннадцатый польский солдат, погибший в Афганистане”. («Газета wyborча», 5-6 сент.)

- “Вчера на Международном авиашоу в Радоме военные пилоты белорусского истребителя Су 27 выполнили маневр, который спас жителей микрорайонов, расположенных недалеко от аэродрома. Опытные пилоты Александр Морфицкий (...) и Александр Журавлевич (...) погибли”. («Польска», 31 авг.)

- “Российский государственный телеканал «Вести» показал вчера документальный фильм, в котором довоенная Польша (...) на основании пакта о ненападении 1934 г. представлена союзницей Гитлера”. («Жечпосполита», 24 авг.)

- “Нападения на Польшу не было, — такой тезис отстаивал вчера российский историк Александр Дюков на пресс-конференции «РИА Новости», посвященной 70-летию подписания пакта между Сталиным и Гитлером (...) СССР оккупировал 2002 тыс. км² (52,2%) территории Второй Речи Посполитой. 17 сентября 1939 г. в наступление на Польшу было брошено 620 тыс. советских солдат. 250 тыс. польских солдат и полицейских были взяты в плен Красной Армией”. («Жечпосполита», 26 авг.)

- “Когда в 1993 г. президент России Борис Ельцин привез в Польшу катынские документы, к ним прилагалось заключение российской комиссии экспертов (...) «Совместные с Германией наступательные военные действия превратили СССР в соучастника агрессии», — написали в нём самые выдающиеся российские историки, юристы и политологи”. («Жечпосполита», 3 сент.)

- “Сергей Нарышкин, руководитель Администрации президента России и председатель Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России обвинил Польшу, а также Украину, Грузию, Литву, Латвию и Эстонию в том, что они ведут против России информационную войну (...) По мнению политолога Алексея Макаркина, нынешние власти России приняли советскую пропагандистскую интерпретацию пакта Риббентропа — Молотова (...) «Правильной становится лишь та версия истории, в которой СССР не в чем упрекнуть», — сказал российский историк Борис Соколов”. («Жечпосполита», 21 авг.)

- “Вчера шеф бюро по связям с общественностью российской Службы внешней разведки Сергей Иванов заявил, что Польша «активно сотрудничала с Гитлером и могла вместе с ним напасть на СССР»”. («Польша», 28 авг.)
- “Российское телевидение: поляки убили 20 тыс. военнопленных (...) Комментируя памятную церемонию, прошедшую 1 сентября в Гданьске, российское общественное телевидение «Первый канал» (...) в программе «Время» (...) задало вопрос: «Почему бы не извиниться за расстрел в Польше 20 тыс. военнопленных из России?» Речь, вероятно, шла о 16–18 тыс. солдат, взятых в плен во время войны 1920 года, которые умерли от эпидемий. Телеканал «Россия», в свою очередь, рассказал, что «Варшава еще в 1918 г. оторвала Силезию от Германии и взяла под контроль вольный город Данциг»”. («Жечпосполита», 7 сент.)
- “В интервью «Комсомольской правде» проф. Наталья Нарочницкая, член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, созданной президентом Дмитрием Медведевым, требует от поляков извинений за разорение Москвы в 1612 году”. («Впрост», 6 сент.)
- “«Все такого рода публикации — это элементы глупой и непродуманной исторической политики, которую ведет Москва. Политика эта по стилю напоминает сталинскую пропаганду, а ее цель — скомпрометировать страны, которые пали жертвами пакта Молотова — Риббентропа», — говорит Сергей Бунтман, публицист радио «Эхо Москвы»”. («Дзенник», 27 авг.)
- “СМИ наэлектризовала информация (...) будто бы довоенный польский министр иностранных дел Юзеф Бек был агентом немецкой разведки, а Станислав Миколайчик, премьер-министр польского эмигрантского правительства, — английским агентом. Это информация с сайта российской разведки (...) Телеканал «Россия» показал вчера фильм, автор которого обвиняет Польшу в готовности предоставить Германии свою территорию для нападения на СССР”. («Жечпосполита», 31 авг.)
- Проф. Даниэль Ротфельд, бывший министр иностранных дел, сопредседатель польско-российской группы по трудным вопросам: “Это старая большевистская манера — повесить на человека, подвергаемого критике, ярлык агента (...) То, что такого рода клевету официально публикует российская разведка, хорошо свидетельствует о российской науке. Ни в

одобренном разведслужбой России фильме, ни в готовящейся книге не высказываются серьезные ученые (...) То, что в России историческая политика ведется с помощью спецслужб, свидетельствует о том, что честные российские ученые не хотят иметь с этим ничего общего”. («Газета wyborcza», 31 авг.)

• “В 70-ю годовщину подписания пакта Риббентропа — Молотова официальная пропаганда обеляет и оправдывает Сталина. Однако независимые российские СМИ и православная Церковь дают истинное свидетельство. Вчерашняя «Новая газета» озаглавила обширный материал о пакте Молотова — Риббентропа и разделе Польши Германией и СССР «Скрепленные кровью» (...) Голос независимых, хотя и малотиражных изданий, таких как «Новая газета» или «Новое время», слаб. Но этого нельзя сказать о голосе Русской Православной Церкви (...) Архиепископ Иларион, глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата (...) на просьбу выразить свое мнение о Сталине, ответил: «Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли в этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством. Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом”. («Газета wyborcza», 25 авг.)

• Станислав Цёсек, бывший посол Польши в Москве: «Адам Ротфельд когда-то очень умно сказал, что, когда речь идет об истории, правда ни на нашей стороне, ни на стороне наших союзников или противников. Правда там, где она есть». («Польска», 31 авг.)

• “Евгений Новожилов, российский журналист, пишущий о нарушениях прав человека в Чечне, после полутора лет ожидания получил в Польше статус беженца (...) В 2001 г. его приговорили к семи с половиной месяцам принудительного психиатрического лечения. Выйдя на свободу, он продолжал писать о войне. Тогда к нему стали приходить люди из спецслужб, грозили смертью. Он решил бежать. В Польшу он приехал в феврале 2008 г. и попросил политического убежища. Управление по делам иностранцев затягивало дело. Его рассмотрение два раза продлевалось. За Новожилова вступились защитники прав человека. Под обращением подписался, в частности, Тадеуш Мазовецкий. Наконец Новожилов получил статус беженца. «Я начал искать работу, совершенствую свой польский, — сказал он. — Польша стала моим домом»”. (Бартломей Курас, «Газета wyborcza», 28 авг.)

• Из письма премьер-министра Владимира Путина полякам по случаю годовщины начала II Мировой войны: “Без всяких

сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова—Риббентропа, заключенный в августе 1939 года (...) В нашей стране аморальный характер пакта Молотова—Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку (...) Мы глубоко признательны за то, что в Польше, в земле которой покоится более 600 тыс. солдат Красной Армии, отдавших жизнь за ее освобождение, бережно и с уважением относятся к нашим воинским захоронениям (...) Мемориалы «Катынь» и «Медное», как и трагическая судьба русских солдат, взятых в польский плен в ходе войны 1920 года, должны стать символами общей скорби и взаимного прощения (...) Сегодня, вспоминая о первом дне Второй мировой войны, наши мысли обращены и к ее последнему дню — Дню Победы. Мы были вместе в той битве за будущее человечества. И только от нас зависит, чтобы всё лучшее и доброе, что связывает народы России и Польши, — прорастало новыми делами, приумножалось в наступившем XXI веке». («Газета wyborcza», 31 авг.)

• «Владимир Путин пишет, что, с одной стороны, катынское преступление, а с другой «трагическая судьба русских солдат, взятых в польский плен в ходе войны 1920 года, — должны стать символами общей скорби и взаимного прощения». (...) В результате войны с большевиками в польский плен попало около 60 тыс. красноармейцев (...) В лагерях для военнопленных от инфекционных заболеваний (...) умерло около 18 тыс. пленных (...) Полтора десятка тысяч решили остаться и начали новую жизнь. Правительство согласилось дать им гражданство. Несколько сотен вступили потом в польскую армию (...) Ложь об убийстве этих пленных была придумана в конце 80-х годов, по распоряжению Михаила Горбачева, который обнародовал тогда правду о Катыни. Он велел спецам от пропаганды найти похожее дело, бросающее тень на Польшу». (Лешек Шимовский, «Польска», 31 авг.)

• Вальдемар Кучинский, бывший министр в правительстве Тадеуша Мазовецкого и советник премьер-министра Ежи Бузека: «Красная Армия освободила Польшу от кошмара, который был хуже самых темных лет сталинизма. Из блока смерти она перенесла ее во «внешний лагерь», в котором можно было жить — сначала ужасно, потом лучше, но всегда в лагере. Мы помним об этом, но видим и то, что Россия совершает ошибку, смешивая победу в, как там это называют, Великой Отечественной войне, с личностью Сталина (...) Дай Бог, чтобы поскорее настало время, когда наш большой сосед разделит славу своего оружия от преступлений Сталина (...) И чтобы пришло время, когда соседи не будут лгать, как будто

снова заговорил сталинский прокурор Андрей Вышинский, что оккупация — это освобождение, Польша — союзник Гитлера, а Бек и Миколайчик — агенты. Лишь тогда Россия перестанет быть опасной страной, в первую очередь для своих соседей”. («Газета выборча», 31 авг.)

• Адам Михник: «Премьер-министр Путин пишет, что в День Победы мы были вместе в антигитлеровской коалиции. Так вот, господин премьер, не все мы были вместе. Достаточно вспомнить хотя бы две символические фигуры: Александр Солженицын и Леопольд Окулицкий в этот день сидели в сталинских тюрьмах, ожидая процессов. В этих судьбах тоже заключен символ, о котором мы не должны забывать (...) Мы смотрим на Россию с надеждой и беспокойством. Нас радуют достижения российской науки и искусства. Беспокоят нас трагические события на Кавказе, убийства независимых журналистов и общественных деятелей, очередной процесс Михаила Ходорковского”. («Газета выборча», 1 сент.)

• “1 сентября — это день памяти о вине Германии, которая начала II Мировую войну, — сказала канцлер Германии Ангела Меркель (...), — тот факт, что премьер Туск пригласил меня, немецкого канцлера, на празднование этой годовщины я воспринимаю как знак примирения”. («Дзенник», 31 авг.)

• “Торжества на Вестерплатте переродились в крупный съезд мировых лидеров. Туда, где прозвучали первые выстрелы II Мировой войны, прибыли 20 премьер-министров, председатель Европарламента и советник США по вопросам безопасности”. («Газета выборча», 2 сент.)

• “То, что 1 сентября с.г. на празднование 70-летия со дня начала II Мировой войны на Вестерплатте не пригласили бывшего президента Польши, фронтового ветерана победительного для Польши похода на Берлин в 1945 г. Войцеха Ярузельского, мы воспринимаем как поступок чрезвычайно мелочный и политически ангажированный (...) От имени Гражданского движения в защиту генерала Войцеха Ярузельского — Эдвард Скшипчак, Познань”. («Пшеглэнд», 13 сент.)

• Президент Лех Качинский на Вестерплатте: «Сегодня годовщина начала страшной войны, II Мировой войны (...) Политика уступок привела сначала к аншлюсу, а затем к Мюнхену (...) Возникает вопрос о роли нашей страны (...) Участие Польши в разделе или, так или иначе, территориальном ограничении Чехословакии, было не только ошибкой — оно было грехом. И мы в Польше умеем в этом

признаться, не ища оправданий. (...) В этой войне погибло много миллионов солдат советской армии (...) Мы чтим их память (...) Нацистский режим был побежден, но Польша не получила полной независимости. Европу разделил железный занавес (...) Начался период размышлений (...) Плодом этих размышлений стал Североатлантический союз (...) Отцы-основатели объединяющейся сегодня Европы заложили и основы того, что теперь называется Евросоюзом. Несомненно, это даже еще более интересный эксперимент в истории человечества (...) завершившийся большим успехом”.

(«Жечпосполита», 2 сент.)

• Канцлер Ангела Меркель на Вестерплатте: “70 лет назад немецкие войска вторглись в Польшу (...) Ни одна страна не страдала от германской оккупации так долго, как Польша (...) Здесь, на Вестерплатте я, канцлер Германии, призываю почтить память всех поляков, которые пострадали от преступлений немецких оккупационных сил (...) Я хочу почтить память шести миллионов истребленных евреев и всех тех, кто погиб страшной смертью в немецких концлагерях. Я призываю почтить память многих миллионов людей, которые отдали свои жизни во имя борьбы, сопротивления Германии. Я хочу почтить память тех, кто ощутил на себе последствия (...) кошмара, учиненного Германией (...) Мы знаем, что наш долг — взять на себя ответственность за то, что тогда произошло”.

(«Жечпосполита», 2 сент.)

• Премьер-министр Владимир Путин на Вестерплатте: “Вспоминая первый день войны, мы, конечно же, должны задуматься, что подтолкнуло мир к этой роковой черте (...) Конечно, нужно признать эти ошибки. Наша страна сделала это. Госдума Российской Федерации — парламент страны осудил пакт Молотова—Риббентропа (...) Моя страна (...) признаёт ошибки прошлого (...) Именно благодаря позиции моей страны удалось устранить (...) Берлинскую стену и создать предпосылки для строительства новой Европы, без разделительных линий (...) Примером того, как следует врачевать бывшие раны, могут служить (...) партнерские отношения между Федеративной Республикой Германия и новой Россией, которые сложились за последние годы (...) И мы искренне хотим, чтобы российско-польские отношения так же были избавлены от наслоений прошлого, развивались в духе добрососедства».

(«Жечпосполита», 2 сент.)

• “На пресс-конференции Путин заявил о готовности решения проблем в отношениях между Польшей и Россией (...) Подписано соглашение, самые важные пункты которого

касаются судоходства в Вислинском заливе (...) Основной темой переговоров, которые вел вчера в Сопоте Владимир Путин, был газ (...) «Россия всегда в полном объеме обеспечивала Польшу энергоносителями и готова делать это в будущем. Никаких сомнений в этом быть не должно», — сказал Путин после беседы с Дональдом Туском (...) По причине визита в Ливию премьер-министр Украины Юлия Тимошенко отменила свою встречу с премьер-министром Польши. Впрочем, Тимошенко успела обсудить в Сопоте проекты новых газовых соглашений между Украиной и Россией». («Газета wyborcza», 2 сент.)

- “Россия согласилась, чтобы Украина не только в этом году, но и в следующем купила меньше сырья, чем было ею заказано. Кроме того, Москва пошла на повышение оплаты — на целых 65-70% — за транзит топлива в Европу по украинскому газопроводу”. («Жечпосполита», 4 сент.)

- “С «Южным потоком» нет проблем, — заверил премьер-министр Болгарии на встрече с премьер-министром России в Сопоте. К «Южному потоку» хочет присоединиться и Хорватия. Премьер-министр Ядранка Косор сказала, что именно такое предложение она сделала Путину во время переговоров на польском морском курорте”. («Газета wyborcza», 3 сент.)

- “Глава «Росатома» Сергей Кириенко и уполномоченный польского правительства Ханна Трояновская подписали в Гданьске соглашение по утилизации ядерного топлива из единственного в Польше экспериментального реактора «Мария» в Сверке (...) Главная проблема заключается в том, что, как и в случае газовых контрактов, в экономических отношениях с Россией речь идет не о бизнесе, а о политике. Рискуемые Кириенко миражи дешевого электричества с российских атомных электростанций слишком пахнут опасностью увеличения энергетической зависимости от России, чтобы относиться к ним серьезно (...) Недалеко от границы с Литвой строится ядерный энергоблок, который должен заполнить брешь после отключения литовской электростанции в Игналине, обеспечивающей электричеством также российский анклав вокруг Калининграда. Запуск этой инвестиции перечеркнул планы постройки энергомоста, соединяющего Польшу, Литву, Латвию и Эстонию. Его основой должна была стать новая атомная электростанция в Игналине, построенная совместно этими четырьмя государствами”. (Якуб Мельник, «Польска», 4 сент.)

- “С весны Польша безуспешно ведет переговоры с Россией о дополнительных поставках газа в этом и следующем году. Без этих поставок уже в четвертом квартале нам будет не хватать

около 500 млн. кубометров газа, необходимых предприятиям (...) Польская экономика потребляет 14 млрд. кубометров газа в год. В 2010 г. может не хватить 20% газа, необходимого для удовлетворения спроса на него в стране”. («Жечпосполита», 5–6 сент.)

- “Россия и Белоруссия в течение трех недель будут отрабатывать сценарий войны с Североатлантическим союзом (...) «Если в учениях примут участие стратегические бомбардировщики Ту 160 и Ту 95, это будет означать, что армия отрабатывает также использование атомного оружия», — говорит полковник Игорь Коротченко, главный редактор российского журнала «Национальная оборона». Первой жертвой (...) стала бы Польша (...) Гусеницы нескольких сотен танков и бронетранспортеров вспашут землю семи полигонов (часть из них (...) находится в непосредственной близости от границы). «По сценариям таких учений всегда видно, кто, по мнению властей, представляет собой угрозу», — комментирует Коротченко”. («Дзенник», 9 сент.)

- “Согласно опросу ЦИОМа, в августе настроение польского общества улучшилось, хотя пессимистические оценки всё еще преобладают. Ситуацию в стране оценивают хорошо 36% опрошенных, т.е. на 10% больше, чем месяц назад”. («Жечпосполита», 19 сент.)

- “В Европе осталась одна страна, которая может похвастаться экономическим ростом, — Польша. Во втором квартале наш ВВП вырос на 1,1% по сравнению с прошлым годом (...) Хотя обнародованные Главным статистическим управлением (ГСУ) результаты Польши не вызывают восторга, они и так лучшие в Европе”. («Дзенник», 29–30 авг.)

- “Розничная продажа выросла во втором квартале на 5,7%. Это самый высокий показатель в 2009 году”. («Впрост», 6 сент.)

- “По данным исследовательской фирмы «Нельсен», на сеть дисконтных магазинов приходилось в 2008 г. 12% польского рынка, и эта доля будет увеличиваться, так как дисконтная торговля — наиболее быстро развивающийся сегмент розничной торговли. В 2008 г. среднее число походов в традиционные магазины упало до 13 в месяц (в 2007 г. эта цифра составляла 15). В дисконтных магазинах за тот же период оно выросло с шести до восьми, а в гипермаркетах не изменилось и последние три года составляло пять походов”. («Ньюсуик-Польша», 30 авг.)

- “По мнению министерства финансов, опасение внушает то, что у нас уменьшается налоговая база. Замедляется динамика потребления. Во втором квартале она была лишь на 1,9% больше, чем год назад”. («Жечпосполита», 3 сент.)

- “В рейтинге Всемирного банка «Doing Business 2010» Польша поднялась в списке «благоприятных для бизнеса» стран на четыре ступени и заняла 72 е место. (...) Вчера были опубликованы также рейтинги Всемирного экономического форума по наиболее конкурентоспособной экономике. Польша поднялась в нем на семь мест”. («Жечпосполита», 9 сент.)

- “Евростат подтверждает: в Европе во втором квартале лишь Польша показала положительный темп экономического роста (...) За это время ВВП увеличился на 1,4% по сравнению с прошлым годом”. («Дзенник», 3 сент.)

- “ГСУ сообщило, что во втором квартале средняя зарплата поляка составляла 3081 злотый, т.е. на 4,4% больше, чем год назад”. («Жечпосполита», 13 авг.)

- “Согласно опросу ГфК «Полония», несмотря на экономический кризис 80% поляков высказываются в пользу открытого для иностранцев рынка труда. Лишь 15% респондентов не хотели бы этого. Хотя 40% опрошенных предпочли бы, чтобы их начальником был поляк, 51% заявляет, что национальность начальника не имеет значения. Почти половина не обращает внимания на то, кому принадлежит предприятие, услугами которого они пользуются, — поляку или иностранцу. Польская принадлежность фирмы важна для 27%”. («Жечпосполита», 24 авг.)

- “Более 7,3 млн. человек передали общественно-полезным организациям 1% своего налога за 2008 год. Эти организации получили почти 400 млн. злотых (...) Передать 1% своего налога решили приблизительно на 2 млн. человек больше, чем год назад (тогда их было 5,1 млн.). Благодаря этому росту общественно-полезные организации получили в 2008 г. почти на 127 млн. зл. больше, чем в предыдущем”. (Газета выбора», 2 июля)

- “В 2007 г. в кассах 5% самых богатых неправительственных организаций находилось 80% средств всего сектора, т.е. около 1,3 млрд. злотых (...) Между 1995 и 2008 годами число платных сотрудников неправительственных организаций удвоилось (с 67 до 120 тыс. человек). Что касается волонтеров, то в 2005 г. так именовали себя 23% поляков, а в 2008 г. — уже только каждый десятый”. («Жечпосполита», 8–9 авг.)

- “Согласно последнему отчету «Инфодолг», опубликованному Бюро экономической информации «ИнфоМонитор», сумма неоплаченных и просроченных платежей поляков выросла за последний год на 71%. Общий долг частных лиц перевалил за 12 млрд. злотых (год назад он составлял 7,06 млрд. злотых). В основном это непогашенные кредиты, неоплаченные счета за электроэнергию, квартиру, газ, телефон (...) В Центральном реестре должников и в Бюро кредитной информации числится уже 1,5 млн. человек. Год назад их было 1,2 миллиона”. («Польска», 3 сент.)

- “Неожиданные результаты отчета Еврокомиссии: польские пенсионеры выглядят на фоне европейских вполне неплохо. Если в ЕС бедность грозит в среднем каждому пятому пенсионеру, то в Польше под угрозой только 8% (...) Процент стариков, живущих в нищете, у нас один из самых низких в Европе, к тому же он уже несколько лет снижается. Польские пенсии ниже, чем на Западе, но у них другое отношение к средней зарплате. «Это относительная, а не абсолютная нищета, когда в доме ни крошки», — говорит проф. Януш Чапинский, автор последнего Общественного диагноза”. («Дзенник», 17 авг.)

- “В опубликованном 1 сентября отчете «Doing better for Children» представлено состояние детей и молодежи в высокоразвитых странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (...) На фоне других стран-членов ОЭСР польские дети — одни из самых бедных, у них нет необходимых условий для учебы и игр, они часто употребляют спиртные напитки. Им не приходится рассчитывать на поддержку государства, льготы для родителей, вспомоществования и дотации (например, за детские сады меньше Польши доплачивает только Мексика). С рождения ребенка до его совершеннолетия Польша инвестирует в него 43 тыс. долларов. Во многих странах эта сумма в три или даже в пять раз больше”. («Жечпосполита», 3 сент.)

- “Согласно исследованию международной фирмы «MillwardBrown», проведенному в нескольких сотнях начальных школ в Польше, 120 тыс. молодых граждан нашей страны приходят в школу голодными, а для более чем 70 тысяч единственным питанием в течении дня становится обед в школьной столовой”. («Дзенник», 4 сент.)

- Ежи Шацкий, профессор Варшавского университета, член Польской Академии наук: “Бесплатное образование в Польше — одна видимость. Статистика однозначно показывает, что в платных вузах учатся прежде всего студенты из обездоленных

общественных групп. Бесплатным же образованием пользуются в основном дети из хорошо обеспеченных семей. На самом деле наша система ставит в привилегированное положение людей из высших слоев общества”. («Дзенник», 2 июля)

- “Половина выпускников школ идет сегодня в вузы. Полнарода с дипломами (...) Сегодня в вузах учатся 2 млн. поляков; очень многие — совсем не тому, что нужно. Более половины учатся на учителей, экономистов, менеджеров, политологов, исследователей европейского пространства и международных отношений. 6% на врачей, 3% — на юристов. А нужны больше всего информатики, специалисты по современным технологиям, инженеры. В Польше самое большое в Европе количество вузов (131 государственный и 326 негосударственных), но многие из них (особенно частные) не ведут научных исследований и учат спустя рукава. (...) Бесплатная учеба доступна лишь для 40% студентов (...) За последние 15 лет число студентов выросло в четыре раза, а число преподавателей — лишь в два (...) Профессура жалуется, что «получает для обработки генетический материал, неспособный к самостоятельному мышлению, тупой, недоученный». У студентов все чаще мелькает подозрение, что их обманули. Даже в бесплатных вузах их заставляют платить за пересдачу экзаменов, а занятия, зачеты и экзамены бывают постыдным конвейером. Количество перешло в некачественность”. (Эва Вильк, «Политика», 27 июня)

- Профессор краковского Ягеллонского университета Ян Хартман: «В Польше очень часто бывает так, что люди учатся бесплатно, но вместо того, чтобы посвящать время учебе, бесчинствуют. Достаточно побывать в каком-нибудь из т.н. студенческих городков. Сотни молодых людей предаются там пьянству, а вопли всякого сброда раздаются почти до рассвета. Кроме того, там процветает торговля рефератами, марихуаной и прочая преступность. А полиция не может туда даже войти. Всё это патология, причем щедро финансируемая налогоплательщиками (...) Высшее образование должно быть платным. А бесплатная учеба должна быть определена как стипендия — привилегия и награда для тех, кто лучше всех учится. Бесплатная учеба не может валяться под ногами, как мусор (...) Средний выпускник школы не умеет учиться. Зато умеет обманывать — в основном самого себя. Он думает, что образование состоит в том, чтобы найти что-то в интернете, скопировать это в реферат и подписать своим именем (...) Сегодня в Польше учатся массы. Не будем ожидать, что хотя бы половина из них будет настоящими студентами (...) В Польше

сегодня слишком много вузов. Часть из них — это обычные овощные рынки, продающие ничего не стоящие дипломы, как петрушку». («Ньюсуик-Польша», 28 июня)

- Согласно опросу ЦИОМа, 62% поляков критикуют работу правительства; положительно ее оценивают 28%. 51% плохо оценивает действия премьер-министра Дональда Туска, 38% — хорошо. 70% критикуют работу президента Леха Качинского, а 20% удовлетворены его действиями. («Газета wyborcza», 27 авг.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 53% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 23%, Союз демократических левых сил (СДЛС) и крестьянскую партию ПСЛ — по 8%. Остальные партии не преодолевают 5 процентного избирательного барьера. («Газета wyborcza», 9 сент.)

- “С 2001 г. женщины неизменно занимают в польском Сейме около 20% мест. Доля женщин в Сенате снижается — в настоящий момент она составляет лишь 8%, в то время как в созыве 2001–2004 гг. было 23% женщин. Во всем мире женщины занимают в парламентах 18% мест, а в Европе — в среднем 21%”. («Политика», 29 авг.)

- “Из опроса Лаборатории социологических исследований следует, что 70% женщин и 52% мужчин высказываются за паритет при включении женщин в списки кандидатов на выборах (...) Предложение июньского Конгресса польских женщин, чтобы партии отдали женщинам половину мест в списках кандидатов на выборах в Сейм, Сенат, Европарламент и органы местного самоуправления, поддержали 61% опрошенных, против высказались 27%”. («Газета wyborcza», 10 июля)

- “Президент подписал поправки к конституции, согласно которым лица со вступившим в законную силу приговором за умышленное преступление, преследуемое по общественному обвинению, не могут становиться парламентариями”. («Дзенник», 14 июля)

- “Согласно опросу ЦИОМа от 6–12 августа, Ежи Бузек получил в рейтинге доверия 64% голосов, Радослав Сикорский — 58%, Бронислав Коморовский и Дональд Туск — по 50%. В рейтинге недоверия 57% получил Ярослав Качинский, 49% — Лех Качинский, 31% — Дональд Туск и 12% — Ежи Бузек”. («Дзенник», 25 авг.)

- Согласно опросу центра «Номо Номіні», Дональда Туска хотели бы видеть президентом 30,5% поляков, Иоланту Квасневскую — 24,5%, Леха Качинского — 21,0%. («Дзенник», 20 авг.)
- Проф. Магдалена Срода: “Раньше я думала об Иоланте Квасневской: красивая жена президента. А у нее харизма, она как Валенса. Чувствует толпу. Не готовится, смотрит на людей и начинает говорить. Женщины хотят ее слушать, даже приходят, чтобы до нее дотронуться! Она лучше своего мужа”. («Ньюсуик-Польша», 5 июля)
- “Президент Лех Качинский создал должность уполномоченного по охране животных и назначил на нее Карину Шверцлер, опытную защитницу прав животных. (...) В качестве уполномоченной президента она высказалась только один раз (...) когда в Закопане упала от усталости лошадь, тащившая перегруженную повозку с туристами. (...) После этого ей запретили публично высказываться (...) Решительно высказавшись в защиту гуральской лошади, пани Шверцлер вызвала недовольство в городе-бастионе ПиС”. («Политика», 22 авг.)
- Кшиштоф Краузе, режиссер, глава Совета Польского института киноискусства: «Как только включаются интересы партии, они тут же перевешивают и лишают разума. Личные эмоции намного сильнее, чем любое представление о государстве и обществе». («Пшеглэнд», 23 авг.)
- “В Клобуцке близ Ченстоховы на частной территории происходил массовый убой собак. Из убитых животных вытапливали смалец (...) Об этой зверской процедуре информировали полицию экологи из ченстоховского фонда «For Animals» (..) В прошлом году за умерщвление собак и вытапливание из них смальца окружной суд в Радоме приговорил к полутора и двум годам лишения свободы условно супружескую пару, которая держала приют для собак (...) Подобные случаи были выявлены и в Подгалье”. («Польска», 7 авг.)
- “Волонтеры фонда «СОС боксерам» называют себя неизлечимыми любителями собак-боксеров. Они зарегистрировались в начале 2009 г., но помогать своим четвероногим любимцам старались еще до этого. За несколько месяцев совместной работы они нашли дом для 101 своего подопечного”. («Газета выборча», 18 авг.)

• “Пенсионер утопил кота на глазах у шестилетней девочки. Суд приговорил его к четырем месяцам тюремного заключения. «С таким приговором мы еще не сталкивались», — признается прокуратура. «Это дело должно стать предостережением для тех, кто издевается над животными и кому кажется, что можно это делать безнаказанно», — сказал вчера прокурор Михал Шульцинский из Гливице (...) В Западной Европе виновных в преступлениях против животных наказывают очень сурово. В Германии, кроме тюрьмы, суды облагают виновного штрафом в размере пятикратной зарплаты. В Англии подобный штраф составляет 5 тыс. фунтов”. («Газета wyborcza», 5-6 сент.)

• “Охотники (...) в течение пяти лет боролись за включение в законодательство права на отстрел собак и кошек (...) Сегодня они действительно могут убить нашего четвероногого друга, не неся за это никакой ответственности. Это несколько десятков тысяч собачьих жизней в год! Поэтому хозяева убитых или находящихся под угрозой любимцев объединились, чтобы подготовить гражданский законопроект, запрещающей бездумно стрелять во всё, что движется. Под обращением по этому вопросу к уполномоченному по гражданским правам собрано уже 2800 подписей (...) Люди, чьих четвероногих друзей убили охотники, рассказывают свои истории на двух сайтах: zabilimipsa.pl и stopodstrzalom.pl. От этих рассказов сжимается сердце”. (Филип Лободзинский, «Ньюсуик-Польша», 12 июля)

• Рышард Косёр, лесник: «Я работаю в лесоводстве уже 45 лет. Пишскую пущу я знаю, как свои пять пальцев (...) На охраняемой территории мы добываем сегодня почти вдвое больше древесины, чем когда-то (...) В других лесничествах, несмотря на мнимые структуры по охране природы, положение похожее. Рубят лес по живому (...) На Мазуры приезжают высокого ранга чиновники и полицейские, парламентарии. Они любят тут пострелять (...) Когда я слушаю пишского старосту, который говорит, что охотники наводят в лесах порядок, то начинаю закипать. Я предпочел бы, чтобы в Пишской пуще наводили порядок волки, орлы и рыси (...) В 1980 г. я опубликовал критический текст о лесном хозяйстве (...) Весной этого года я написал еще один текст такого рода (...) Мое начальство рассвирепело. Директор Региональной дирекции Государственных лесов в Ольштыне запретил мне выступать (...) После всего этого я не мог больше работать лесником, ушел на пенсию (...) Но я не перестану бороться за Мазурский национальный парк». («Тыгодник повшехный», 23 авг.)

• “Беловежская пуца погибает (...). Только в 2007 г. под прикрытием борьбы с короедом было вырублено 7,5 тыс. кубометров деревьев (...) Между тем вреда пуце не будет наносить лишь вырубка для местных нужд (...) За последние десять лет несколько дорог в пуце были открыты для движения транспорта. Поделенная ими на куски пуца теряет устойчивость к чужеродным видам растений. Идет неконтролируемая застройка лесных полян, а именно там кормятся зубры и охотится малый подорлик, для которого пуца — один из последних оплотов в Европе. На примитивную свалку мусора у границы находящегося под охраной заповедника, кроме мусора из гмины Беловежа, свозится ежемесячно 150 тонн отходов из 20 тысячной Хайнувки. К этому следует прибавить бесчисленные нелегальные свалки (...) Оттуда и из выгребных ям загрязнение проникает в почву и грунтовые воды”. (Адам Вайрак, «Газета выборча», 11 сент.)

• “Скопа — птица настолько редкая, что записана в красную книгу вымирающих видов. В Польше всего 75 пар скоп (...) «За годы врачебной практики мне приходилось лечить несколько скоп. Все они были либо отравлены, либо подстрелены. Охотники выбрали себе эту птицу в качестве мишени (...)», — говорит Анджей Крушевич, директор варшавского зоопарка и один из лучших птичьих хирургов”. («Польска», 3 сент.)

• “По данным Татранского национального парка, Татры ежедневно посещают 33 тыс. туристов. Натуралисты предостерегают, что такое количество пешеходов имеет катастрофические последствия для экосистемы”. («Тыгодник повшехный», 30 авг.)

• “12 тыс. кабанов в Опольском воеводстве, полтысячи бакланов в Вармии и Мазурах, тысячи оленей, лис и других лесных зверей по всей стране скоро погибнут от рук охотников. Наши леса не в состоянии прокормить растущего числа их обитателей, которые всё чаще пользуются нашими полями и фермами (...) Поэтому охотникам позволено убивать”. («Дзенник», 9 сент.)

• “По данным министерства юстиции, в 1999–2007 гг. за нарушение закона об охране природы были осуждены два (!) человека — их приговорили к штрафам. Ежегодно выносятся около 60 приговоров за предусмотренные уголовным кодексом преступления против окружающей среды, но лишь несколько из них касаются нанесения значительного ущерба растительному или животному миру (...) Уничтожение природы считается у нас действием, не причиняющим

большого общественного вреда». (Иоанна Подгурская, «Политика», 29 авг.)

- “В Польше появилась вторая в Европе больница для... ежей. Туда попадают больные или перееханные машинами ежи. Центральное реабилитационное отделение ежей будет расположено в Копней-Гуре в Кнышинской пуще, в 20 км от Белостока. Центр открывается благодаря соглашению Общества защиты ежей «Наши ежи» с Региональной дирекцией защиты окружающей среды в Белостоке и Региональной дирекцией Государственных лесов”. («Дзенник», 10 сент.)

- “Кладбище для животных «Собачья судьба» находится в Конике-Новом за пригородом Стара-Милосна в 21 км от Варшавы (...) В течение 18 лет тут похоронили около 6 тыс. животных. Немного канареек, попугаев, крыс, домашних хорьков и черепах. Но в основном кошек и собак. Хотя можно найти и могилу коня — кто-то привез сюда его прах. Каждое воскресенье перед входом стоит прилавок с цветами, лампадками, свечками и вертушками (...) В первое воскресенье ноября (день св. Франциска Ассизского) сюда съезжаются толпы, негде машину запарковать (...) Цена погребения зависит от величины зверька. Если он весит менее 20 кг, она составит 250 злотых. Если больше, цена возрастает на 100 злотых. За погребение очередного любимца в той же могиле нужно заплатить 150 злотых. Годовая оплата за уход за могилами составляет 50 злотых”. (Малгожата Волчинская, «Газета wyborча», 22-23 авг.)

ПРОБЛЕМЫ С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

1. Проблемы с дефиницией

Почти в каждом польском тексте на тему интеллигенции — историческом или публицистическом — можно сразу встретить замечания, что этот термин неоднозначен и необходимо условиться, в каком смысле его употреблять. Замечание верное, хотя и банальное. Дело в том, что неоднозначен и не слишком четок, пожалуй, весь понятийный аппарат, которым пользуется социальный историк, а в особенности собирательные названия — во всяком случае, по отношению к современному обществу.

Если взять для примера понятие «шляхта», то оно утратило выраженные контуры по мере распада сословного общества. В литературе XIX века слово «шляхтич» могло обозначать: 1) помещика, 2) потомка дворянских родов, 3) так называемого имматрикулированного шляхтича, т.е. вписанного в реестры, которые вели геральдические управления на основании российского или австрийского законодательства, 4) человека, сохраняющего старинные патриархальные шляхетские обычаи. Можно было быть шляхтичем в одном из этих значений, но не относиться к шляхте в соответствии с другим. Несмотря на это, название повсеместно использовалось, а в каком значении оно употреблялось, зависело от контекста. Аналогично, например, слово «еврей» утрачивало свою однозначность, из которой произрастали генеалогические, религиозные и национальные коннотации.

Так происходит потому, что общественные классы и этнические группы в современном обществе не обладают кастовым характером, их границы не только проницаемы, но и утрачивают свой некогда четкий контур. Соответственно и их названия теряют определенность, содержание их расщепляется, и область значения становится всё обширнее. Историк может, правда, использовать альтернативные категории, избранные и определяемые им самим или даже им придуманные, но тогда ему придется пользоваться языком искусственным, со сниженной коммуникативностью, не зафиксированным в словарях. Представляется, что такой путь не ведет к научному успеху; мы тоже его не рекомендуем (в

данной статье я несколько раз использую местоимение «мы», имея в виду авторов «Истории польской интеллигенции до 1918 года»). Исследователь должен идти следом за исторически сформировавшимся понятием, наблюдая его метаморфозы и трансформации. Мы старались придерживаться этого правила в «Истории интеллигенции», что, однако, не избавило нас, да и не могло избавить, от проблем с дефинициями.

Самое раннее польское определение интеллигенции и одновременно вообще первое известное высказывание, включающее этот термин, относится к 1844 г. и содержится в работе Кароля Либельта — философа, учившегося в Берлине, а затем осевшего в познанской провинции. Именно Либельт, под влиянием гегелевской школы, определил, что интеллигенцию составляют «все те, кто прилежно и не замыкаясь лишь в своей специальности, приобрели высшее образование и стоят во главе народа как ученые, чиновники, учителя, священнослужители, промышленники — все те, кто возглавляет нацию в силу своей высокой просвещенности».

Как легко заметить, эта дефиниция объединяет в себе критерии образования, профессии и словно бы определенное ими стремление к национальному водительству.

Такое объединение не могло не стать источником различных противоречий, дающих о себе знать по сей день. Очень многие люди начали воспринимать интеллигенцию как эталонную моральную элиту общества, лишенного права публично выражать свои убеждения, а следовательно, отнесение к интеллигенции могло ощущаться как своего рода посвящение в духе высокого романтизма. Так и писал в 1861 г. автор программной статьи в львовском журнале: «От своих членов, которых можно было бы назвать интеллигенцией, общество требует понимания национальной идеи, любви к ней, работы и самоотдачи во имя нее — словом, требует любви к отечеству (...). В польском понимании интеллигентность — это необозримая духовная широта (...), никак не исчерпываемая одной лишь профессиональной сферой».

Подобная экзальтация была понятна в год патриотических манифестаций, в которых в одной лишь Варшаве участвовали сотни людей. Движением же, которое выросло из них, чтобы привести к трагическому восстанию 1863 г., действительно руководила молодая интеллигенция. С того времени в польском дискурсе подразумевается, что интеллигенция должна характеризоваться, словно бы «по определению», убеждением, что образованность обязана сопрягаться с долгом служить нации и обществу, и это стало под пером многих

авторов совершенно непреложным требованием, которое и сегодня еще встречается в своей императивной форме. Как известно, в русской мысли, которая приняла понятие «интеллигенция» на четверть века позже польской, оно еще более выразительно связано с ценностями служения народу и социальному прогрессу.

Авторы «Истории польской интеллигенции», однако, совершенно определенно приняли, что вдохновляющим интеллигенцию идеалам, ее этике, «миссии» или «водительству» следует, разумеется, уделить большое внимание, но нельзя принять их как компонент дефиниции, ибо это привело бы к идеализации собирательного образа. Более того, убеждения и идеалы сами остаются чертами слишком часто трудноуловимыми и спорными, чтобы использовать их как критерий для отнесения индивидуумов и групп к исследуемому нами общественному классу. В качестве рабочей дефиниции для этого класса мы приняли, что его составляют люди, которые получили образование, дающее возможность профессионально заниматься тем, что в данную эпоху считается умственным трудом.

Такое упрощенное исходное определение все же не устраняет проблему, так как историк постоянно имеет дело с пограничными ситуациями и случаями. Что делать, например, с духовенством — считать его частью интеллигенции или нет? Мы сочли, что сам по себе иерархически организованный клир — это предмет истории католической Церкви, а священники, исполняющие профессиональные функции учителей светских школ, ученых или публицистов, не могут, понятно, остаться забытыми историком интеллигенции.

Мы в целом не формализовали критерий образования, который изменчив, зависит от времени, от профессии и от законодательства. С одной стороны, существуют профессии и должности, которыми, по действующим правовым нормам, должны заниматься лица с университетским дипломом. С другой же стороны, нельзя недооценивать то, что учителя начальных школ, канцеляристы-переписчики или частные ходатаи, не имевшие подчас даже гимназического образования, выполняли работу, отличающую их от городского плебса.

Когда мы исследуем находящееся в постоянном движении общество, члены которого перемещаются то вверх, то вниз по лестнице социального престижа, мы всё время сталкиваемся с пограничными случаями и категориями — и этим не следует пренебрегать. Разумеется, принятие заведомо широкой и

нестрогой дефиниции, которая и не может быть иной, делает невозможным создание цельного образа польской интеллигенции.

И очень хорошо! Историк будет говорить о ее подгруппах (по образованию, заработку, имущественному, профессиональному, социальному положению, по ее — что, возможно, самое главное — взглядам на окружающий мир), о дифференциации, о конфликтах — вот наше ремесло. Мы не стремимся нарисовать какой-то единообразный групповой портрет образованного класса, подобно тому, как не верим в реальное существование особых национальных характеров.

В силу специфики своих исследований историк уделяет больше внимания и места людям, которые с какой-либо точки зрения выделились и вписали свое имя в биографические словари. Но выделились среди кого? Форма общественного бытия интеллигенции — это среда, как у шляхты — соседство, а у крестьянства — деревня или приход. Интеллигенция, где бы она ни оказалась хотя бы в небольшом числе, создает среду: локальную, профессиональную или академическую, — то есть товарищескую среду по собственному выбору.

Поэтому история интеллигенции, как мы ее понимаем, — это история средовых групп и связей между ними, а значит, контактов и конвенций, более широких, чем локальные и профессиональные. Эти контакты поверх групповых границ для XIX века можно проследить по эпистолярному наследию, чрезвычайно богатому количественно и содержательно. Грамотный класс много и охотно писал о своих потребностях, интересах и заботах, и эта переписка создает густую сеть конвенций, инфраструктуру национальной культуры разделенной страны. Она формирует польскую интеллигенцию как класс людей, которые свои профессиональные обязанности, обеспечивающие их материальные и общественные позиции, старались сопрягать — разумеется, не все и не всегда — с общественным долгом, по-разному, однако, понимаемым и по-разному исполняемым.

2. Проблемы с географией

Является ли интеллигенция неким географическим феноменом, классом исключительно польским, или русским, или восточноевропейским? Если поставить такой вопрос, то в чем он, собственно? Не в том, разумеется, что еще где-то тоже были и трудились учителя, чиновники, врачи или инженеры. Вопрос в том, осознавала ли интеллигенция (и где это имело место) самое себя как отдельный умственный класс, как

специфичную общественную формацию с какими-то особыми свойствами.

Не вдаваясь здесь в глубокие международные сравнения (это предмет отдельного разговора), можно отметить, что с XIX века интеллигенция в принципе существовала под различными названиями везде, но в тем большей мере становилась самостоятельным классом — 1) чем дольше длилось доминирование в обществе постфеодального привилегированного класса и 2) чем слабее было третье сословие и его притягательная сила. Интеллигенция, как правило безотносительно к своему происхождению, должна была отличать себя от аристократии, выдвигая иную систему ценностей, в которой не благородные предки и родовое поместье, но образование и личные заслуги перед страной определяли общественное положение человека. Эта тихая борьба за первенство могла быть успешной, по мере того как помещики-землевладельцы утрачивали прочные некогда политические и экономические позиции. С другой стороны, в западных странах профессора, адвокаты, врачи или архитекторы (professionals) по своим запросам и образу жизни не слишком отличались от зажиточных горожан, становясь интегральной частью мещанства, даже при терминологическом обособлении, как в случае *Bildungsbürgertum*. Иначе было в странах Восточной Европы, где мещанство, по преимуществу мелкие купцы и ремесленники, были диффузным провинциальным классом с невысокими запросами, а немногочисленная буржуазия, связанная с крупными промышленными предприятиями и железными дорогами, состояла главным образом из разбогатевших немцев и евреев, которые лишь во втором или третьем, но уже, как правило, образованном и ассимилированном поколении находили общий язык с интеллигенцией, например польской, хотя не обязательно признавались ею своими.

Одним словом, интеллигенция выделялась в самостоятельный общественный класс прежде всего в странах, где капитализм еще не перепахал цивилизационный пейзаж и не преобразил традиционную социальную структуру. Однако наряду с дворянством и мещанством третьей точкой отсчета для самоопределения интеллигенции было государство. Там, где городское частное хозяйство было слабо развитым, а рынок квалифицированных услуг (например, медицинских или юридических) оставался узким, государство по необходимости было первым работодателем интеллигенции, занимавшей должности в учреждениях, школах, судах, государственных банках и иных гражданских и военных институтах.

Одновременно это же государство рассматривалось, например, в Польше как чужое и захватническое или, как в России, как консервативный институт социального угнетения.

Интеллигенция поэтому развивалась как класс с хроническим раздвоением лояльности: правительственная служба кормила, но одновременно интеллигенция ненавидела царское правительство (а также прусское, австрийское или, на Балканах, турецкое) и мечтала о его свержении. И наоборот: правительство, как правило, интеллигенции не доверяло (и справедливо), а вместе с тем не могло без нее обойтись.

Таким образом, в государствах с деспотическим правлением и отсутствием гражданских свобод вызревающая интеллигенция поддерживала структуры власти и одновременно подрывала их. Этот конфликт лояльности по-разному проявлялся в индивидуальных биографиях, а с еще большей силой заявил о себе в коммунистических государствах XX века.

Кроме того, повсюду, где зарождающееся национальное движение было направлено на создание новых государств и разрушение устоявшегося европейского порядка, интеллигенция создавала объединяющую символику и исторические легенды движений, их манифесты, воззвания и мемориалы, а также национальные средства массового народного образования. Польша до 1914 г. — прекрасный пример подобной инициативной роли образованного класса, как, впрочем, и Сербия, Италия или Ирландия. Проблему с географией удастся преодолеть не с помощью разграничения, но посредством стадийности. Чем менее было развито частнокапиталистическое хозяйство и чем слабее гражданское общество и хуже условия его самоорганизации, чем больше было значение власти как арбитра и надзирателя над обществом, чем сильнее были национальные конфликты внутри имперских государств, — тем больше была неформальная роль интеллигенции как единственного класса, способного артикулировать общественные и национальные потребности и интересы.

Таким образом, в XIX веке питомником интеллигенции, хотя и не единственной ее обителью, была Восточная Европа вместе с Россией, а также средиземноморская Европа, а в следующем столетии — освобождающиеся от своих «попечителей» зависимые и колониальные страны, в которых малочисленная и изолированная интеллигенция, обычно получившая образование в лучших европейских университетах, становилась во главе освободительных движений.

3. Проблемы с оценкой польской интеллигенции

Во второй половине XIX века самооценка молодой интеллигенции, открывшей самое себя как новый, отдельный сегмент общества, была в целом неплохой. Интеллигенция отдавала себе отчет в том, что отсутствие высших учебных заведений в стране ограничивает ее квалификацию и культурные запросы. Тем не менее новая, интеллигентской же сформированная, иерархия ценностей не давала впасть в уныние. Это проявилось в событиях 1848 г., особенно в Галиции, где журналисты, литераторы и адвокаты оказались на передовой линии борьбы за политические свободы и национальную автономию.

Патриотические манифестации в Варшаве, в других городах Царства Польского и в Литве породили у интеллигенции иллюзию, что за ней идет городское население, а возможно, пойдет и сельское. Упомянутая выше идея служения и национального водительства стала теперь определяющей в понимании интеллигентской собственной исторической роли. Поэтому трагическая развязка (ее легко было предвидеть) восстания 1863 г. против царизма — восстания, подготовка которого, как и руководство и весь его ход (кроме военных действий), были непосредственным делом интеллигенции, — лишь поставила под сомнение эти представления, но не разрушила их.

Позитивизм 1870-х был чисто интеллигентской умственной конструкцией, бросившей вызов все еще доминировавшему шляхетскому консерватизму. Идею общественного долга и национального служения образованных людей позитивисты очистили от искусства вооруженной борьбы, но от этой идеи не отказались — напротив, максимально заострили. Их печатный орган («Пшеглэнд тыгоднёвый») возвещал в 1880 г.: «Интеллигенция играет решающую роль в судьбах нации, а поскольку интеллигенция должна обладать самосознанием как первым условием своего бытия, то она сама определяет свои задачи и будущее общества и на ней лежит ответственность за все результаты общественной работы».

Варшавский либерализм формировался под надзором жесткой царской политической цензуры и потому должен был камуфлировать свои национально-освободительные устремления, но зато мог вполне легально провозглашать просветительскую и цивилизаторскую миссию по отношению к нации. Такие глашатаи легального либерализма, как идейный вождь позитивистов писатель и издатель Александр Свентоховский, видели немногочисленный образованный слой проводником интеллектуального и морального прогресса в

отсталой периферийной стране. Один из них написал так: «Коль скоро интеллигенция должна думать за всё общество, она, конечно, должна стоять выше интересов отдельных слоев (...). Интеллигенция должна быть не только самой умной, но и лучшей частью общества. (...) Предназначение интеллигента — быть жрецом идеи». Позитивистские идеи объединил с жертвенным пафосом романтизма Стефан Жеромский, создавший в своих повестях и романах конца XIX века образы героических учительниц и врачей, готовых забыть всё личное, чтобы без остатка посвятить свою жизнь миссии просвещения темного простонародья и борьбе за человеческие условия жизни угнетенных классов.

Однако параллельно с идеализацией интеллигенции в польской публицистике было и другое течение: едкая сатира на такие упрощения. Консервативные писатели уже в середине XIX века, особенно в Галиции, высмеивали поэтов и журналистов, грезивших о каком-то национальном водительстве. Позднее, на закате века, критика интеллигенции исходила уже из ее собственных рядов, от авторов, которых никак не назовешь консерваторами. Отличался в таких колкостях ведущий писатель эпохи позитивизма Болеслав Прус, который, кроме романов, писал еженедельные газетные фельетоны, черпая материал из повседневной жизни. «Несомненная правда, — утверждал он в одном из них, — хотя и горькая, состоит в том, что интеллигенция не имеет никакой связи с крестьянином, не знает его, не видит и не влияет на него. Еврейский корчмарь и ростовщик, сутяга и даже разбойник (...) вызывает у крестьян больше доверия, чем интеллигенция, именующая себя руководителем общества».

В то же самое время варшавский еженедельник «Глос», основанный в 1886 г. и сам себя объявивший провозвестником «национальной цивилизации», бичевал профессиональную интеллигенцию как слой космополитов и снобов, которые в своем обезьяньем подражании Европе не исполняют обязанностей перед польской нацией. В том же направлении шла критика из лагеря национал-демократов. Один из их лидеров, Зигмунт Балицкий, писал даже, что значительная часть польской интеллигенции выродилась под гнетом, подвержена чуждым влияниям, «враждебным нашему обществу и его национальным целям»: интеллигенцию можно принять только при условии ее вовлеченности в программу подъема национального самосознания крестьян и признания безусловного приоритета польских интересов.

Левые были не более снисходительны. Социалисты конца XIX века, действовавшие (разумеется, нелегально) на захваченных русскими землях, от образованных людей требовали не столько профессиональной работы, сколько партийности и участия «пролетариев умственного труда» в революционной агитации.

Самым серьезным критиком был философ и писатель Станислав Бжозовский, прекрасно знавший направления европейской общественной мысли и находившийся под влиянием Жоржа Сореля. Бжозовский, сам типичный интеллигент, не принадлежал ни к одной партии, но, как многие другие, был потрясен проявившейся в 1905 г. общей силой рабочих забастовок и демонстраций в Царстве Польском и в России. На этом фоне польская интеллигенция, оторванная от промышленных предприятий, лишенная динамизма рабочего класса, показалась ему классом исторически бесплодным, неспособным сыграть значительную историческую роль. Бжозовский упрекал интеллигенцию в отсутствии серьезности и смелости убеждений, а единственным шансом для нее считал избавление от этих черт и «интеллигентности», что бы то ни означало.

Все эти критики и насмешники сами были образованными интеллигентами в полном смысле этого слова, поэтому можно сказать, что в них проявилась самокритичность их класса, который все еще не был уверен, удастся ли дорасти до своих высоких, не ограниченных профессией патриотических и общественных обязанностей, а потому часть интеллигенции (в том числе и в независимой Польше после 1918 г.) испытывала искушение поддержать радикальные движения — левые или правые, социалистические или националистические.

Из подобных высказываний можно составить толстую антологию. В 1945 г., на пороге так называемой Народной Польши, известный социолог профессор Юзеф Халасинский, связанный с крестьянским движением, спровоцировал шумную дискуссию в прессе своей лекцией «Социальная генеалогия польской интеллигенции», в которой охарактеризовал интеллигенцию как класс, унаследовавший дурные шляхетские замашки, сектантскую замкнутость в салонном интеллигентском гетто и безразличие к нуждам масс. Независимо от намерений автора, это направление критики в принципе соответствовало политике правящих коммунистов, которые прежнюю, довоенную интеллигенцию хотели либо привлечь на свою сторону, либо, если это не удастся, высмеять и отправить на обочину жизни как неизлечимо «реакционную». Талантливый поэт Константы Ильдефонс

Галчинский в русле этой тенденции властей написал сатирическое стихотворение «Смерть интеллигента», в котором высмеивал гамлетовские терзания и настороженность по отношению к новому строю:

Простуженный. Аполитичный.

Измученный. Ностальгичный. (...)

Опоздал всюду. Нигде не к месту.

Ежи Гедройц, известный своей идейной борьбой с коммунизмом редактор парижской «Культуры», с диаметрально противоположных позиций польского политического спектра последовательно, особенно в многочисленных частных письмах, выражал свое разочарование позицией отечественной интеллигенции, которую он упрекал *en bloc* в трусости и оппортунизме. Один из его корреспондентов, Чеслав Милош, в то время профессор славистики в Калифорнийском университете, винил польскую интеллигенцию скорее в националистических склонностях и шаткости ее либеральных убеждений.

В каждом из этих явно противоречивых обвинений, несомненно, есть зерно правды. Дело, однако, в том, что в этой многократно осужденной и высмеянной интеллигенции слишком редко видели живых людей, с их характером и привязанностями, индивидуальными судьбами и опытом, занятых ежедневно, в условиях, не ими избранных, своей профессиональной работой, наукой и искусством. Чаше эти горькие упреки и насмешки адресовались какой-то абстрактной общности, какому-то братству или ордену, подчиненному единому уставу.

В публицистических баталиях, ведущихся уже полтора столетия, реже всего можно встретить предположение, что польская интеллигенция, как и любая другая, возможно, многообразна и что в своих жизненных позициях, характерах, мнениях всегда была и остается глубоко разделенной. Разделенной по различным критериям: а) на левую, либеральную и правую; б) на глубоко верующую, конформистскую и живущую без веры; в) на антисемитскую, индифферентную в этом вопросе и антинационалистическую; г) на горячо поддерживающую авторитарные методы, пассивно-послушную и приспособленческую и на демонстративно противостоящую авторитаризму; д) на преуспевающую в любых условиях, скромно живущую или

прозябающую на обочине общественной и хозяйственной жизни — и т.д.

Склонность публицистов, а случается, и ученых, к поспешным обобщениям и коллективным характеристикам кажется непреодолимой, а споры критиков интеллигенции с ее апологетами (немногочисленными), споры гонителей с моралистами возобновляются по сей день.

Не дело историка примирять между собою эти суждения, он будет лишь стремиться описать условия жизни и работы, общественное положение различных профессиональных срезов интеллигенции — и именно так прийти к тому, какие в каждом рождались чаяния, модели поведения, идейные представления, а также предубеждения и фобии, понять, как интеллигенция, удивительным подчас образом, пережила все катаклизмы XX века. Вместе с тем историк будет стараться показать, что, несмотря на всю ее разделенность и врожденные пороки, интеллигенция была носителем национальной культуры и исторического сознания и одновременно классом с наиболее европейским кругозором. Она никогда не имела общих убеждений, но имела общие проблемы и общую ответственность — и имеет до сих пор.

4. Проблемы с существованием

Тезис об исчезновении интеллигенции упорно повторяется в течение последних 20 лет. В СМИ кто-нибудь постоянно заявляет, что интеллигенция «сходит со сцены», — но что-то никак она не исчезает окончательно, и всегда что-то остается для следующего погребения. Могильщики не всегда принимают во внимание, что все традиционные общественные классы потихоньку исчезают. Исчезает крестьянство, которое в XIX и XX веке было самым многочисленным классом в Восточной Европе. Если осторожная крестьянская реформа межвоенного периода и радикальная реформа 1944-1945 годов имели целью разукрупнение собственности и наделение земель мелких хозяев, то сегодня направление ускоренной эволюции противоположное: гибнут малые и средние хозяйства, происходит концентрация земли и инвентаря в индустриализованных хозяйствах с большой территорией. Вслед за тем исчезает традиционная бытовая культура села, народное искусство и местный колорит провинции.

Исчезает также ремесленничество, исчезают целые группы профессий — кустарных и в сфере услуг, вместе с ритуалами цеховой культуры. Вместе с глубокой перестройкой отраслевой структуры промышленности и технологической

модернизацией начинает сокращаться рабочий класс прежнего типа и стирается разница в подготовке и типе труда высококвалифицированного рабочего и техника: рабочие протесты в Польше после эпохи «Солидарности» чаще всего были попытками защитить последние бастионы государственной промышленности.

Вся модель социальной структуры изменяется на глазах: от классовой с относительно четкими контурами — к стратовому устройству без явных границ, что не означает, впрочем, исчезновения наследуемых обстоятельств: воспитания в зажиточном доме или в условиях бедности и социопатии.

Интеллигенция подвержена влиянию всеобщих процессов. Расслоение в ней присутствовало всегда, со значительной имущественной и социальной дифференциацией. Сегодня это расслоение еще заметнее — прежде всего в связи со взвинченными окладами членов правлений крупных банков, корпораций или СМИ. Ранее, однако, несмотря на эти диспропорции, интеллигенцию объединяла исключительность образования и возникавший на этом фоне особый тип «хорошего воспитания», стиль жизни, манера речи и определенного рода ощущение превосходства и элитарности. Эти довольно очевидные «знаки различия» столь же очевидно стираются по мере распространения среднего и высшего образования, в особенности ориентированного на практические профессии, когда одновременно ослабевают эффективность родительского культурного примера, а информатизация образа жизни посредством СМИ обретает неодолимую силу. Следовательно, теряется ощущение наличия общего кода интеллигенции, а значит, и принадлежности ее к одному классу, независимо от расслоения. С этой точки зрения приверженцы тезиса о современном исчезновении интеллигенции в чем-то правы, хотя некоторые из них привыкли высказывать свои убеждения с нескрываемым пренебрежением к скромным учительницам или библиотекарям. Но могильщикам интеллигенции и того мало: в своих статьях и книгах они возвещают, что конституирующая роль интеллигенции, ее «миссия» если и не была всегда узурпацией, то сегодня определенно перестала быть общественно необходимой. Интеллигенцию должны заменить или уже заменяют эксперты.

«Миссия» — это понятие из романтического лексикона, сегодня малопригодного. Приверженцы тезиса об исчезновении сегодня даже утверждают, пусть не всегда *expressis verbis*, что избыточной ролью является участие в

делах, касающихся общественного блага, а также гражданской самоорганизации. Не подлежит сомнению, что это были самые существенные задачи, решавшиеся прежде всего, хотя и не исключительно, интеллигенцией. Было совершенно естественно, что класс, представители которого обучались в своих учебных заведениях и в ходе профессиональной работы умению формулировать мысли, читать научные труды и эссе, писать и говорить, был больше других способен инициировать публичные дискуссии и общественные действия, создавать объединения или фонды.

Демократический строй и массовая культура, безусловно, расширили такую диспозицию, хотя трудно не заподозрить, что платой за это расширение стало снижение уровня. Безусловно, ни один социальный слой не имеет сегодня монополии на деятельность в публичной сфере, но связь активности с образованием не исчезла. Что, собственно, означает утверждение, что интеллигенцию заменят эксперты? Эксперты в чем? В обнаружении цивилизационных угроз, в заступничестве за униженных и оскорбленных, в защите принципов демократии, в инициировании политических дебатов, в публичном, при необходимости, протесте? В каждой из этих областей экспертиза может быть полезна, однако картина монополии экспертов и технократов — каждого в узкой сфере его специальности и полномочий — слишком напоминает «дивный новый мир».

Общие обязанности образованных людей и ранее в каждую эпоху формулировались и постулировались по-новому — в зависимости от типа государства, от цивилизационного уровня и от гражданских прав. Несомненно, сегодня эти обязанности в посткоммунистических странах понимаются иначе, чем раньше, в соответствии с ситуацией, а часто не понимаются вовсе. Все же можно питать надежду, что дело не дойдет до атрофии внепрофессиональной роли и ответственности образованных слоев, и потому стоит повторить, что неоднократно объявленные похороны интеллигенции кажутся, как минимум, преждевременными.

Содержащиеся в этой статье замечания (высказанные в Люблине в цикле открытых лекций Института истории Люблинского католического университета) — результат исследовательского и публицистического опыта сектора истории интеллигенции Института истории Польской Академии наук. Этим сектором, основанным Рышардом Чепулисом-Растенисом, профессор Ежи Едлицкий руководил в 1991–2005 годах, а плодом коллективного

труда стали, в частности, сборник исследований исторической литературы на тему интеллигенции в нескольких европейских странах, а также ряд эссе руководителя и сотрудников сектора, а затем трехтомная «История польской интеллигенции до 1918 года» (Мацей Яновский «Рождение интеллигенции. 1750–1831»; Ежи Едлицкий «Порочный круг. 1832–1864»; Магдалена Мицинская «Интеллигенция на перепутье. 1864–1918», под общей редакцией Ежи Едлицкого. Варшава: Институт истории Польской академии наук — «Неритон», 2009). Этот труд отмечен Исторической премией «Политики» за 2009 г. в категории научных и научно-популярных работ.

НАУЧИТЬ ВОСПРИИМЧИВОСТИ

— «Открытая Речь Посполитая» — Объединение против антисемитизма и ксенофобии было организовано в 1999 году и, как написано на вашем интернет-сайте, «возникло в связи с необходимостью противодействовать ксенофобским и антисемитским предубеждениям, возрождающимся в польской общественной жизни». По чьей инициативе организовано объединение и насколько была ощутима необходимость в такой организации?

— Трудно сказать, насколько проблема была ощутима. Просто возникла конкретная ситуация, которая стала импульсом к действию. В продаже появились насыщенные антисемитскими выпадами учебники истории, автор которых, кстати, раньше готовил учебники для школ в ПНР. Это мобилизовало группу людей, которые направили в министерство образования письмо с требованием отказаться от этого учебника. А затем те, кто подписал письмо, решили, что должны и хотят организовать, чтобы все более частые проявления нетерпимости и расовой ненависти в публичной сфере не оставались без решительной реакции общественного мнения. Необходимо было выступить против трактовки таких проявлений как малозначительного элемента публичного фольклора, как маргиналий, которые якобы должны существовать в каждой свободной стране. Организаторы «Открытой Речи Посполитой» не разделяли такого подхода. Ибо подобных «маргиналов» как в Польше, так и в других европейских странах характеризует опасная динамика: группы и сообщества, являющиеся рассадниками антисемитизма, расизма и национализма, становятся все более заметными и самоуверенными. Да и нельзя пассивно ждать, пока предубеждения приобретут действительно опасную и неконтролируемую форму. Наше объединение возникло, чтобы заблаговременно говорить о том, как остановить тревожные проявления зла, чтобы польская интеллигенция в будущем не стала себя винить, что была слепой, глухой и безразличной.

— К какой среде принадлежали люди, основавшие Объединение?

— Нас было свыше двухсот человек. Ученые всех специальностей, учителя, юристы, журналисты, артисты — люди, чувствительные к проявлениям антисемитизма, расизма и нетерпимости и небезразличные к тому, как

воспитывается молодежь, как ее готовят к жизни в условиях свободы и общедоступности информации. Но это было и сообщество людей, которые всегда, даже в прежней системе, публично реагировали на зло. Когда-то говорили, что они диссиденты. Это люди, обладающие научным и моральным авторитетом, общественные деятели, мыслящие люди. Когда-то они письменно протестовали, например, против внесения в конституцию статьи о руководящей роли партии. И это в условиях, когда невозможно было создать легальное объединение, чтобы публично и независимо высказываться о делах, касающихся нас, граждан. А в свободной Польше мы имеем не только возможность, но и полное право создать объединение. Вот мы его и создали.

— По профессии вы психолог и переводчик, на общественных началах уже пять лет председательствуете в «Открытой Речи Посполитой». Как чувствует себя деятельная женщина в кресле председателя?

— Это уже мой третий председательский срок, и я подыскиваю преемника, потому что, пожалуй, засиделась, но я совершенно не председательствую! Скорее стараюсь координировать нашу работу. Есть вещи для нас естественные и очевидные — это защита исповедуемых ценностей, когда надо — сопротивление, а иногда — помощь в создании нового. У нас всегда что-то происходит, нам есть что делать, и эта деятельность приносит мне удовлетворение.

— Среди членов объединения — известные, выдающиеся фигуры общественной жизни. Это как-то сказывается на «пробивной силе» и эффективности деятельности?

— Это, конечно, помогает, если мы выступаем публично и на нашей стороне признанные авторитеты в самых разных областях — праве, социологии, истории. Благодаря этому мы уверены, что разговор будет «на уровне», а наши проекты получают гарантию качества. По нашему уставу новый член должен быть рекомендован одним из членов объединения, но это не железное правило. Бывает, что появляются кандидаты, часто через интернет, которые так представляются нам и так мотивируют свое желание вступить в объединение, что правление их принимает. Таким образом членами объединения стали многие учителя. Это люди, которые учительствуют и ведут общественную деятельность в небольших населенных пунктах, и им необходима поддержка — методическая и организационная. Объединение открыто для всех, кто разделяет наше убеждение в необходимости действий, чтобы остановить антисемитизм и агрессивную

недоброжелательность к чужим, для тех, кто стремится популяризировать примеры соблюдения прав человека и уважения к разнородности культур. Наша эффективность зависит и от того, в какой мере члены объединения будут готовы посвятить этой работе свое время, заинтересованность и энергию.

— А какова была реакция на создание объединения, занятого такими проблемами?

— Это было время динамичного развития неправительственных организаций, в Польше возникло множество фондов и объединений, создавался так называемый третий, неправительственный сектор, неременный компонент гражданского общества. Люди учились тому, что по любому вопросу можно организовать и создать объединение. Негативных откликов не было вовсе. Со временем, после первоначальной эйфории, начали возникать конфликты и среди неправительственных организаций, но это же естественно.

— Каковы главные цели объединения и меняются ли они в зависимости от ситуации?

— Цели всё время одни и те же. Можно только сказать, что пути их достижения постоянно меняются в зависимости как от ситуации, так и от наших возможностей. Поначалу деятельность объединения заключалась главным образом в реагировании на различного рода проявления нетерпимости, расизма, антисемитизма; мы выступали с заявлениями и протестами, если убеждались, что имеет место зло. Затем мы старались описать и диагностировать проявления нетерпимости и ненависти, усмотренные в общественной жизни и в деятельности общественных институтов. Наша главная цель — это, прежде всего, формирование позиции открытости и уважения к индивидуумам и группам с иной этнической, национальной, религиозной, культурной или общественной спецификой, а также противодействие любым формам расизма, антисемитизма, ксенофобии и других видов ущемления человеческого достоинства. Поэтому мы иницилируем и поддерживаем образовательные программы и мероприятия, имеющие целью снижать число стереотипов и предубеждений по отношению к «чужим», прививать уважение к этническим, религиозным и мировоззренческим различиям и распространять знания о многонациональных корнях польской культуры. Этому был посвящен наш первый большой проект, который назывался «Одна страна, много народов». В его рамках мы разработали образовательную

программу и методические материалы для учителей, а также провели занятия для учащихся средних школ. Мы также инициировали дискуссию среди работников просвещения о способах популяризации установок на уважение и терпимость в школах. Потом был довольно важный проект, касавшийся школьных учебников. Мы поинтересовались, насколько учебники истории, польского языка, другие учебные пособия, рассказывающие о Польше и современном мире, информируют молодого человека о том, что происходило в прошлом, как они об этом рассказывают и в какой мере готовят к жизни в гражданском обществе. Проект назывался «Школа открытости», и мы отрецензировали около 80 учебников из 150 находящихся в продаже (давая или не давая свою визу). Этот проект продолжается до сих пор, потому что учебники постоянно меняются, и мы хотим его продолжать.

— Вы также документируете проявления этнических, религиозных и расовых предубеждений.

— Да. Мы обращаем на это внимание общественности, государственных властей, СМИ, Церквей, а также общественных, научных и культурных объединений. Вмешиваемся, в том числе и методами права, в случаях распространения антисемитских и ксенофобских лозунгов, идей или позиций — через прессу, книги, телевидение или радио. Мы осуществляем мониторинг и регистрацию таких актов ненависти и дискриминации. И прослеживаем, как на подобные события реагируют государственные институты — полиция, суды, прокуратура и органы местного самоуправления. Мы подготовили и издали доклад о языке ненависти в польской прессе «Вместо процесса». Проблема языка ненависти для нас очень важна, и многие его формы мы проанализировали и победили.

— Вы также ведете мониторинг решений польских судов и прокуратуры по таким делам.

— В рамках проекта «Закон против ненависти» мы проверяем, насколько совершенны правовые механизмы, позволяющие бороться с проявлениями расовой, этнической и религиозной ненависти, достаточно ли их только эффективно использовать или необходимо также обновлять действующее законодательство. С этой целью мы проводим анализ судебной и прокурорской практики по таким делам. Проект очень трудоемкий, но интересный. Мы следим за текущими делами, вмешиваемся. Понятно, что перемены не произойдут быстро, но мы всё же пытаемся. Со временем мы начали также обращать внимание общественного мнения на всё более

заметные фашистские организации. Борьаться с ними очень трудно, как с преступностью в Интернете, но мы привлекаем к этому внимание всех общественных групп. Необходимо всеми способами реагировать на тревожные явления.

— В рамках этого проекта была организована конференция «Может ли право искоренить ненависть?» Каковы ее результаты?

— Мы должны были решить, нужно ли преследовать язык ненависти или признать эту форму высказывания осуществлением права на свободу слова. Соответственно возникает вопрос о границах свободы слова. Здесь мы считаем, что такую границу составляет обида, нанесенная другому человеку. Ну а если сеющих ненависть карать, то решительно, хотя и умеренно, — прежде всего чтобы показать, что это зло. Разделились мнения о том, целесообразно ли привлекать к уголовной ответственности на основании действующих законов авторов и издателей публикаций, разжигающих этническую, национальную, религиозную ненависть или отрицающих историческую правду о Катастрофе евреев и цыган, но мы определенно будем требовать такой ответственности в вопиющих случаях.

— Каково реальное влияние ваших действий на политическую жизнь и общественное сознание в Польше? Наблюдаете ли вы какие-то перемены?

— В обществе происходят определенные перемены, стало менее дозволенным публичное выражение нетерпимости, антисемитизма, меньше стало безразличия, например к антисемитским и расистским надписям на стенах, больше инициатив, направленных против таких вещей. Было бы преувеличением сказать, что это результат наших действий. Мы ведь сравнительно небольшое объединение, у нас около 300 членов. Мы долгое время существовали только за счет членских взносов, поэтому наши возможности довольно ограничены. Перемены медленно, но происходят. Когда несколько лет назад мы начинали проект «Закон против ненависти», в польских судах не было даже реестра таких дел. И СМИ стали чаще обращаться к этой теме. Больше становится небезразличных людей, всё больше сознательных учителей. Это придает смысл нашей работе. Когда в небольшом городке появляется антисемитская надпись или разрушается еврейское кладбище, мы пишем бургомистру, что это не делает городу чести. И всё чаще бывает реакция. Полиция начинает искать виновников такого преступления, а самоуправление устраняет последствия актов вандализма. Учителя и школьники тоже все чаще

проявляют активность. Часто такие вопросы решаются без нашего вмешательства, потому что на месте реагируют быстро и эффективно. В таких случаях мы направляем письмо с выражением признательности. Был случай, когда такая активность была отмечена почетным членством в объединении. Многие действия инициированы просто частными лицами, учителями, школьниками. Мы планируем обобщить и опубликовать хорошие примеры различных форм этой деятельности — популяризацию культуры, кухни, религии евреев и других национальных меньшинств, например польских цыган. Мы стараемся непосредственно связываться с устроителями школьных фестивалей, кружков, факультативов и т.п. Мы помогаем нашими материалами, высылаем благодарности. Важно, чтобы люди знали, что их замечают и поддерживают.

— Таким примером вашей конкретной помощи был и проект «Путешествие в неизвестное. Станция Секерки»?

— Это пример проекта, который наше объединение поддержало организационно. Его автор — Амудена Рудковская, координатор другого нашего проекта. Ее инициатива выросла из стремления помочь детям беженцев в варшавских Секерках, в Центре для иностранцев, ходатайствующих о статусе беженца. Это дети из Чечни, России, Белоруссии, Украины, Грузии, Дагестана, Сомали, Монголии. Мы организовали для них интеграционные занятия, длившиеся несколько месяцев, провели экскурсии, развлекательные мероприятия. К сожалению, проект пришлось завершать, так как Центр закрылся, а дети разъехались по разным более мелким центрам по всей Польше. Мы часто посредничаем в контактах между организациями, которые благодаря этому могут начать сотрудничество, обмениваться опытом, помогать друг другу. Мы чувствуем себя нужными.

— Вы также проводите конкурс магистерских работ имени Яна Юзефа Липского. Для кого он?

— Это общепольский конкурс. Его цель — увековечить память нашего покровителя, а также поддержать лучших выпускников гуманитарных и общественных специальностей, авторов работ по проблематике, которой интересовался Ян Юзеф Липский. Будучи историком литературы, он занимался также новейшей историей, историей Варшавы, общественными науками, правами человека и гражданина. Идея конкурса принадлежит Збигневу Буяку, который и организовал его в первый раз. С 2002 г. роль организатора приняла на себя «Открытая Речь Посполитая». Эссе Липского «Две отчизны, два патриотизма»,

которое мы недавно опубликовали как визитную карточку конкурса, — это одновременно и наша программная декларация. В рамках конкурса присуждаются специальные премии, среди них премия «Открытой Речи Посполитой», премия имени Яцека Куроня, а с 2008 г. — премия имени Гайки (Гражины) Куронь за работу по психологии.

— Где вы находите средства на вашу деятельность?

— Мы в полной мере общественная организация. Существоем за счет членских взносов, составляющих 1% от заработка. Мы пытаемся получать гранты на конкретные проекты. Например, на проект, связанный с годовщиной начала восстания в варшавском гетто, мы получаем средства от Варшавского городского бюро образования, а проект «Закон против ненависти» финансируют Фонд Стефана Батория и норвежские фонды. Поиск средств — дело трудное; сначала надо составить проект, заинтересовать им, а потом отчитаться. Но мы справляемся. Для встреч наших членов мы арендуем залы в различных организациях. Нам очень помогает Варшавский университет, который предоставляет нам зал бесплатно. Всё имущество Объединения или подарено, или сделано нами самими. Наш офис — совсем маленький, но в хорошем месте, мы сами сделали ремонт. Всё своими силами. Председатель малярничала, члены на своем горбу приносили все нужное. И это всё такие известные люди! Проблемы были только с водопроводчиком. (Смеется — А.У.)

— Вы сотрудничаете с различными международными организациями, занимающимися подобными вопросами. Насколько проблема нетерпимости, антисемитизма и ксенофобии универсальна для всех обществ?

— Сотрудничество — это сильно сказано. Каждая из организаций имеет свои цели и определенные формы деятельности. Поэтому не всегда совместная работа возможна. Мы входим в Европейскую организацию по правам человека, которая объединяет лиги по правам человека из разных стран, в том числе из бывшего Советского Союза. Они занимаются мигрантами, а антисемитизм рассматривают в израильско-арабском контексте, ибо таковы реалии в их странах. Это форма современного антисемитизма, основанного на генерализации и переносе на евреев ненависти к Государству Израиль. Кто-то разрушает еврейское кладбище, потому что в Израиле бьют арабов. В Польше мы всё время занимаемся антисемитизмом, как некоторые говорят, бытовым. Международное сотрудничество состоит в основном в обмене информацией и поддержке друг друга. Благодаря этому нас лучше слышат в

Европе, в Брюсселе, а это прибавляет нам веса и в Польше. Обмен опытом с организациями из других стран очень важен, потому что нетерпимость, ксенофобия и антисемитизм не знают границ. Мы сотрудничаем также с «Polish-Jewish Heritage Foundation of Canada». Нас часто приглашают участвовать в различных правительственных проектах, мы контактируем с Советом Европы. Нас знают, наше мнение ценят, с нами считаются.

— Как вы относитесь к утверждению, что антисемитизм — это национальная черта?

— Антисемитизм — это не национальная черта. Но наша задача не в том, чтобы перевоспитать антисемита, а в том, чтобы он знал, что это зло. Мы должны донести до людей, что к некоторым словам, замечаниям и аргументам нельзя прибегать в приличной компании, в приличном учебном заведении, на страницах приличной газеты. Что приличный книжный магазин не торгует книгами определенных издательств, так же, как все знают, что нельзя воровать. Это утопия, но за это надо бороться.

— В январе 2005 г. вы выступили с заявлением, что в начале пути, приведшего к Катастрофе, было слово ненависти. Вы реагируете на явления, которые со стороны могут показаться несущественными. Почему столь важно бороться с любым, даже малейшим, проявлением дискриминации?

— За много сотен лет в силу различных обстоятельств сложились стереотипы, которых мы иногда даже не замечаем. Даже в языке есть примеры — слово «цыганить»... Нельзя быть безразличным к проявлениям зла, надо всегда обращать на него внимание и искоренять. В прошлом антисемитизм был орудием политики, но на недоброжелательстве к чужим формировалась также и национальная самобытность. О гражданских правах речи не шло. Мы в Польше и сегодня еще любим посмеиваться над политкорректностью, но без нее мы не научимся уважительно говорить о еврее, женщине, мусульманине или гомосексуалисте. Американцам потребовалось 30 лет, чтобы выработать такие стандарты, — и дело не в том, что нельзя быть расистом, а в том, чтобы такие взгляды публично не выражать. Потому что таков закон.

— Американцам понадобилось тридцать лет. А когда мы с этим справимся?

— Увидим... То есть, наверное, это вы увидите, а я не знаю, удастся ли мне.

— А где, по вашему мнению, проходит граница закрепленной в конституции свободы слова?

— Прежде всего необходимо об этом все время говорить. Такого рода вещи нельзя юридически санкционировать, всегда нужно видеть человека и контекст. Лично я считаю, что мы нарушаем эту границу, если кто-то почувствует себя обиженным, — и не я это решаю, а именно он. Дело очень спорное, потому что речь идет о чувствительности. В Польше нет прецедентного права, каждое дело — отдельное, и каждый суд интерпретирует его по-своему. Официальные ответы, которые мы получаем на наши письма, тоже очень разные. То, что один чиновник считает преступлением, для другого — пустяк. Иногда кажется, что приговоры выносятся в странах с разным общественным устройством. Поэтому так важно общественное обсуждение этих вопросов — как на академическом уровне, так и в школьных классах. Сожжение государственного флага — это оскорбление национального символа или гарантированное конституцией право свободного выражения взглядов? Надругалась ли Незнальская над крестом или воспользовалась правом на свободу художественного высказывания?

— В нынешнем году Объединению исполняется 10 лет. Планируете ли вы как-то отметить эту дату?

— В связи с десятилетием мы готовим конференцию о расизме и антисемитизме. Юбилей приходится на осень. Запланирована встреча с Франсом Павлоффом, автором «Коричневого рассвета» — адресованной молодежи повести о толерантности. Мы недавно издали ее отдельной брошюрой. Будем продолжать наши проекты, связанные с мониторингом прессы, работы судов и проявлений антисемитизма. В связи с юбилеем пройдет, конечно, много интересных встреч, мы проведем лекции по тематике и проблемам, которыми «Открытая Речь Посполитая» занимается все эти годы.

— На сколь долгое будущее рассчитана деятельность «Открытой Речи Посполитой»?

— В части, касающейся искоренения антисемитизма, — пока будет что искоренять. Мы реалисты. Мы знаем, что такие явления не исчезают быстро. Не думаю даже, что это вопрос ближайшего будущего. Но в любом случае остается задача формирования установок на терпимость и уважение к другому человеку, а это всегда будет требовать усилий.

Беседу вела Агнешка Устинская

Паула Савицкая — психолог, университетский преподаватель, переводчица с английского. В 80-е годы была активным деятелем оппозиции, а после 1989-го оказалась среди тех, кто создавал третий, неправительственный сектор. Руководила также депутатскими бюро, в частности Яцека Куроня и Бронислава Геремека. В настоящее время — председатель правления объединения «Открытая Речь Посполитая». В нынешнем году опубликована книга Марека Эдельмана «И была любовь в гетто», написанная в соавторстве с ней.

СИМВОЛ ВСЕГО САМОГО ПРЕКРАСНОГО, ЧТО ЕСТЬ В ПОЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Шёл 1958 год. Кристина Богуславская, только что окончившая Варшавский университет по специальности польская филология, специализировавшаяся по драматургии Ежи Шанявского и увлеченная идеями Януша Корчака, попала в среднюю школу №42 в варшавском районе Окентье. В среде варшавских педагогов эта школа пользовалась не самой лучшей репутацией: здесь учились дети прежде всего из неблагополучных семей с окраины столицы. Чтобы как-то сладить с непослушными детьми, учителя часто применяли методы физического воздействия.

Школьников били линейкой по рукам, за серьезные провинности наказывали, запирая на долгие часы. Дети показывали учительнице польского языка синяки, объясняя: «Это от отца, это от матери, а это от директора». И Окентье в тогдашней Польше не было исключением.

С Кристиной у педагогического коллектива и родителей с самого начала отношения складывались непросто. Молодая учительница сразу объявила, что не собирается применять телесные наказания. Чего она боится? Ребенок — не посуда, не разобьется. На одном из родительских собраний поступило предложение, чтобы неопытная учительница записывала все провинности учеников и передавала записи родителям, а их делегация каждую неделю будет определять наказание. Она отказалась и внедрила поистине революционную идею: чтобы утихомирить класс, в конце каждого урока рассказывала отрывок из выдуманной ею самой истории. В этой истории дело происходило во время войны, герой проявлял чудеса ловкости, а звонок на перемену заставлял его в драматической ситуации. Условием завершения рассказа было спокойствие на очередном уроке. Жаждавшие развлечения ребята, лишенные кино, телевидения и книг, в тишине дожидались очередного отрывка.

В 1960 году история закончилась. В один прекрасный день в класс Кристины вошел ученик, у которого по шее струйками

стекала кровь. Директор, который за опоздание наказывал, поднимая виновника за уши, на сей раз явно перестарался.

В другой раз Кристина пришла в школу первой. Когда она открыла ключом дверь в уборную, то увидела, что на полу спит, свернувшись калачиком, мальчик. Учителя накануне в наказание заперли его и забыли выпустить.

Был скандал, из школы в Окентье она ушла, но полученный там опыт помог ей выработать внутреннее сопротивление той системе просвещения, и оно присуще ей и по сей день. Сопротивление это превратило Старчевскую в одну из самых значительных фигур польской педагогики.

Обиженный министр

Если договориться с ней о встрече в школьном кабинете, то беседа будет выглядеть следующим образом.

Издалека уже слышен сильный голос, перекрывающий школьный шум: «Что вы себе вообразили? Почему такой шум? Вы что, в лесу находитесь? Это ведь школа». Маленькая женщина в больших очках и теплой безрукавке отчитывает не на шутку разошедшихся девчонок как типичная училка.

Сначала приходится извиняться перед группой беженцев из Сомали, которые в кабинете директрисы учат польский язык.

Потом в кабинет врывается учительница с министром из школьного правительства, ответственным за порядок в школе. Министр обиделся, что учительница поручила ему убирать бумажки, разбросанные его товарищами возле урны. Спор разрешить не удастся. Директриса договаривается о встрече с ним позднее.

Скрипит мебель, привезенная в подарок индусами. На видном месте снимок из детского дома, которым руководил Корчак. Со стены сверлит взглядом Ганеша, божество с головой слона, символ мудрости.

Потом появляется девушка в растянутой кофте, ей грустно и просто хочется поговорить. Позже стучится еще один беженец. Звонит телефон. Секретарша постоянно сообщает, что в приемной ожидают родители. А еще надо ехать на встречу, такси уже заказано.

Старчевская слушает внимательно, быстро принимает решения. Лишь на мгновение, когда очередные просители не стучатся в дверь, она прикрывает усталые глаза.

Прикрикнув, не унижать

Халина Бортновская, подруга Старчевской с послевоенного времени, считает, что она — символ всего самого прекрасного, что есть в польской интеллигенции:

— У этой женщины абсолютно нет желания кого-то подмять под себя, захватить власть, которая нам дана исключительно для управления. И вместе с тем она очень здравомыслящий человек, не чурается решения денежных вопросов и не боится создавать структуры. Благодаря соединению этих черт она добилась небывалого успеха: мало того, что она изобрела утопию, так эту утопию после падения коммунизма она еще и воплотила в жизнь.

Зофья Мильская-Вшосинская, психотерапевт, говорит:

— Она всегда готова договариваться, но без капитулянтства. Это исключительная редкость: слишком часто люди, склонные к компромиссам, сдают свои позиции. Она же может и прикрикнуть, как всякий настоящий учитель, но делает это так, чтобы никого не унижать.

Судьба Стрacheвской тоже может служить прекрасным символом весьма непростых судеб польской интеллигенции после войны. Дочь врача и учительницы, вся жизнь которой была связана с кругами интеллигенции варшавского района Охота, в ранней юности она считала себя коммунисткой. Родители были в отчаянии, когда она отошла от Церкви и с головой ушла в работу в Союзе польской молодежи [польском комсомоле]. Она верила в красных скаутов, в нового человека, которого следует ковать с младенчества.

Потом были сцены наподобие тех, что показаны в фильме Войцеха Марчевского «Дрожь», и время зрелого сопротивления «идеологически верному». Сначала в школе появились строгие мужчины в костюмах и забрали ее в райком на площади Нарutowича. Товарищ, фамилии которого она не знала, похвалив ее за активность, обрисовал ей картину ее возможной карьеры, которой, как он сказал, не будут препятствовать ни неправильное происхождение, ни брат, погибший во время Варшавского восстания. Было лишь одно условие: она должна записывать каждое слово, сказанное учительницей польского, а потом приносить отчеты на площадь Нарutowича.

Кристина, не раздумывая, ответила:

— Это донос, товарищ, — и отказалась.

Некоторое время спустя, в летнем лагере СПМ, у одной из девушек завязался роман с инструктором. После их поездки вдвоем на остров мужчина созвал собрание и привел слова девушки, которые та сказала о Сталине: «Хорошо бы он сдох, он полякам враг». Инструктор потребовал исключить девушку из лагеря. Он рассчитывал на единомышленников.

— У стены, — рассказывает Старчевская, — стояли трое мужчин с хмурыми лицами. Они не вмешивались, пока не выяснилось, что большинство членов СПМ против. Они велели повторить голосование. У того, кто проголосует против предложения инструктора, возникнут трудности. Лагерь подчинился. Девушку арестовали. Вот так в юном возрасте я оказалась дважды бездомной. Сначала потеряла веру в Бога, потом в коммунизм.

Во время «оттепели» студентка полонистки первой распустила ячейку СПМ на своем факультете.

Пресс-папье и директор

Мягкость Кристины Старчевской, ее умение владеть собой и чудесная улыбка не должны обманывать. Припертая к стене, она умеет защищаться.

После ухода из школы в Окентье она ненадолго попала в школу рабочей молодежи на площади Люблинской унии. Кого там только не было: и офицеры госбезопасности, и монахини, и дети сановников.

— Это еще вообще неизученная тема, — говорит Кристина Старчевская, — гэбэшники, ставшие после смерти Сталина директорами в школах. Я встречала таких людей, в той школе тоже. Помню, я тогда была беременна, мне велели продавать учебники. Выстроилась очередь, как раз мимо проходил директор. По сей день я помню неприятный жест — это был хлопок ладони о ладонь, словно он дал кому-то пощечину. Он обратил внимание на то, что важные персоны стоят в очереди, вместо того чтобы получить книги без очереди, и велел мне раздать им учебники, а деньги собрать позже. Я отказалась.

Старчевскую вызвали на ковер. Она дала себе слово сохранять спокойствие, если только директор не начнет вести себя агрессивно.

Тот хлопнул ладонью о ладонь раз, другой, затем повысил голос. В конце концов вскочил с кресла.

Старчевская не выдержала: схватила мраморное пресс-папье и что есть сил запустила им в сторону начальника. После чего убежала в ужасе, что убила человека. Забаррикадировалась в уборной, ожидая приезда милиции.

Когда она вышла, директор стоял у двери. Он был вежлив и извинялся. С тех пор он вел себя с ней по-другому.

В стене директорского кабинета, на уровне его головы, еще долго виднелась большая дыра.

Вот что говорит Войцех Эйхельбергер, психотерапевт, друг Старчевской с середины 70-х годов:

— Я не вижу тут никаких противоречий. Кристина всегда готова к примирению, склонна к компромиссам. Но она не позволяет переходить границы, которые сама устанавливает. Если бы это было не так, ее самый важный проект, общественная школа «Беднарская», быстро затрещал бы по швам.

Маяки демократии

Если весенним днем случайный прохожий бросит взгляд за ограду общественной гимназии и лицея «Беднарская» в районе Охота, то увидит обычную школу. Мальчики играют в футбол и фрисби, за ними наблюдает учитель физкультуры. Кто-то устанавливает музыкальное оборудование, сейчас начнется занятие у гимназисток из выпускного класса, они будут репетировать полонез для выпускного бала. Бросаются в глаза новые прожекторы на спортивной площадке, старательно отремонтированный фасад.

Это, однако, иллюзия: за оградой на пересечении улиц Рачинской и Немцевича, в том самом здании, где 60 лет назад начинала учиться Старчевская, скрывается явление, которое на ниве польского образования имеет совершенно особое значение.

— Она всегда мечтала о современной школе, — замечает Эйхельбергер, — а примериваться к новым идеям начала уже в начале 80 х. Будучи экспертом «Солидарности» по вопросам просвещения, она разрабатывала требования, касавшиеся необходимых реформ в этой сфере, и я немного ей в этом помогал. После введения военного положения мы организовали подпольный Комитет общественного сопротивления (КОС), выпускавший раз в две недели свой бюллетень, а затем — издательство. Просвещение было одной

из самых важных тем. Мы обсуждали изменения в программах, расширение полномочий педагогических советов, возможность организации школ с авторскими программами. Потом даже появился в университете семинар, посвященный детальным аспектам функционирования будущей независимой школы. Эти идеи были по своей сути настолько революционными, что вызывали сопротивление даже у сторонников «Солидарности».

Через день после окончания заседаний «круглого стола» группа учителей и родителей зарегистрировала Общество друзей первого общественного общеобразовательного лица.

Сын Халины Бортновской был учащимся первого выпуска, сама она преподавала закон Божий. Она вспоминает:

— Это было нечто из области совершенно партизанской деятельности. Нам пообещали предоставить здание при приходе в Вилянове, но ксендз расторг договор, узнав, что среди нас есть разведенные. О том, насколько все жаждали перемен, свидетельствует тот факт, что кандидатов было по десять и более человек на одно место, хотя физически школы еще не существовало. Мы арендовали помещения в студенческом общежитии Главного сельскохозяйственного училища.

Спустя 20 лет школа разрослась и превратилась в серьезное учреждение: «Беднарская» состоит из пяти школ, в которых учится почти тысяча лицеистов и гимназистов. В школе царят демократические порядки: на основании утвержденной в самый первый год школьной конституции законодательной властью является Школьный сейм, исполнительной — правительство, то есть Школьный совет, а судебной — Независимый школьный суд. Во все органы избираются представители учащихся, родителей и преподавателей. Существует школьная валюта, «беднары», которые учащиеся зарабатывают собственным трудом для школы и вносят в качестве платы за обучение. Нет здесь неотъемлемого в польском образовании атрибута — пронзающего уши звонка.

Учащийся обязан сам позаботиться о том, чтобы приходить на занятия вовремя.

Школьник имеет право вызвать в школьный суд преподавателя, если сочтет, что с ним обошлись несправедливо. У школьников есть четко прописанные обязанности. Запрещаются: физическая и словесная агрессия, поведение, создающее опасность для окружающих, нечестность

(в том числе плагиат и списывание), употребление наркотиков и алкоголя. Если нарушен какой-либо из этих принципов, между школой и школьником подписывается особый контракт. В случае его несоблюдения учащийся покидает школу. За 20 лет было семь таких случаев.

И самое главное: учащийся — это человек, и к нему следует относиться как к человеку.

Говорит Кристина Старчевская:

— Общественным школам очень быстро прицепили такую метку, будто там всё можно, а преподаватель — это приятель. Мы избегаем таких ошибок. Рамки должны быть установлены обязательно, и в отношениях между учителем и учеником совершенно необходима иерархия.

«Беднарская» задумана как подготовка к вступлению в гражданское общество, в котором сталкиваются различные аргументы, а решения находятся путем компромисса. Осветительные мачты на спортивной площадке появились в результате дискуссий, длившихся на протяжении двух сроков школьного парламента.

Враждебный фидеизм

Педагогическая карьера Старчевской в ПНР закончилась в 1967 г., когда она, будучи преподавателем известного варшавского лицея им. Словацкого, встала на защиту двух учениц выпускного класса. Одна из них, юная анархистка, написала, что «слово отечество, будь то в нападении, будь то в опасности, всегда пахнет убийством». Вторая в качестве исходного посыла для своей работы взяла слова епископов «прощаем и просим прощения», демонстрируя христианский способ мышления о мире.

Секретарь школьной партийной организации потребовал наказать учениц, поставив им оценку «неудовлетворительно».

Она опять отказалась. Не согласилась и подписать аттестаты с оценками, заниженными до «удовлетворительно».

— Это был первый лицей, в котором я вместе с учениками прошла весь воспитательный цикл, с первого класса до последнего, — объясняет она. — В течение четырех лет я втолковывала им, что они имеют право думать и писать то, что считают правильным, так что вся ответственность ложилась на меня. Вдруг оказалось, что я элемент враждебный и деморализующий. В характеристике, которую мне показал

директор, было написано: «Потворствует самым низменным инстинктам юношества и воспитывает его в духе фидеизма». Речь шла не только о работах на аттестат, но и о философском кружке, на заседаниях которого мы беседовали, в частности, о св. Фоме Аквинском.

Ей запретили работать по профессии.

Исключен, но выиграл

На спортивную площадку выходит молодой тибетец в монашеском одеянии. Сразу же за ним — Кшись Байер, добрый дух школы, выпускник «Беднарской»: ему 30 лет, он пережил два тяжелых несчастных случая (в результате одного из них у него поврежден спинной мозг). Благодаря упорству учителей он окончил лицей, работу на аттестат зрелости набирал на компьютере одним пальцем. Сегодня он здесь работает, на посту школьного ангела-хранителя занимается фондом помощи особо нуждающимся школьникам.

— Полагаю, что Кристина в глубине души — социалистка в лучшем смысле этого слова, — говорит Мильская-Вшосинская. — Поэтому она решала проблему морально-психологического характера при формировании учреждения, в котором за учебу надо платить. Она не хотела, чтобы «Беднарская» стала неким анклавом для детей варшавской интеллигенции и состоятельных родителей. Она следила, чтобы в бюджете были стипендии для учащихся, чьи родители не могут какое-то время платить. Для нее было очевидным, что в школе будут бесплатные места для детей беженцев, для тяжелобольных и детей из детдомов. Некоторые родители соглашались на это с трудом. Я помню, как один из отцов заявил, что не желает, чтобы за его собственные деньги ребенок общался с «хулиганьем». Кристина умела спокойно убеждать, что дети приобретают ценный опыт, они учатся быть активными и оказывать помощь другим, соприкасаются с другими культурами.

Сегодня в гимназии учатся дети беженцев из Чечни, Тибета и Африки.

— Это очень трудные решения, и требуется невероятное умение, чтобы их осуществить, — добавляет Халина Бортновская. — Родители обладают весьма ограниченной склонностью к риску, когда дело касается их ребенка, и это надо понимать. А есть еще и учителя.

— Бывает трудно, — говорит Старчевская, — но иначе вряд ли получится. Когда в школе появились наркотики, в Школьном сейме вспыхнул спор. Школьники объявили, что дадут свое согласие на выборочные исследования мочи, если сдать анализы согласятся и учителя. У педагогов были сомнения, но аргументы их убедили. Без нашего согласия не было бы и речи об истинном партнерстве.

В другой раз на Старчевскую подал в школьный суд парень, пойманный на школьном празднике с бутылкой водки. Его должны были исключить из школы, но он выиграл дело.

— Этим парнем был мой сын, — говорит Зофья Мильская-Вжосинская. — Свою защиту он построил на том, что в школьном распорядке запрещалось лишь распивать алкоголь на территории школы, но ничего не говорилось о внесении его на территорию. У меня не было сомнений: если он не пил, то лишь потому, что не успел, — так какое значение могли иметь эти софистские уловки? Я с удивлением наблюдала за слушанием дела, в котором к этой записи отнеслись очень серьезно. Был назначен эксперт — учитель химии, который доказал, что интенсивный запах алкоголя в классе может исходить не от ученика, который выпил рюмку водки, но от какого-нибудь сосуда, из которого этот алкоголь пролился. Я дала показания в соответствии с истиной, что из холодильника исчезла бутылка «Сивухи» с раскрошившейся пробкой, так что алкоголь, действительно, мог вылиться. Суд решил, что если алкоголь не распивался, то оснований исключать ученика не было. Кристина, директор школы, проиграла, ее решение было отменено судом, в составе которого были и школьники. Какой иной учитель позволил бы себе оказаться в такой ситуации?

Старчевская этот случай хорошо помнит:

— Такова цена партнерства. Независимый суд решил дело не в мою пользу, но я была довольна, ибо это был хороший урок демократии, в основе которой лежит равенство всех перед законом. А этот непослушный мальчик по окончании школы стал мужем моей внучки...

В школе не пытаются скрывать, что случаются ситуации, которые трудно разрешить. Хотя бы эта ученица из детского дома, которая крада мобильники и деньги. Родители добивались, чтобы ее убрали из школы. Оказалось, что ее принуждали к этому ее же товарищи по детдому: они считали, что если она общается с детьми из состоятельных семей, то обязана платить за это. Она осталась в «Беднарской», так как

было принято во внимание ее исключительно трудное положение.

Образование, то есть фундамент

В первый день мартовских событий [1968 го] Кристину Старчевскую — работавшую тогда над кандидатской диссертацией по философии — избили гэбэшники, обозвав жидовкой. Потом это происходило еще не раз, только в тех случаях нападавшими были обычные граждане. В конце 70 х гэбэшники похитили ее прямо на улице и предъявили ультиматум: либо она будет сотрудничать, либо ее зятя, непокорного вьетнамца, выдадут в руки тамошних спецслужб. Грозили изнасилованием дочери или несчастным случаем, подстроенным неизвестными.

Чем больше препятствий, тем решительнее Старчевская стремится к цели. Перечень инициатив, в которых она активно участвует — самостоятельно или вместе с мужем Стефаном, — похож на путеводитель по современной истории: в середине 70 х, будучи адъюнктом в Институте философии и социологии ПАН, она организовала семинар по гуманистической психологии, привлекая внимание польских психотерапевтов и ставший местом встречи всех, кому трудно выносить идеологическое давление; сагитированная своим бывшим учеником Мирославом Хоецким, она оказывала поддержку КОРу, помогая рабочим из Радома; стала преподавателем Товарищества научных курсов; работала в группе экспертов по вопросам просвещения при «Солидарности»; возглавляла Группу независимого просвещения; во время «круглого стола» добивалась права создавать общественные школы.

— В конце 80 х у меня были претензии к Кристине, — не скрывает Зофья Ромашевская, одна из ведущих фигур КОРа. — Мне казалось, что вместо того, чтобы создавать самостоятельную структуру, ей следовало войти в систему государственных школ и изнутри развалить ее. Теперь же я думаю, что даже такая сильная женщина, как Кристина, не справилась бы со столь закостенелой структурой.

— В кабинете Кристины висит портрет Корчака, — рассказывает Мильская-Вжосинская, — я думаю, что для нее это главный источник вдохновения во всех ее начинаниях, если речь идет о контакте с детьми. Но Корчак был прежде всего педагогом — в некотором смысле он ушел от мира, сосредоточившись на своих подопечных. Кристина занимается образованием, ибо хочет изменить общество. Впрочем, это для нее характерно: так, не будучи ни психологом, ни

психотерапевтом, она, тем не менее, занялась антипсихиатрией и гуманистической психологией. Вероятно, потому что эти направления возникли из противостояния авторитаризму и ограничениям свободы.

Возможно, именно поэтому на Старчевской долгое время уже в 2000-е годы была сосредоточена вся злость министра просвещения Романа Гертыха за то, что она позволяла своим ученикам устраивать демонстрации против проводившейся им политики.

* * *

Говорит Войцех Эйхельбергер:

— Проклятие польского просвещения заключается в отсутствии у преподавателей гибкости. Педагоги получают дипломы, включаются в круговорот школьной жизни и спустя несколько лет застывают в рамках одного метода, а потом удивляются, почему им становится всё труднее устанавливать контакт с новыми поколениями школьников. Кристина знает, что хорошая учительница должна постоянно держать глаза открытыми и реагировать на все происходящие изменения. Осознавая это, она всегда понимает школу.

Старчевская не любит рассказывать о рейтингах, так как именно в них она видит источник сегрегации:

— Директора часто не хотят принимать учеников, которым требуется помощь и опека, детей беженцев, детей из детдомов или имеющих физические ограничения, потому что у них нет шансов получать хорошие оценки, а тем самым снижаются рейтинговые результаты. Для меня важнее рейтинга и места в нем помощь тем, кто на самом деле в ней нуждается; важнее обучать учеников терпимости и гражданской активности.

Рядом с кабинетом директора Старчевской висит стенгазета, которую она показывает всем своим гостям в доказательство того, что общественные школы — это не питомники по выращиванию эгоистов.

На снимках — дети из Бирмы: на деньги, собранные школьниками, там построили кирпичное здание школы, чтобы их ровесники могли учиться не на глиняном полу.

Есть еще фотография бирманской девочки, которую родители в благодарность за помощь назвали «Польша».

Я использовал, в частности, дипломную работу Марии Топчевской «Школа на Беднарской 1989–2009» и репортаж Яцека Хуго-Бадера «О зеленом гусаке и зонтике генеральши Ярузельской».

LAUDATIO КРИСТИНЕ СТАРЧЕВСКОЙ

Святой Георгий убил дракона. Если верить старинной иконографии, он проткнул его копьем, а его конь растоптал поверженного дракона. Тем самым он освободил некое королевство от кровожадного террориста. А мог бы считаться приемлемым этот — прямо скажем, бескомпромиссный — акт свершения правосудия сегодня, во времена, не склонные к аллегориям?

Признаемся честно: нет!

Сегодня к дракону подошла бы проф. Кристина Старчевская в одеждах св. Георгия и вместо того, чтобы рубить ему голову, велела бы ему отправляться... в класс. Ибо она не убивает драконов, она их учит и воспитывает.

И так было «всегда»: **когда** вместо того, чтобы бить линейкой по лапам и надирать ученикам уши, она рассказывала им придуманную ею самой приключенческую историю;

когда вместо того, чтобы снизить двум выпускникам оценки, она предпочла смириться с тем, что ее уволили;

когда вместо того, чтобы наслаждаться «малой стабилизацией», она выбрала сотрудничество с членами КОРа и рабочими из Радома;

когда вместо того, чтобы выдать спецслужбам «классово и расово чуждого» человека, она предпочла принять его в свою семью и в течение нескольких лет укрывать;

когда вместо того, чтобы согласиться с аргументами генерала, она предпочла создать КОС и издавать книги.

И наконец: вместо того, чтобы в 1989 году разваливать существующие школы, она предпочла воплотить мечту своей жизни и создать свою школу.

Так появилась «Беднарская», то есть 1 й Общественный общеобразовательный лицей. Теперь это комплекс школ, которые на протяжении 20 лет выпускают не столько будущих председателей правлений (хотя и такая печальная участь

постигает некоторых из них), сколько людей, для которых главным становится общественная этика.

Кристина Старчевская учит ответственности — за себя и за других; учит, как мудро распоряжаться свободой, как не впадать в рутину; учит интересоваться событиями, происходящими в мире, и участвовать в них.

Она учит школьников, родителей и учителей видеть: слабых, незащищенных, людей с ограниченными физическими возможностями, бедных, старых, больных.

Она убеждает, что многообразие и непохожесть обогащают; что надо научиться жить и воспринимать разные культуры и религии; что очень важно помогать.

Она верит, что школа должна служить ребенку; что люди, в том числе и такие юные, знают, чего они хотят, и что, предъявляя к ним свои четкие требования, надо им доверять; что, несмотря на самые разнообразные ловушки, демократия — лучший из путей, по которому стоит идти.

Но у Кристины Старчевской есть и недостатки: она **заражает...** умением мыслить; она **не заботится...** о собственной карьере и собственных нуждах; она **растрачивает...** время на каждого школьника, который хочет с ней поговорить.

И вечно что-то исправляет.

В школе всегда было много драконов. Кое-кто даже утверждает, что сама школа по природе своей — это дракон. Добавим: дракон вечно ненасытный. Кристина Старчевская постоянно его приручает. И, видимо, так будет продолжаться до конца света, ибо воспитание в духе добра — это процесс, который никогда не кончается.

Госпожа профессор, благодарим вас за ту последовательность, с которой вы стараетесь превратить этого крылатого змея в ангела.

О ПОЛЬСКИХ ВЛИЯНИЯХ

— Я не принадлежу к числу самых ранних советских социологов. Мои учителя — В.Ядов, И.Кон, В.Шубкин, Б.Грушин, Ю.Левада. Они внесли немалый вклад в возрождение социологии к моменту, когда я был приглашен работать в Институте конкретных социальных исследований в 1969 г., после защиты кандидатской диссертации на философском факультете Ленинградского университета. Но до этого, в силу разных превратностей судьбы, я в 1966 году твердо выбрал социологию как свою специальность, как профессию. Поэтому я могу сказать не слишком много о влиянии польских социологов на советскую социологию в самый любопытный период, когда она заново складывалась как научная дисциплина, а социологи-первопроходцы устанавливали контакты и связи со своими коллегами из стран социалистического лагеря. Кроме того, отечественная социология в 1960-е годы вела сражение за полноправное существование, а польская социология успешно прошла путь своего становления и организации. Она была более продвинутой с многих точек зрения. Тому есть несколько причин.

Основная причина состоит в том, что в истории Польши так называемый «советский» период был короче нашего. В принципе, запретов на социологию польское общество не знало. Это очень существенно. Поэтому сразу после победы над фашизмом поляки продолжили развитие своей национальной социологии, возникшей в 1920-е — 1930-е гг. Это, может быть, трудно назвать возрождением. Был перерыв, вызванный второй мировой войной, годами политической неразберихи в Польше. Но поскольку были сохранены все связи, сложившиеся внутри социологического сообщества, а они сложились еще до начала Второй мировой войны, то имела место быстрая регенерация этих связей. Часть польских социологов второй половины XX века — люди с довоенным социологическим опытом.

Среди советских социологов таких людей не было. Ибо после того, как в 1930 году эту буржуазную науку запретил Сталин, она ни в какой форме не существовала целых двадцать пять лет. Она претерпела, как говорят математики, длительный разрыв непрерывности. У поляков разрыв непрерывности более

короткий, 1939–1945 годы плюс еще несколько трудных для всей страны лет. После того, как поляки восстановили свою горячо любимую Варшаву и залечили раны в других городах (например, в Кракове, где еще в 1364 г. был основан Ягеллонский университет), они занялись с энтузиазмом мирными делами, прерванными войной. Им это собирание культурных и научных сил стоило относительно недорого, потому что их никто не рассеивал и не запрещал, не подвергал преследованиям.

Когда же у нас после XX съезда КПСС началось возрождение социологии, то сразу стали ясны последствия упомянутого разрыва непрерывности. Для того чтобы стать полноценной, полифункциональной, высоко профессиональной научной дисциплиной, социология должна пройти через три стадии. Первая стадия, ее называют теоретико-методологической, это особый период выделения новой науки из среды других родственных наук. Советской послевоенной социологии нужно было пройти едва ли не заново через этот период, а польская социология сложилась в довоенное время, и ее никто не «закрывал». Принудительный монизм марксистской точки зрения, провозглашенный при образовании социалистической Польши, не разрушил довоенные традиции социологического мышления, сложившиеся под влиянием европейской науки и культуры.

Вторая стадия становления любой дисциплины связана с процессом ее институционализации. Науки нет, если нет научных центров, системы подготовки кадров, научных журналов, издательств, которые выпускают книги. Все это польские социологи довольно быстро реанимировали после победы над фашизмом. Здесь следует напомнить, что Вторая мировая война приостановила развитие социологической мысли во всех странах. В войну было не до исследований общественной жизни. Одна из немногих классических работ этой трудной для всего человечества поры, книга «Американский солдат», посвящена изучению боевого духа армии США. Ее авторы — американские ученые, мобилизованные для службы в войсках, сражавшихся против гитлеровцев. Польша находилась под фашистской пятой. Понятно, что тогда было не до социологии. Однако уже в 1950-е гг. механизм воспроизводства социологического знания действовал вполне успешно. В частности, возобновилось преподавание социологии в университетах страны, началась интенсивная публикация социологической литературы, поляки в числе первых установили контакты с Международной социологической ассоциацией, приняли самое деятельное

участие в ее конгрессах, считая свою национальную социологию частью мировой. По фазе институционализация советской социологии сильно отставала от польской. К чести поляков, они никогда не подчеркивали своих преимуществ и достижений, хорошо понимая трудности становления советской социологии в условиях послесталинского СССР.

Третья стадия становления социологии связана с наличием развитой эмпирической базы. Полякам не пришлось заново обучаться теории и методам организации социологических исследований. Высокая культура проведения этих исследований сложилась еще в довоенное время. Этот опыт был по достоинству оценен нашими соотечественниками. С поляками было не только интересно, но и полезно работать. Мы обогащались от сотрудничества с ними.

Говоря иначе, в 1960-е гг. состояние польской социологии отвечало едва ли не всем науковедческим критериям, а в СССР еще не решались назвать «кошку кошкой». Эта дисциплина числилась у нас под именем «конкретные социологические исследования». Да и первый de-facto социологический академический институт был назван ИКСИ АН СССР, институтом конкретных социальных исследований. А слово «социология» на партийном языке ассоциировалось с буржуазной наукой. Чувствуете разницу? Я усилю ее ссылкой на еще одно обстоятельство. Заболевание части польских социологов доктринальным марксизмом-ленинизмом было не очень сильным. Хотя среди них было много теоретически подкованных марксистов, которые сознательно разделяли учение Маркса, принимали его на вооружение, честно пытались найти ему подтверждение в практике строительства новой Польши. Многие из них и в социализм по-настоящему верили, так же как и мы в то время. Во всей стране было достаточно большое количество людей просоциалистически настроенных.

Никакого гонора у них, как у польской шляхты, не было. Между нами были равноправные деловые и человеческие контакты. Складывание общей точки зрения проходило безболезненно, одни, как бы исподволь учили других на основе перекачки опыта каждой из сторон. Отмечу теплоту этих отношений, подлинно дружескую атмосферу, основанную на общем интересе к социологической науке, сотрудничестве в самых разнообразных формах, личных связях и симпатиях, радушии, гостеприимстве, которое, как правило, не обходилось без застолья.

После того как контакты двух социологических миров — советского и польского — были установлены, мы начали их догонять, правда, со своей скоростью. И у нас появился институт, а затем, в 1974 г., журнал «Социологические исследования», но сильно опередить наших коллег мы не смогли. Лишь в конце 1980-х гг. в нашей стране появились первые социологические факультеты. Да и общие условия развития социологической науки у них были более благоприятными. Польские социологи не испытывали давления цензуры в той степени, какая была характерна для последних десятилетий СССР. Мы поневоле были в плену монистического взгляда на историю и общество, как сказал бы Г.Плеханов. Взгляды поляков были более гибкими, пластичными, диверсифицированными, несли на себе следы естественного для них плюрализма. Потому что, повторюсь, период советизации у них был короче, потому их мозги не так пострадали, как наши мозги. Тем не менее, это не приводило к какому-то противостоянию. Сложились две примерно равноценных когорты, и ни с кем больше советские социологи так интенсивно не общались в 1960-1970-е годы, как с поляками. С ними были самые прочные отношения, и, я думаю, даже самые откровенные, искренние. Столько, сколько мы друг другу рассказывали, мы не рассказывали никому. Мне лично казалось, что первые по близости люди в славянском и социалистическом мире это — поляки. А потом остальные, не в обиду им будь сказано.

Весьма любопытно, что в Польше не было головного института социологии. Центральным обществоведческим учреждением был ИФИС ПАН — Институт философии и социологии Польской академии наук. В отличие от советских философов, польские философы были настроены довольно либерально. И если мы не питались идеями наших официальных философов, то только в силу их ортодоксальности. В отличие от нас, польские социологи основательно равнялись на своих философов. Ценили их свободный и глубокий ум, высокую образованность. Если бы советским социологам предложили влиться в Институт философии, они бы закричали: «Караул!» А здесь, в стенах ИФИС они гармонично сосуществовали, разделили сферы познания в соответствии с предметом каждой науки. Больше того, ИФИС как центр сосредоточения философов и социологов ни разу не подвергался никаким гонениям. Политическая история польской социологии в этом смысле спокойная, там не было разгромов, во всяком случае, таких вмешательств со стороны партии, как это десятилетиями происходило у нас. Философы и социологи ПНР не конфликтовали, постоянно ездили в Европу и США,

приобретали утраченный было международный лоск, искали путь к самостоятельным представлениям, отчетливо понимая, что рано или поздно мы сохраним отношения, но они будут сами по себе, а мы будем сами по себе. Хотя, кстати, такое будущее очень редко обсуждалось, с ним соглашались по умолчанию. Вот это тоже очень существенно.

И они дальше нас ушли в процессе институционализации. Если обратиться ко второй половине 1960-гг. (пик шестидесятничества), то в это время мы продолжали сочинять инициативные записки в ЦК КПСС со ссылками на богатый опыт и достижения зарубежной, в частности, польской социологии. Я был в Англии стажером на Би-би-си и по возвращении домой написал обстоятельную бумагу о том, что надо изучать аудиторию, надо знать, что люди думают о телевидении, что само телевидение должно быть человекоцентричным, оно должно опираться на потребности людей, а не на директивы и команды сверху. Переписка была долгой и редко приводила к конкретным результатам. А польские социологи поступили иначе. В 1970-е годы они создали при польском радио и телевидении вот такой (показывает характерный жест — поднятый большой палец — Т.К.) центр изучения общественного мнения и начали очень методично, день за днем опрашивать радиотелевизионную аудиторию: «Что вы вчера смотрели, что позавчера смотрели, как вам это понравилось? Сколько времени затрачиваете на просмотр телепрограмм?..» Знать все это коммуникатору абсолютно необходимо. Коммуникатор должен знать общую ситуацию, кто и сколько смотрит телевидение (слушает радио), какие программы и по каким причинам выбирает. Важна информация доступности телевидения и радио в разное время суток, в разные дни недели, построенная на кривых «засыпания страны» и подсчетах доли бодрствующих зрителей по отношению ко всей потенциально возможной аудитории. Коммуникатор обязан знать, сколько людей, находящихся дома в данный момент времени, могут смотреть телевизор, и сколько из них фактически его смотрят. Это все азбука радиотелевизионной политики. Вся эта система у поляков работала слаженно. Они не очень этим хвастались, не бравировали. Результаты опросов были доступны всем желающим, издавались на польском языке, пожалуйста, покупайте, читайте. Поляки на этом не остановились и приступили к изучению общественного мнения населения страны. Так социология в этой стране стала востребованной не только властью, но и обществом. Другое дело, что они не могли с помощью этих исследований изучать отношение к Советскому Союзу, социализму и его ценностям, но, тем не менее,

научились (даже при условии этих ограничений) держать руку на пульсе страны. Наш всесоюзный центр общественного мнения (Заславская, Грушин, Левада) возник лишь в 1988 году. Не обошлось без преград. ЦК КПСС, разрешив ВЦИОМ, тут же попытался создать параллельную структуру: центр изучения общественного мнения при ЦК КПСС. Стоило трудов доказать, что делать этого не следует. Центр изучения общественного мнения должен быть независимой структурой, иначе люди не будут говорить правду.

Они раньше, чем мы, приступили к созданию сети социологических учреждений на территории своей страны. В Кракове был создан Печатоведческий центр на зависть всей журналистике социалистических стран с интересной программой (история польской прессы, анализ ее функционирования в условиях социалистической Польши). Благодаря этому они видели, куда идет процесс массовой пропаганды. У нас такого обстоятельного и многолетнего мониторинга не было. Главная моя идея состоит в том, что мы были как бы в разной «спортивной» форме тогда, когда мы вступили в контакт с польскими социологами. Во многих сферах социологической деятельности они опережали нас на определенное количество очков хотя бы потому, что они были более свободными, чем мы.

Обозначу еще один ресурс развития социологического знания и мышления. Среди поляков, в частности среди польской интеллигенции, было много людей, знавших европейские языки такие, как английский, французский, немецкий. Многоязычие — характерная черта многих относительно небольших стран. Отсюда и более высокий уровень космополитизма, интернационализма широко понимаемой польской культуры. У нас в пятидесятые годы прошлого века космополитизм преследовался, его выжигали каленым железом уполномоченные на то органы государственной безопасности, а поляки продолжали жить в поликультурном поле, созданном в процессе их многовековой истории. По этим причинам зарубежная социологическая мысль никогда не изгонялась из умов жителей этой страны. Идет ли речь о Конте, Спенсере, Вебере, Дюркгейме, Мангейме или о других классиках мировой и европейской социологии, их труды постоянно переводились, переиздавались, они пользовались спросом и никогда не заносились в проскрипционные списки книг, предназначенных для изъятия из хранилищ библиотек, читален, книжного рынка и уничтожения по акту, как это десятилетиями делалось у нас под руководством Главлита и вездесущих представителей ВЧК-ОГПУ-НКВД. Поляк,

гражданин ПНР имел больше шансов прочесть на своем родном (или на любом другом зарубежном) наречии многое из того, что запрещалось читать советскому гражданину. Польский книжно-журнальный рынок в 1970-е гг. стал источником информации, которую Главлит СССР относил к разряду сведений, предназначенных «для научных библиотек», «для служебного пользования». На этом рынке имели свободное хождение тексты «самиздата» и «тамиздата». Знать польский язык значило получить доступ к источнику запрещенной в СССР информации. Многие так и делали: учили польский язык и сразу попадали в более свободное информационно-культурное пространство. Вот еще одна из причин, в силу которой поляки были более раскованными, чем мы.

Я все время подчеркиваю, что, может быть, человеческие отношения были равные, а в профессиональном отношении мы во многих смыслах им уступали. Но никого из нас это не обижало. Мы, глядя на них, понимали, в чем они более продвинуты, чем мы. Например, все отцы-основатели послевоенной советской социологии — самоучки, талантливые, одаренные люди, но самоучки. По образованию либо философы, либо логики, либо специалисты по системному анализу, либо экономисты. Среди них нет ни одного человека с базовым социологическим образованием. Таковое в СССР отсутствовало. Направлять молодых людей в Европу или США для получения университетского социологического образования стало возможным лишь в предзакатную пору советской власти. В итоге первопроходцы-социологи были, как сказал бы поэт, революцией мобилизованными и призванными. Социологом в первое время считался тот, кто себя так называл. Хотя это не подтверждалось дипломом и соответствующим знанием, но за этим была осознанная внутренняя установка на новую науку.

Что касается наших польских партнеров, то у них ядро социологически образованных людей обозначилось раньше, чем у нас. Поэтому они были сильнее. Поэтому неслучайно книгу «Элементарные понятия социологии» (она вышла в свет в Польше в 1966 г., а ее перевод на русский язык был опубликована в СССР в 1969 г.) написал академик Я.Щепанский, в то время директор ИФИС, вице-президент Польской академии наук по общественным наукам, президент Международной социологической ассоциации. Он был европейски образованным ученым. По свидетельству советского академика А.М.Румянцева, директора ИКСИ АН СССР, он великолепно знал многоязычную социологическую литературу, в равной мере новейшую и старую, прекрасно и

безошибочно ориентировался в неисчислимом обилии социологических, философских, социально-психологических, исторических, демографических школ, течений и направлений, обладал редкостным умением находить «рациональное зерно» и давать точную оценку как самым абстрактным теоретическим направлениям, так и сугубо конкретным выводам. Эта книга — базовый учебник для социологов всех социалистических стран. С ее страниц молодая для нас дисциплина заговорила на языке мировой социологии, впервые за многие годы опираясь на научную терминологию, а не советский идеологический «новояз». Хорошую профессиональную подготовку имели практически все лидеры основных направлений польской социологии, в частности Я. Жигульский, М.Клосковская. Я называю только тех, с кем я был лично знаком и поддерживал постоянные контакты.

— А как часто вы бывали в Польше?

— В Польше я впервые побывал в самом начале 1980-х годов. До этого я принимал участие в социологических тусовках, проводившихся совместно с польскими коллегами на родной земле. Моим знакомством с польскими социологами очень способствовал В.Ядов. Он был контакт-меном из первого эшелона, я представлял второй эшелон. Ядов знакомил меня со своими польскими коллегами и говорил: «Вот хороший мужик, Борис Фирсов, познакомьтесь». Целью первой поездки, возвращаясь к ней, была стажировка в ИФИС и Краковском печатоведческом центре. Еще один раз побывал в Польше в 1982 году. Тогда в Варшаве проходил очередной семинар Международной ассоциации по изучению массовой коммуникации. Сверх того у меня были тесные связи с сотрудниками Центра исследований общественного мнения при Польском комитете по радиовещанию и телевидению. В изданиях этого центра вышло несколько моих статей.

— Вы общались здесь, когда они сюда приезжали?

— Конечно, это было естественным делом на протяжении всей истории послевоенной советской социологии.

— А тогда, в начале 80-х, не припомните, когда это было, в каком году первый раз?

— Может быть, 1981 год.

— Когда «Солидарность» была разгромлена или еще нет?

— Связать это событие с тем, как развивалась «Солидарность», я не могу. Сфера нашего профессионального общения была теснее всего связана с научными направлениями, которые мы и они, поляки, представляли. Политизация советской социологии и советских социологов произошла в период перестройки, а до этого мы ездили и встречались по своим академическим делам. Я хотел познакомиться с помощью Яна Щепанского с исследованиями ИФИС в сфере массовой культуры (поляки тогда в этой сфере серьезно лидировали). Поэтому именно к нему я и поехал. «Солидарностью», возникшей, как известно, в 1980 г., занимались социологи из Института международного рабочего движения в Москве, а также дипломаты и политики. К тому же политологии в Советском Союзе тогда еще не было. По этой причине прямые контакты советских исследователей с деятелями, активистами «Солидарности» отсутствовали. Мы больше о них читали, слушали зарубежное радио, но непосредственных контактов не имели.

— Кроме Ядова, кого бы вы могли еще назвать, кто был среди отцов-основателей?

— Приведу для строгости ответ на этот вопрос, который я дал в книге «История советской социологии 1950–1980 годов». Социология, бесспорно, была результатом сознательной деятельности интеллектуальной элиты под влиянием хрущевской либерализации после XX съезда КПСС (1956 г.). Идею реставрации социологии предложила группа советских философов с либеральной ориентацией (Г.Осипов, Б.Грушин, В.Ядов, Ю.Левада, А.Здравомыслов, И.Кон, Г.Андреева). Естественным оказалось присоединение к ним экономиста В.Шубкина, историка Ю.Арутюняна. В принципе идея была поддержана большинством интеллектуального сообщества. Ядро философов, тем не менее, было инертно к идее, что не помешало части из них (тем, кто имел дело с диалектическим материализмом, логикой и естественными науками, — П.Копнину, А.Зиновьеву, А.Ракитову, Б.Кедрову) также высказаться «за». Из числа ученых — специалистов по историческому материализму — в ряды защитников социологии вступил В.Келле. На сторону социологии перешли международники (Ю.Арбатов, Ю.Замошкин, В.Семенов), специалисты, занимавшиеся системным анализом (И.Блауберг, В.Садовский, Б.Юдин). Новые волны поддержки исходили от математиков, кибернетиков (Л.Канторович, лауреат Нобелевской премии), журналистов и писателей-публицистов. Особо важными оказались действия «Нового мира» и «Литературной газеты», которая была главным рупором

социологии (до выхода первого номера журнала «Социологические исследования» в 1974 г.), публиковала социологические статьи, рецензии на книги. Редакция «ЛГ» была первым заказчиком исследований читательской почты и читательской аудитории

— Если можно как-то определить, чем была Польша, польская социология для российской социологии?

— Отвечу афористически, не своими, а чужими, но очень точными словами: Польша была Востоком на Западе и Западом на Востоке. Это была страна с более сильным фактическим западным влиянием, более высокой степенью либерализма, свободы слова и гласности. Польские юмористические журналы пользовались в нашей стране огромной популярностью. Ибо эти журналы открыто демонстрировали свое свободомыслие.

— Роль событий в Польше. С какого времени вы начали следить за ними внимательно? Если начали, конечно.

— Я начал с «Солидарности».

— Но до «Солидарности» в Польше был 1956-й год?

— Верно, но на события 1956 г. я не обратил внимания — понять тогда, что начинается обрушение тоталитарной системы восточно-европейского социализма, я не сумел.

— А на «Солидарности» какой был акцент?

— Было совершенно ясно, что появилась новая общественная сила, и традиционная структура общества меняется, возникает альтернатива, оппоненты строю, возникают не только центростремительные, но и центробежные силы. Как это все кончится? Будет ли это у нас, и в какой форме? Такие вопросы не могли не приходиться в голову.

— То есть вы все-таки прогнозировали, пытались экстраполировать на нас?

— Нет, я не пытался прогнозировать, но сравнения были неизбежны. Да и общность судьбы не вызывала сомнений.

— А вы представляли, что такое возможно у нас?

— До 1985 года — нет. Размораживание моего сознания началось в перестроечный период. Именно тогда началось общее движение к финалу советской истории. Однако развитию воображения содействовали не столько польские

сюжеты, сколько беды советской истории. Было ясно, что у нас произойдет что-то свое.

— А чем, вы думали, закончатся эти польские события?

— Я допускал, что это может закончиться серьезной вооруженной борьбой. Но поляки сделали все возможное, чтобы избежать кровопролития, и я если не восхищался, то, во всяком случае, оценил, что им удалось найти мирный путь разрешения конфликта. Мудрость польского народа здесь восторжествовала. Возможно, что поляки лучше, чем мы, усвоили уроки собственной истории. Были аресты и далеко не единичные, но это дело привычное для социалистического лагеря. А кровь не пролилась.

— Газеты польские вы когда-нибудь выписывали?

— Нет. Я их не читал. Я не выучил польского языка, но у меня было много пересказчиков, толмачей. Занятость собственными делами помешала найти время на изучение польского языка.

— Кто был основным пересказчиком? Ядов?

— Нет, никоим образом. У него тоже были пересказчики. Были знакомые, которые все это читали. Это были не социологи, а просто друзья. Они ходили в книжный магазин стран народной демократии на углу Герцена и Невского, выгребали оттуда все польское, читали с увлечением и щедро делились своими открытиями в дружеском кругу.

— А кто был в вашем кругу таким полонофилом?

— Назову одного из них, это Давид Рубашкин. К сожалению, он ушел из жизни. Интеллигентный, отменно воспитанный и образованный человек, он в числе первых в моем кругу понял, что появился новый источник познания мира, польская книжно-журнальная продукция, с помощью которой можно узнать много нового и неожиданного. Доня поступил очень просто — он выучил польский язык и сразу стал более грамотным, более просвещенным во многих вещах, чем мы.

— А кем он был?

— Он был инженером, выпускником Электротехнического института имени В.И.Ульянова (Ленина). Мы с ним были друзьями.

— Как можно оценить влияние Польши, событий в Польше, польской науки?

— Это сильное культурное влияние.

— Просветительское?

— Да, в каком-то смысле просветительское, но не без политических последствий. Поляки заставляли нас задумываться над тем, насколько правильно и справедливо устроена наша советская жизнь.

Запись 18 декабря 2006 года.

Записала Татьяна Косинова

ТРУДНО ПРОСТИТЬ ТОМУ, ПЕРЕД КЕМ ВИНОВАТ

Даже мало думающие об истории и отстранившиеся от политики россияне не могли не слышать об информации, которая появилась на сайте минобороны: в развязывании Второй мировой войны виноваты не Германия и ее бесноватый фюрер, а поляки. Автор этого утверждения, полковник С.Ковалев — лицо вполне официальное, значимое: начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории РФ. Помещен текст ни много, ни мало в разделе «Военная энциклопедия».

По мнению С.Ковалева, Гитлер предъявил два безобидных требования: вернуть Данциг (ныне Гданьск), отторгнутый от Германии по Версальскому договору и разрешить строить на польской территории дороги, которые связали бы Восточную Пруссию с основными немецкими территориями. Если бы поляки не проявили свой гонор, согласились, то Второй мировой войны бы и не было.

С легкостью необыкновенной полковник объяснил причины других аншлюссов: значительная доля ответственности за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на «малых странах Европы». В общем, все вокруг в дерьме, посередине только два белых пушистых — Гитлер и Сталин, совершивших фактически четвертый раздел Польши, которая должна была вести себя скромнее.

На публикацию «открытия» военного историка обратили внимание многие СМИ, и вскоре она исчезла с сайта минобороны. Министерство неуклюже попыталось откреститься от причастности к публикации. Сначала временно исполняющий должность начальника управления пресс-службы и информации МО РФ полковник Александр Дробышевский, а затем сам начальник Генштаба генерал армии Николай Макаров сообщили, что на сайте отражаются различные, в том числе и дискуссионные точки зрения. Данное мнение — дело автора, а не позиция минобороны. Так-то оно так, но, как правильно заметил в «Новой газете» Олег Хлебников, остается неясным, почему раздел сайта называется «Военная энциклопедия». Можно напомнить и о должности

С.Ковалева: он не просто научный сотрудник и полковник, а еще и руководит научно-исследовательским отделом Института военной истории, входящим в структуру МО РФ.

Многие связывают публикацию С.Ковалева с начавшейся в стране борьбой против фальсификации истории. Как отметил «МК», который одним из первых обратил внимание на непотребный текст, не прошло и двух недель после создания соответствующей комиссии при президенте, а кампания уже вовсю развернулась. Подраздел сайта минобороны называется: «История против лжи и фальсификации». У меня много непонимания и возражений по поводу комиссии, но справедливость требует сказать, что связи между текстом и разворачивающейся борьбой за «правильную линию» нет. Как сообщил Олег Хлебников, удаленный с сайта минобороны текст С.Ковалева остался в электронной версии «Военно-исторического журнала» за 2008 год, № 7. Мало того, эта статья включена в список публикаций, представленный С.Ковалевым 11 июня 2009 г. для защиты докторской диссертации. Весьма интересно знать, как пройдет защита после отзывов о статье. Что она состоится и закончится благоприятно для соискателя у меня, к сожалению, сомнений нет.

По положению ВАК, докторская диссертация должна быть научной квалификационной работой, содержащей теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное достижение в развитии соответствующего научного направления, либо в ней должно быть осуществлено решение научной проблемы, имеющей важное социально-культурное, народнохозяйственное или политическое значение. В соответствии с правилами, докторская С.Ковалева принята к защите диссертационным советом как минимум четыре месяца назад. Ее должны читать назначенные советом рецензенты, председатель совета. На защите будет обсуждаться вопрос, насколько выводы автора являются крупным достижением в развитии теории, в то время как в СМИ идет дискуссия об их политическом значении. Ниже будет показано, что необходимой для защиты новизны в выводах С.Ковалева нет. Я пишу это не для того, чтобы ВАК не утвердил работу. Перед генералами ученые-эксперты бессильны. Я просто констатирую, что обсуждаемый текст не сенсация, а, к сожалению, достаточно устоявшаяся в российской исторической науке позиция.

В 2008 г. Александр Усовский издал тысячным тиражом книгу «Брат мой Каин». Авель в ней — это сталинская страна, отхватившая 17 сентября 1939 г. половину Польши. Сама

Польша — нехороший Каин. Почти на четырехстах страницах книга, как отмечено в аннотации, рассказывает «о том, как и почему польская элита предала свой народ в кровавом сентябре 1939 года, о подлинных причинах Второй мировой войны и о той роли, которую в ней сыграла Польша».

Один из основных тезисов сводится к тому, что «Гитлер намерен был решить свои проблемы с Польшей мирным путем» (с. 171). Жирным шрифтом автор выделяет, что Адольф Гитлер идиотом, кровавым маньяком и убийцей не был. Гитлер «строил свою Германию» (с. 147). По А.Усовскому немцы готовились только к оборонительной войне, тогда как Польша готовилась к войне наступательной. Если в исторической литературе утвердилась другая точка зрения, то только «потому, что это литература победителей» (с. 126), получивших право создавать свою «картинку предвоенного мира». Слагая оду гитлеровской «мирной политике», А.Усовский заодно оправдывает «сентябрьский поход Красной Армии в Польшу», который «все неангажированные историки признали естественным и нормальным внешнеполитическим ходом Советского Союза, справедливым деянием по всем нормам международного права. Так считают все нормальные ученые, специалисты в области истории Второй мировой за исключением догадайтесь кого» (с. 243).

Думаю, читатель догадался, о ком идет речь, кто руководил политикой Польши, которая привела ко Второй мировой войне. «Общественное мнение, требовавшее от польского правительства ни на дюйм не уступать притязаниям нацистской Германии, а в случае чего — вступить в войну с немцами — формировали польские города, значительной частью населения которых (наиболее богатой, а, следовательно, и влиятельной их частью) были евреи» (с. 181). Евреи виноваты и в гитлеровской политике их полного истребления: «антигерманская деятельность иудейских организаций началась еще задолго до первых «антисемитских» законов Третьего Рейха» (с. 146).

А.Усовский, конечно, вспоминает и вину англичан, которые подталкивали Польшу к войне. «То, что Польша решила Германии в этом вопросе ни за что не уступать — не более чем упертая твердолобость варшавских политиков. Или, что гораздо более вероятно, — тонкая игра лондонских кукловодов» (с. 177). Первую скрипку там играют английские финансовые круги, которые «английскими были лишь территориально» (с. 138).

О второй книге подобного пошиба говорит ее название. В 2009 г. Дмитрий Жуков издал претендующую на комплексный исторический анализ книгу «Польша — «цепной пес» Запада». Почти двести страниц уделено предвоенной политике Польши, которая привела к ее четвертому разделу. Д.Жуков предлагает отказаться от эмоций и признать, что у руководства Германии и Советского Союза «были достаточно веские основания для того, чтобы прекратить существование независимого польского государства» (с. 294).

Нельзя не привести один из перлов Д.Жукова по этому поводу: «В Москве считали, что Польша поддастся нажиму Гитлера и раньше или позже будет вынуждена пойти на сотрудничество против СССР. Ни того, ни другого не случилось, что и стало причиной краха Польши в 1939 году» (с. 285). Казалось бы, надо восхищаться такой стойкостью соседнего государства, сожалеть, что между славянскими народами не была создана система взаимоподдержки, но Д.Жуков неоднократно напоминает о «неразборчивости Польши во внешней политике» (с. 293), о «нежелании поляков урегулировать вопрос с исконно немецким Данцигом» (с. 296).

Взгляды Д.Жукова и А.Усовского несколько расходятся в оценке событий в Катыни. А.Усовский говорит о «пресловутой Катыни», главную проблему которой он видит в том, что «ничего не сообщив своему формальному союзнику СССР, не запросив у него ни данных, ни объяснений (...) польское правительство в эмиграции обратилось в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании «советских злодеяний»» (с. 256). Кавычки к последним двум словам подчеркивают позицию автора, что Катынь — дело «немецких рук» (с. 77). Д.Жуков приводит конкретные цифры по всем местам расстрела польских офицеров, называет фамилии палачей, описывает процедуры казней. На этом единственном вопросе расхождения заканчиваются, в главном авторы едины. А.Усовский высказал уверенность, что среди расстрелянных в Катыни и Осташкове «были сотни (если не тысячи) участников убийств пленных красноармейцев» и подчеркивает, что «их настигла заслуженная кара (...) они получили то, что заслужили» (с. 77). С ним солидаризируется Д.Жуков. По непонятным ему причинам «в сегодняшней России есть некоторая часть не слишком адекватных публицистов, которые предпочитают полагать, что виновниками катынских расстрелов были немцы». Д.Жукову «не совсем ясно, почему «красные патриоты» отрицают тот факт, что советское руководство приняло решение о расстреле некоторых категорий пленных. Во-первых, (...) были расстреляны

исключительно «заклятые» враги советской власти (...) во-вторых, (...) могли бы припомнить, что поляки вытворяли (...) в концентрационных лагерях советско-польской войны 1919–1920 годов». Таким образом, представители крайних политических позиций — явный большевик и откровенный антикоммунист — сошлись в своей оценке катаклизмов Второй мировой войны и определении ее виновников.

Книга А.Усовского издана тиражом тысяча экземпляров частным издательством «Золотое сечение». Можно сказать, что рынок и свобода слова дают автору право высказывать свою позицию. Опус Д.Жукова опубликован солидным издательством «Яуза-пресс» трехтысячным тиражом, что в современных условиях очень даже немало. Важно иное: обе книги я приобрел в Академии государственной службы при Президенте РФ. На трех столах, расположенных так, что мимо не пройти, предлагаются сотни подобных патриотических сочинений. Книга Д.Жукова, кроме того, продается в книжном магазине академии. Очевидно для того, чтобы проходящие переподготовку чиновники прониклись патриотическими идеями для разработки обоснованной международной политики.

Прокомментирую еще один текст. В конце 2005 г. «Литературная газета» отдала целую полосу Ю.Василькову под статью «Призраки польского гонора». Нельзя без содрогания и омерзения читать написанное Ю.Васильковым о незавидной судьбе поляков во Второй мировой войне. Он радостно сообщал, что «чуть более двух недель потребовалось, чтобы Польша в очередной раз исчезла с карты Европы». По поводу Катыни у Ю.Василькова претензии к Польше: «Массовый расстрел польских военнопленных под Катынью стал для поляков просто-таки бесспорным символом советского зверства, хотя по-прежнему в этой истории много белых пятен». Это опубликовано не в желтой прессе, а в газете, претендующей на роль направляющего факела для интеллектуалов России.

Можно привести еще десятки подобных текстов, так что С.Ковалев далеко не пионер в выдвижении концепции, что в развязывании Второй мировой войны виновата Польша. Эта точка зрения открыто или исподтишка поддерживается в научном мире, ее, несомненно, разделяют члены диссертационного совета, принявшие работу С.Ковалева к защите.

А.Успенский в свои сподвижники привлекает совсем уж неожиданную фигуру. «Наш живой классик, — пишет А.Успенский, — Александр Исаевич Солженицын, начиная

титаническую борьбу за святую правду-матку о Второй мировой (...) прежде всего объявил, что виновницей войны была Польша. В выступлении по английскому телевидению 26 февраля 1976 года, он без обиняков назвал ее страной, «из-за которой и вся мировая война началась»» (с. 199). Тут уж не знаешь, что и сказать. Если это вранье (думаю, это легко могут и должны проверить наследники А.И.Солженицына), то должна последовать жесткая санкция. А если так все и было, то остается только руками развести. Тут не поможет спасительное: и на старуху бывает проруха. Здесь надо копать глубже.

Необходимо понять и признать, что два славянских народа объединяет тысяча лет борьбы друг с другом. Это объективная реальность. Здесь неуместны вопросы «кто раньше начал» и «кто больше виноват». Противоборство на государственном-политическом уровне скверно сказалось на общественном сознании. Вспомним хотя бы ненависть к полякам Ф.М.Достоевского. Когда он замыслил в романе убить Аглаю Ивановну Епанчину, он выдал ее замуж за поляка и заставил принять католичество. В понимании Достоевского это хуже, чем быть зарезанной, как Настасья Филипповна. Аглаю наш гений присудил к деградации, да еще и в ад отправил.

Безусловно, поляки платили русским той же монетой, как и полагается заклятым друзьям. Правда, воевали с Россией под лозунгом «За нашу и вашу свободу». Этого нельзя забывать. Как следует помнить и то, что в 1938-1939 гг. ругаемая нашими патриотами тогдашняя польская элита не поддалась на уговоры Гитлера. Выбор у поляков был небольшой: чьим вассалом стать. Они предпочли прибиться к русскому берегу, надеясь, понятно, что и они, и русский берег от этого будут в выигрыше.

Чужим прощают многое, но своим, близким ничего не хотят простить. И никто не кажется таким чужим и непонятным, как свой, близкий.

Этот вывод позволяет понять, почему наши военные историки так рьяно ищут сучок в польском глазу. Джеромовский дядюшка Поджер, забивая гвоздь, попал молотком по пальцу. Виновата была жена, которая стояла рядом, под рукой. Нашим историкам нужно объяснить действия Сталина в 1939-1941 годах. К примеру, надо объяснить совместный парад в Бресте, нельзя уйти от вопроса о совместном учебном центре служб безопасности, созданном в Закопане в декабре 1939 г., где проходили переговоры ответственных чинов гестапо и НКВД.

Много еще чего надо растолковать сегодняшней молодежи и будущим поколениям. Правильней всего признать свою вину. Но зачем «ронять свое достоинство», если есть муж (жена), который всегда во всем виноват.

Если не спорить с мировым мнением, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, то надо сознаться, что мы в этой войне начали участвовать 17 сентября 1939 г. на стороне гитлеровцев. Необходимо покаяться. Более привлекательным оказался другой вариант: во всем виновата Польша. Его и раскручивают, начиная со сталинских времен, немало политиков и историков.

Таким образом, ничего нового и сенсационного в тексте С.Ковалева нет. Существенное отличие от высказываний других псевдоисториков в том, что он — лицо официальное, что называется, при должности в структуре министерства обороны РФ. И его инсинуации помещены на официальном сайте, как бы теперь руководители МО от этого не отреклись. О выходе на такую трибуну предшественники С.Ковалева и мечтать не могли. Споспешествовало этому, несомненно, создание при президенте РФ очередной чиновничьей структуры с занимательным названием — Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

СМИ активно откликнулись на создание комиссии. Появились справедливые вопросы, среди которых главные: почему среди 28 членов комиссии только три историка? Для чего в состав комиссии введены аппаратчики, у которых в своих ведомствах забот предостаточно? Что это за чудо-совместители? Что будут делать в комиссии люди, служебные обязанности которых — защита государственной тайны? С ответом на последний вопрос подсуетился кто-то из телеведущих, пояснив, что «от них зависит, какие секреты открывать, какие нет». За кадром осталось недоумение: а почему этим служакам-ключникам просто не дать соответствующие поручения, сущность которых определит комиссия президента. Лично для меня важны два взаимосвязанных вопроса. Почему комиссия ориентируется не на поиск исторической правды, а на противодействие? Какими критериями и мерками будет определяться, что та или иная трактовка исторических событий является именно фальсификацией в ущерб интересам России?

Пока создается впечатление, что ориентиром опять избрано обличение другой стороны, постоянные мелкие уколы, сопутствующие большому противостоянию. Это могло иметь место в XVIII–XIX веках, но совсем неприемлемо в XXI веке. Возвращаясь к проблеме «польской вины», обратимся к

Николаю Бердяеву. Применительно к условиям начала XX века он говорил, что полякам и русским необходимо отстраниться от воспоминаний о многовековом противостоянии. Покаяться должны все, признав свою долю вины. «Россия — подчеркивал он — выросла в колосса, как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для русского народа. Более сильному обидчику не подобает кричать об опасности со стороны более слабого, им же раздавленного (...) Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее».

Нет сомнений, что Бердяевская рекомендация не устарела, а, напротив, актуализировалась. Если это не так, то надо сознаться, что мы бесповоротно перестали быть колоссом как в государственном, так и в духовном смысле.

Сперанский Владимир Игоревич, доктор философских наук,
профессор Академии народного хозяйства при Правительстве
РФ.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Есть повод для оптимизма. Состоявшийся в нынешнем году 34-й Фестиваль польских художественных фильмов в Гдыне критика признала переломным для польского кино.

Председатель жюри режиссер Кшиштоф Краузе во время торжественной церемонии в Музыкальном театре в Гдыне заявил, что он, как и другие члены жюри, был очарован новыми польскими фильмами, которые столь интеллектуально умеют говорить о жизни. «Среди 24 фильмов, конкурировавших за „Золотых львов“, как минимум 20 хороших. Такого никогда не было», — сказал в интервью ПАП главный редактор журнала «Фильм» Яцек Раковецкий. А Барбара Холлендер написала в «Жечпосполитой»: «Наконец появились фильмы, которых ждали: сильные, неоднозначные, не подлежащие поверхностным суждениям».

«Золотых львов» за лучший фильм получил «Реверс» Бориса Лянкоша. 36 летний режиссер показал в нем сталинские времена в жанровом смешении черной комедии, film noir, детектива и даже фильма ужасов. «„Мышьяк и старые кружева“ в эпоху соцреализма», — так охарактеризовал фильм Раковецкий. Фильм получил также награды за лучшую женскую роль первого плана (Агата Бузек — между прочим, дочь профессора Ежи Бузека, нынешнего председателя Европарламента), за лучшую мужскую роль второго плана (Мартин Доротинский), за грим, операторскую работу и за музыку.

«Серебряные львы» достались фильму «Польско-русская война» Ксаверия Жулавского (по знаменитому роману Дороты Масловской). За мужскую роль в этом фильме получил премию популярный актер молодого поколения Борис Шиц. Премию за режиссуру получил Войцех Смажовский за «Плохой дом».

«Платиновых львов» за вклад в киноискусство удостоены два выдающихся режиссера — Ежи Хоффман и Казимеж Куц.

Со следующего года фестиваль будет проводиться в мае.

Во внеконкурсном показе фестиваля в Гдыне стоит отметить документальный фильм Лешека Гноинского и Войцеха Столы «Beats of Freedom». Это история польского рока времен ПНР, рассказанная английским журналистом польского

происхождения Крисом Салевичем. В фильме показана польская музыкальная сцена 60-х, 70-х и 80-х на фоне общественных и политических перемен; это рассказ о музыке, которая в гнетущих реалиях реального социализма несла людям глоток свободы и надежды.

Фильм показывает ставший для многих молодых людей этапным в те времена концерт «Rolling Stones» в Варшаве, организацию и развитие «Радио-3», перемены в Польше после августовских забастовок 1980-го и бум польского рока (дебюты групп «Маанам», «Перфект», «Республика», «Бригада Кризис», «Дезертир»), затем военное положение и кризисную действительность 80-х.

Очень зрелищны фрагменты, касающиеся фестиваля в Яроцине — своеобразного анклава свободы в те времена. Всё это дополнено эксклюзивными (иногда потрясающими) и малоизвестными архивными материалами — в частности Института национальной памяти и Национальной фильмотеки.

В ноябре пройдет самый крупный в Польше праздник российского кино — фестиваль российских фильмов «Спутник», представляющий новые фильмы, отмеченные наградами фестивалей, кино молодых дебютантов, конкурсные фильмы, ретроспективы мастеров и российскую киноклассику. Это будет уже третье подобное мероприятие.

В варшавском кинотеатре «Культура» (6-16 ноября) публике будет представлено около 120 фильмов. В программе, в частности, ретроспективы Павла Лунгина, Карена Шахназарова, польские мотивы на российском экране, «Золотая пятерка» и 15 конкурсных фильмов, оспаривающих гран-при «Спутник».

Представлено будет также творчество Василия Шукшина, показаны документальные фильмы об Андрее Тарковском. Не будет недостатка в фильмах молодого поколения — в частности, будет продемонстрирован «Тлен» Ивана Вырыпаева.

Для детей организаторы предусмотрели раздел «Маленький „спутник“» с популярными мультиками (культовый «Ну, погоди!», «Винни Пух», а также «Ералаш»).

Продолжением фестиваля в Варшаве будут кинопоказы почти в 20 городах по всей Польше, в том числе в Познани, Вроцлаве, Лодзи, Кракове, Щецине, Катовице.

В сентябре в Лодзи уже в восьмой раз прошел Фестиваль диалога четырех культур. Лодзь почти двести лет назад построили поляки, евреи, немцы и русские. Они основали совместные промышленные предприятия, построили храмы, театры, кинотеатры, стадионы. Для одних индустриальная Лодзь стала «проклятым городом», для других — «землей обетованной».

Благодаря Фестивалю диалога четырех культур Лодзь вспоминает о своих корнях. Тематика фестиваля нынешнего года обозначалась как «территориальность».

— Это потрясающе резонирует в пространстве Лодзи, — сказал один из организаторов. — По разным причинам. Возникают ассоциации с лодзинским гетто — территорией, граница которой была обозначена так жестко и фатально.

С мифом лодзинской «территории» сблизился режиссер Ян Клята, показавший в бывшем цеху фабрики Кароля Шайблера «Землю обетованную» по Владиславу Реймонту.

— Мы сосредоточились на том, что в романе стало захватывающим открытием, то есть на действующих лицах, — сказал Клята. — Тем, как они вовлекаются в механизм рыночной игры. Капитализм во времена Реймонта выражался в строительстве фабрик, а современный — более виртуален. Виртуальны деньги и заводы, остается чистая алчность. Это люди, которые играют всегда, но не знают, что играют с казино, а казино всегда в выигрыше. Таков капитализм, который мы считали самым справедливым, — он же хаотичен и разрушает человека.

Фестиваль нынешнего года отмечен также выставками, литературными встречами и концертами, среди которых концерт в связи с 65 летием ликвидации немцами гетто в Лодзи — Litzmannstadt Ghetto.

Каждая выставка работ Артура Нахт-Самборского, классика современной польской живописи, становится событием. Городская галерея «Арсенал» в Познани организовала в нынешнем году выставку «Артур Нахт-Самборский. Память мотива», составленную из 60 работ, принадлежащих семье автора (и переданных на хранение Познанскому национальному музею) и из частных собраний.

Показанные работы 1920–1974 годов охватывают все жанры творчества художника — натюрморт, обнаженную натуру, интерьер и пейзаж. Нахт-Самборский наследовал двум разным

традициям — немецкому экспрессионизму и польскому колоризму («капизму»^[1]).

Он родился в Кракове в еврейской купеческой семье в 1898 г., умер в Варшаве в 1974-м. Был членом сложившейся до войны в Париже знаменитой группы польских колористов, среди которых, например, Ян Цибис, Петр Потворовский, Ханна Рудская-Цибис, Зыгмунт Валишевский.

Выдающийся художник, Нахт-Самборский казался несколько таинственной фигурой. Он неохотно выставлял свои работы и, как пишет Мария Голомб (сотрудник Познанского национального музея), до последних дней жизни не соглашался устроить свою большую персональную выставку даже в лучших галереях и государственных музеях. Стало легендой, как он демонстративно скрывал работы от посетителей своей мастерской. А это были прекрасные, гармоничные полотна с великолепным колоритом.

«Помочиться в торт. Выставка из собрания Национальной галереи искусства „Захента”». Это в Варшаве. Вот такое неблагозвучное название — цитата из классика польского концептуализма Эдварда Красинского, когда-то написавшего коротенькое стихотворение о таком своем желании.

В экспозиции представлены редко выставляемые и никогда ранее не показывавшиеся работы из собрания «Захенты». Куратор выставки Кароль Радзишевский искал для них новый, иногда шокирующий контекст. Безусловный интерес вызывает реконструкция монументальной инсталляции Эдварда Красинского (1997), составленной из фоторепродукций одной из самых знаменитых польских картин — «Грюнвальдской битвы» Яна Матейко — в масштабе 1:1.

Выставка в основном представляет из живописные и графические работы 60-х и 70-х годов, с особым акцентом на обнаженную женскую натуру. Радзишевский, выпускник живописного факультета Варшавской академии изящных искусств, говорит: «Я рассматриваю работы других художников как части более крупного целого, как, например, тюбики, из которых я выдавливаю краски для одной, составной картины».

Выставку можно посетить до 22 ноября 2009 года.

Очередную книгу выпустил Михал Витковский, провозглашенный, после осыпанного бесчисленными премиями «Любиева», главным польским геевским писателем. «Марго» — это третий роман молодого автора. Дариуш

Новацкий так пересказывает содержание книги на страницах «Газеты выборчей»: «Заглавная героиня — водитель-дальнобойщик — имеет свою тайну: когда наступает ночь, она наряжается дешевой проституткой, любит, чтобы ее унижала банда обкуренных шоферов. Черная Грета — это немецкая лесбиянка и бандитка, охотящаяся на польских дорогах на наши фуры. Святая Асия дальнобойщиков, прикованная к инвалидной коляске девочка из Пётркува, поклонница прозы Токарчук и сетевой порнографии, сразу становится королевой СВ-радио, а потом истовой католичкой. Капрал, руководительница детского дома «Веселый гном», — жестокая педофилка, которая в своей жизни прочла только одну книгу — «Надзирать и наказывать» Фуко во французском оригинале. Ксендз Марек — оборотистый бизнесмен и экзорцист, владелец гей-клуба в деревне на литовской границе. Вальди «Баккарди» Мандаринка, простой паренек из-под Сувалок, рыбак и помощник кузнеца, становится главной польской знаменитостью».

На презентациях «Марго» Витковский показывался в кофточке с провокационной надписью «Вальдек Мандаринка — это я!» Он утверждал, что «Марго» — это книга для всех, простая, приятная, без трудных слов и без героев с экзистенциальными проблемами.

«У меня было озарение: Мать Божья сказала мне: „Пиши для людей“. Это было в Лихене. Я стоял среди тысячной толпы и понял, что никто из собравшихся там не прочел бы даже двух страниц какой-либо моей книги», — рассказал автор в интервью Беате Затонской. Один из способнейших прозаиков молодого поколения, наделенный абсолютным языковым слухом, считает, что он оставил амбициозное писательство. Как-то трудно в это поверить.

Событием октября, несомненно, станет первый литературный фестиваль имени Чеслава Милоша в Кракове. Идея фестиваля — это не только пропаганда творчества польского нобелевского лауреата, но прежде всего творчество Милоша как исходный пункт дискуссии о современном мире, культуре и литературе. Каждый фестиваль связан с определенным аспектом творчества Милоша. Девизом-темой нынешнего фестиваля станет «Порабощенный ум».

О своем участии в поэтических вечерах и тематических дискуссиях заявили, в частности, Вислава Шимборская, Шеймус Хини, Дерек Уолкот, Юфи Груша, Ханс Магнус Энценсбергер, Ко Унь, Томас Венцлова, Адам Загаевский. Фестиваль пройдет с 23 по 26 октября.

Литературная награда «Нике» будет в этом году присуждаться тринадцатый раз. В мае был оглашен список из 20 номинируемых книг. В сентября жюри определило семь финалистов. На поле боя остались: Анджей Барт («Фабрика мухоловок»), Инга Ивасюв («Бамбино»), Игнаций Карпович («Жесты»), Томаш Пёнтек («Дворец Острогорских»), Богдан Славинский («Королева тирамису»), Эугениуш Ткачишин-Дыцкий («Песня об обусловленностях и зависимостях»), Кшиштоф Варга («Гуляш из туруля»). Победителя объявят 4 октября.

Центральноевропейская литературная премия «Ангелус» — в стадии полуфинала. Из представленных 44 книг жюри отобрало 14, в том числе пять книг польских писателей и девять — зарубежных. «В полуфинал прошли три чешские книги. Это свидетельствует, что их уровень очень высок, а проблематика серьезная, не маргинальная. Кроме того, очень хороши книги сербская и белорусская», — заявил профессор Анджей Завада, член жюри. Следующее заседание жюри состоится в октябре, а премия традиционно будет вручена в декабре на торжественной церемонии.

Продолжается конфликт вокруг Нового театра в Лодзи. В августе президент (мэр) города Ежи Кропивницкий (хотя он и не числится в ПиС, но пользуется поддержкой партии Ярослава Качинского) добился увольнения художественного директора театра Збигнева Бжозы, выполнявшего эти функции с 1 сентября 2008 года. Формально Бжоза был отставлен по итогам голосования членов труппы, а фактически — в результате вмешательства президента города. Кропивницкий ставит под сомнение профессиональные достижения директора: «Збигнев Бжоза — это дутая фигура».

Большинство труппы бойкотировало голосование. Под руководством Бжозы Новый театр имел успех, получил престижные «Золотые маски»: премиями отмечены спектакль «Бригада шлифовщика Каргана» в постановке Ремигиуша Бжика как открытие сезона 2008/2009 и Войцех Блах — как лучший актер сезона 2008/2009. Возмущены местные депутаты «Гражданской платформы». «Власти города показали, что считают театр своим подворьем. Такими методами пользовалась коммунистическая власть. Тогда тоже подавляли проявления интеллектуальной независимости», — комментировала факт увольнения Бжозы депутат горсовета от ГП Агнешка Новак.

Открытое письмо Кропивницкому направил Петр Деймек, сын Казимежа Деймека — выдающегося режиссера и легендарного

директора Нового. В письме он решительно потребовал убрать имя отца из названия театра, обвинил президента и его чиновников в некомпетентности, позорящей имя и разрушающей наследие Казимежа Деймека.

Протестовали драматурги, ведущие литераторы, бывшие актеры Нового театра, лидеры альтернативных театров, а также студенты актерского факультета Лодзинской киношколы.

«Как будущие творцы, — написали студенты знаменитой киношколы, — мы потрясены тем, что в демократическом государстве, в котором, мы, как полагали, живем, может иметь место такого рода ничем не обоснованное политическое вмешательство в художественную жизнь театра, не имеющую к политике никакого отношения». Обязанности художественного директора Нового театра Кропивницкий передал актрисе Мирославе Мархелюк до проведения конкурса на эту должность. Заявки должны подаваться до 12 октября, новый художественный руководитель начнет работу 1 декабря. Теоретически. Что будет, если он не понравится президенту города, мы не знаем.

-
1. От КР — аббревиатуры Польского комитета, содействовавшего организации поездок молодых польских художников в Париж.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Подумать только: вот уже десять лет я готовлю эти обзоры культурной периодики для «Новой Польши»! Наверное, если собрать все экземпляры газет и журналов, которые я перелистал, чтобы найти что-то, как мне кажется, интересное для наших читателей, наберется приличная горка.

Просматриваю не только польские издания, но и немецкие, и русские; бывает, что и иные, но это уже от случая к случаю. Так вот, в последнем номере «Континента» (139/2009) попалась мне подборка стихов Фазиля Искандера к его 80-летию (поздравляю!)[¹]. Одно стихотворение называется «Протест»:
«Вершит свой путь цивилизация / И на искусстве ставит крест.
/ И в знак протеста нализаться я / Решил. И выразил протест».
На здоровье!

Но всё, в общем-то, верно. Даже, может быть, слишком. Когда я просматриваю нынешнюю прессу — будь то польскую или немецкую — и сравниваю с тем, что было лет двадцать назад, я вижу вымирание разделов культуры, их сокращение; вместо прежних обширных обзоров и рецензий — заметки, а в целом внимание уделяется, скорее, массовой культуре, а не «трудным» художественным явлениям, требующим от потребителя определенной интеллектуальной подготовки. Таких потребителей, похоже, становится все меньше. Об этом пишет Жанета Налевайк, главный редактор варшавского ежеквартальника «Tekstualia», в статье «Стратегии поэзии, стратегии для поэзии» (2009, №2):

«Показатели читаемости культурной периодики в среде студентов угрожающе низкие, что означает и слабое знакомство с поэтическими текстами, и весьма низкий уровень их восприятия. Тому, как минимум, несколько причин. (...) Первая трудность, с которой, с большим или меньшим успехом, борются все издатели, — это распространение „нишевых“ журналов. Единственный критерий, принимаемый во внимание дистрибьюторами, — показатель продаж. Возникает порочный круг: продается тот журнал, который продается. Показательно, что с 1989 г. по нынешний день на рынке не удержался ни один литературный еженедельник, а число ежемесячных журналов значительно

сократилось. Вторая причина, по которой поэтические тексты, не опубликованные в книжном виде, остаются неизвестными, — это низкая заинтересованность литературной периодикой в кругах университетских преподавателей. Да, в списках изучаемой литературы можно встретить тексты, опубликованные в журналах, однако на гуманитарных факультетах крайне редко изучается такое явление современной культуры, как культурная периодика. Пусть это и трюизм, но всё же стоит напомнить: в литературном журнале можно не только опубликовать собственный текст, но и прочесть тексты других авторов».

Тут дается сноска, которую я хотел бы привести: «Интересный тезис о связи между снижением читаемости литературных журналов и крахом модели польской интеллигентской культуры выдвинул Мартин Вечорек в статье „Культурная периодика перед вызовами современности”. Автор заявляет: „Подобная модель польской культуры — интеллигентской, литературоцентричной, рефлексивной — изжила себя в 80-е — 90-е годы XX века. Доказательством тому служит как раз невозможность организовать со времен первой „Солидарности” (...) такой общественно-культурный еженедельник, который выполнял бы интеллигентскую миссию создания образа будущего, особенно в связи с литературой, а шире — с искусством. Это отсутствие означает — как знамение времени — исчерпанность интеллигентской культуры (ограничение сферы воздействия художественной, академической, высокой культуры, сомнения в значимости и даже в существовании такой культуры)».

Жанета Налевайк далее пишет: «Не способствует улучшению ситуации и отношение многих поэтов к академической модели чтения поэзии. Новые сборники не всегда попадают в библиотеки факультетов польской филологии, а на встречах с поэтами литературоведы вынуждены прибегать к „филологическим” стандартам описания поэтических текстов. (...) Худшим из возможных последствий этого обоюдного отсутствия заинтересованности, которое я могу себе представить, будет редукция массива изучаемой новейшей литературы до рейтинговых списков, предлагаемых масс-медиа. А если принять во внимание еще и прогрессирующий упадок критики (значение которой для молодого поэта трудно переоценить), то вполне можно представить, как мы будем жить не в культуре компетенции, а в культуре „promotion” и, что еще страшнее, будем вынуждены отвечать себе на вопрос, какова наша роль в утверждении такого положения вещей».

В том же номере «Tekstualia» под заголовком «Современные поэтические стратегии» печатается большое интервью с поэтом, эссеистом, университетским преподавателем Ярославом Клейноцким. Характеризуя самую молодую поэзию, Клейноцкий говорит:

«Ситуация у дебютантов, с одной стороны, улучшилась, а с другой — драматически осложнилась. Конечно, легко издать сборник, но часто первым и последним рецензентом поэта окажется его мама. И поэтические конкурсы перестают помогать. Я много раз работал в жюри конкурсов. Каждый раз это был опыт, который хорошо запомнился. Даже когда состав жюри был очень разнородным, все-таки нам удавалось определить лучшие подборки, практически единогласно вынести решение. Большинство конкурсов дает гарантию качества, но не в состоянии представить поэта широкой публике. В „большой” прессе о поэзии не пишут, разве что о поэзии мэтров. (...) Во-первых, страдаем прежде всего мы как читатели, ибо стали намного прозаичнее. После 1989-го, в капиталистической действительности, переменилось польское сознание. Уход от поэзии — результат этого. Во-вторых, для многих дебютирующих в искусстве стала важнее слава нынешняя, чем посмертная. Сегодня молодые не пишут „граду и миру”. Важнее существовать „здесь и сейчас”. И я имею в виду не только вульгарные финансовые аспекты».

Но, может быть, имеет смысл взглянуть на этот кризис бытования поэзии с определенной дистанции, которую дает нам рассмотрение положения литературы в школе. В каникулярном номере «Форума академического» (2009, №7-8) Марек Мисяк в статье «Зачем нам литература?» обращает внимание на факт, что экзамен по польскому языку (то есть, собственно, по отечественной литературе) на аттестат зрелости ориентирован на очень низкий уровень:

«Поводом для моей статьи послужило интервью председателя Центральной экзаменационной комиссии, в котором он с обезоруживающей (или настораживающей) искренностью заявляет, что экзамен простой, потому что его надо сдать и тем, кто в старших классах занимался постижением тайн квантовой физики, а не чтением книг. Профессор Кшиштоф Конажевский имеет право на такое мнение. Но дело в том, что с его высказыванием познакомятся молодые люди, которые всё же читают газеты. И согласятся, что литература — не ценность сама по себе: можно спокойно не читать, а отдаться тому, что интересно или, как им кажется, будет „полезным в будущем”. Отсюда, однако, один шаг до утверждения, что литература как

таковая полякам не нужна. Пусть читают те, кто хочет, кому любовь к чтению привили дома. А остальные могут спокойно не отличать Гоголя от гоголь-моголя».

К этому тексту — мы сейчас к нему вернемся — у меня одно замечание. Не знаю, право, откуда у автора уверенность, что молодые люди «всё же читают газеты». Мой собственный опыт работы со студентами неопровержимо доказывает, что они не только не знают литературы, но «не заморачиваются» даже и чтением газет, что, наверное, объяснимо, если бы речь не шла, помимо прочих, и о студентах, постигающих глубины журналистики. Чтение книг, независимо от того, научные это труды или в особенности «толстые» романы, все чаще становится тем, что превышает возможности молодых людей. Все исследования, касающиеся умения читать прессу и понимать тексты, дают убийственный результат.

Функциональная неграмотность становится уже, вне всякого сомнения, повсеместным социальным явлением, причем речь здесь не только о Польше — это проблема, пожалуй, глобального масштаба, в значительной мере связанная с развитием телевидения и новых коммуникационных технологий. Недавно я читал огромные тома переписки Ежи Гедройца — письма были для него основным инструментом работы, их осталось около ста тысяч. Я уверен, что это один из последних авторов, кто сумел в таком масштабе явить миру эпистолярное искусство. После нас останутся сохраненные в биллингах «эсэмэски» да еще «мейлы» — коротенькие тексты с телеграфной поэтикой.

Вернемся, однако, к статье Мисяка: «Зачем нам литература? Есть много концепций, определяющих ее функции, и не все признают за ней в равной мере важную роль (Платон хотел изгнать поэтов из своего идеального государства). Функции литературы можно ограничить, однако, четырьмя важнейшими: передача культурных ценностей данного общества (...); функция зеркала, в которое общество глядит на себя; нахождение индивидуальным читателем в переживаниях литературных героев собственных переживаний, а в вымышленном мире — собственных представлений; расширение выразительных возможностей языка. Понятно, что, кроме этих четырех, есть и развлекательная функция, которая может с ними сопрягаться. (...) Но всё дело в том, что ни одна из этих функций в современном мире не кажется необходимой. Передача культурных ценностей давно уже стала абстракцией, и не только в Польше. (...) Отражение в зеркале литературы становится для современного человека всё менее существенным. Большинство людей живет слишком

стремительно, чтобы найти время на какие-то углубленные размышления о себе. Впрочем, чаще всего люди и не ощущают потребности в рефлексии: их модель жизни и способ мышления представляются настолько хорошими, что нет смысла в такого рода раздумьях. (...) Мультимедийная культура превращает обмен культурными ценностями в ярмарку нового опыта и развлечений, а не зовет к рефлексии. Это звучит почти что апокалиптически. И в самом деле: чаще ли в прошлом люди в массе своей гляделись в зеркало литературы? Разница в том, что сейчас значительно реже этим занята элита — студенты, ученые, журналисты, вообще образованные люди».

Мисяк шаг за шагом убеждает, что традиционные функции литературы (причем знаменательно, что автор, говоря о дидактических функциях, даже мимолетно не упоминает эстетические), в общем-то, исчерпаны. А последняя из упомянутых им и вообще иллюзорна:

«Расширение выразительных возможностей языка стало для литературы, начиная с межвоенных лет, новым шансом развития, который, однако, со временем превратился в ловушку. Многие писатели ставят сейчас знак равенства между созданием литературы и языковой игрой. Но литература тогда перестает быть интересным предложением для людей, не увлеченных самим языком как творением, если она не сообщает ничего существенного об окружающем мире и человеке».

И все же литературу, несмотря на это, стоит читать — Мисяк убеждает:

«Отказ от чтения изящной словесности имеет своим побочным эффектом недостаточное уважение к языковым нормам. Всё чаще студенческие работы, в том числе дипломные, и даже диссертации полны кошмарных стилистических, пунктуационных и даже иногда орфографических ошибок. Если обратить на это внимание авторов, то они обычно отвечают с обезоруживающей улыбкой: „У меня врожденная неграмотность“, „У меня нет способностей к языку“ или (чаще всего) „А чего придирааться, всё ведь понятно“. Люди, не читающие литературу, перестают понимать самоценность языковой нормы. Язык становится для них исключительно коммуникативным посредником, а не чем-то, о чем следует заботиться. Если коммуникат понятен, то, значит, он правилен. (...) Проблема лишь в том, что вскоре, кроме маньяков-гуманитариев (...) никто не заметит иных ошибок, нежели орфографические. И что хуже, начинают

стилистически хромать многие научные работы, а их пунктуация просто вызывает к небесам об отпущении».

И в конце: «Школьное образование по полонистике должно целенаправленно прививать ученикам убеждение в необходимости литературы. Необходимости — для того чтобы человек мог считаться образованным, необходимости — для саморазвития личности. Став взрослыми, выпускники школ не обязаны изо дня в день после работы штудировать Пруста. (...) Важно, чтобы время от времени они прочли роман не только для развлечения и чтобы эту свою привычку передали детям».

Что же, последние исследования чтения показывают, что в 2008 году 62% поляков не прочитали ни одной книги. В этом контексте утешительно звучат слова из интервью физика Рышарда Городецкого «Мир сквозь квантовые очки», помещенного в том же номере «Форума академического»:

«Я сторонник погружения точных наук в гуманитарные. (...) Гуманитарий, не умеющий извлечь квадратный корень, и физик, не знающий Шекспира, должны стыдиться. Времена Ренессанса должны вернуться, иначе мы так и останемся во фрагментированном знании. Необходим некий культурный синтез, и мы будем искать общий знаменатель. Им может быть природа. К ней мы можем воззвать в любую минуту — и католик, и мусульманин».

Как видим, не все еще поставили на искусстве крест. И, установив этот факт, я с удовольствием еще раз подниму стопку за здоровье Искандера.

-
1. К этому дружескому поздравлению присоединяется также Ежи Помяновский, переводчик «Созвездия Козерога», шедевра Фазиля Искандера.